
Б10 3/9

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ СИБИРЬ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. А. Гурвича.

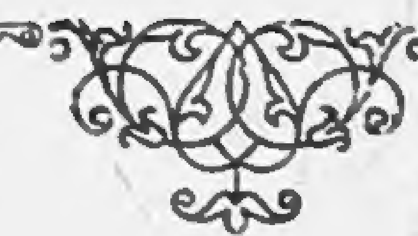
Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и Ко. Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсонъ.
1889.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ
КРЕСТЬЯНЪ ВЪ СИБИРЬ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. А. Гурвича.

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсонъ.
1888.

ТОВАРИЩЕСТВО
А. ЛЕВЕНСОНЪ и К°. въ МОСКВѢ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто-то (если не ошибаюсь, Щаповъ) очень удачно опредѣлилъ исторію русскаго народа, какъ исторію колонизаціи незаселенныхъ территорій. Дѣйствительно, постоянное, если можно такъ выразиться, центробѣжное движеніе наиболѣе предпріимчивыхъ представителей русскаго племени то на Сѣверъ, то на Югъ, то на Востокъ замѣчается во все продолженіе нашей исторіи, начиная съ періода процвѣтанія господина Великаго Новгорода вплоть до нашихъ дней. Тщетно московская государственная централизація пыталась сдержать эти стремленія: знаменитому татарину удалось, правда, на три столѣтія прикрѣпить къ мѣсту одну часть русскаго народа; но все же оставалась едва ли не большая часть крестьянства, которую окончательно прикрѣпить не удалось и которая такъ или иначе умѣла обходить государевы запреты. Порою, впрочемъ, Московское государство мирилось съ піонерами русской колонизаціи, когда они подносили ему въ даръ огромныя царства, съ которыхъ можно было собирать богатыя дани. Такимъ-то путемъ, какъ извѣстно, покорена была Сибирь. Самъ Ермакъ Тимоѳеевичъ не первый изъ русскихъ проникъ въ Сибирь: у него было много предшественниковъ. Изъ лѣтописей видно, что знакомство русскихъ съ Сибирью началось за нѣсколько вѣковъ до оффиціальнаго присоединенія ея къ Московскому государству *). Такимъ образомъ, колонизаціонное движеніе вообще и въ частности заселеніе Сибири во всѣ вѣка составляли обычное явленіе въ жизни русскаго народа. Но бывали въ нашей исторіи такіе особенные

*) См. объ этомъ недавно вышедшее изслѣдованіе Щеглова.

періоды политическаго и общественнаго нестроенія, когда это обычное движеніе принимало какъ бы эпидемическій характеръ, и „подлаго званія людишки", по лѣтописному выраженію, „брели розно".

Въ настоящее время мы присутствуемъ именно при одномъ изъ такихъ народныхъ движеній. Изучить причины, вызвавшія въ настоящій моментъ такое усиленное переселенческое движеніе, составляетъ поэтому насущнѣйшую задачу нашего времени. Можно сказать, не преувеличивая, изученіе нынѣшнихъ крестьянскихъ переселеній въ Сибирь представляетъ такую общественную работу, на которой могутъ сойтись представители всѣхъ направленій, ставящихъ себѣ задачей заботу о благѣ народа: ждетъ ли кто въ крестьянскомъ вопросѣ иниціативы сверху,- отъ государства, земства или интеллигентнаго общества, или, наоборотъ, разсчитываетъ на починъ и самодѣятельность народной массы,—такъ или иначе, онъ не можетъ обойдти этого животрепещущаго вопроса современной жизни и прежде всего, понятно, обязанъ ознакомиться съ его причинами, безъ основательнаго изученія которыхъ немыслима никакая цѣлесообразная дѣятельность въ какомъ бы то ни было направленіи. Мало того, изученіе крестьянскихъ переселеній въ Сибирь представляетъ одинаково насущный вопросъ какъ для жителя центральныхъ губерній, такъ и для обитателя Сибири. Вотъ почему это дѣло должно бы привлечь къ себѣ лучшія силы нашего общества, безъ различія направленій.

Изученіе крестьянскихъ переселеній началось у насъ лишь недавно, а потому еще не успѣло выработать однообразныхъ и вполнѣ удовлетворяющихъ цѣли пріемовъ. Прекрасное изслѣдованіе г. Романова: „Переселенія крестьянъ Вятской губерніи" построено на оффиціальныхъ данныхъ о движеніи населенія за нѣсколько десятилѣтій. Пріемъ земскихъ статистиковъ Рязанской губерніи былъ совершенно иной: свѣдѣнія о переселенцахъ собирались здѣсь путемъ опроса ихъ сосѣдей. Однако, ни тотъ, ни другой путь не могутъ быть признаны вполнѣ цѣлесообразными въ данномъ вопросѣ. Во-первыхъ, свѣдѣнія, получаемыя этими способами, имѣютъ мѣстный характеръ; если во многихъ отношеніяхъ мѣстныя условія сходны въ разныхъ губерніяхъ одной и той же естественной области, за то въ другихъ отношеніяхъ могутъ существовать весьма важныя черты различія. Поэтому свѣдѣнія, собранныя этимъ путемъ, даютъ неполное и часто одностороннее

понятіе о переселенческомъ движеніи вообще. Самый же главный недостатокъ этого способа изслѣдованія заключается въ томъ, что *въ сообщеніи свѣдѣній участвуетъ здѣсь все мѣстное населеніе, за исключеніемъ той именно части его, которая въ данномъ случаѣ представляетъ наибольшій интересъ, т. е. самихъ переселенцевъ.* Легко видѣть, что подобный способъ мѣстнаго изслѣдованія, повидимому, яко бы составляющій примѣненіе московскаго типа, на самомъ дѣлѣ составляетъ явное нарушеніе его основнаго принципа, а именно: что свѣдѣнія о всякомъ изслѣдуемомъ явленіи собираются непосредственно изъ первыхъ рукъ, отъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ. Въ рязанскомъ же и подобныхъ ему мѣстныхъ изслѣдованіяхъ крестьянскихъ переселеній, о духѣ движенія, о характерѣ его приходится получать извѣстія изъ вторыхъ рукъ, отчего, разумѣется, многіе весьма характерные мотивы его ускользаютъ отъ вниманія изслѣдователей. Сверхъ того, данныя, добытыя этимъ способомъ, ничего не говорятъ намъ или говорятъ очень мало о самомъ главномъ: обстановкѣ переселенцевъ въ пути и по прибытіи на мѣсто.

Что касается спеціально вятскаго изслѣдованія, то усвоенный имъ пріемъ, приведшій, правда, къ блистательнымъ результатамъ въ Вятской губерніи, едва ли примѣнимъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что въ Вятской губерніи изслѣдователь имѣлъ возможность сравнивать между собою какъ мѣстности выселеній, такъ и тѣ, куда втеченіе десятилѣтія стремились новые переселенцы, ибо здѣсь переселенія изъ одного уѣзда въ другой внутри губерніи, изъ одной волости въ другую внутри уѣзда и изъ одного селенія въ другое внутри той же волости—втрое превышаютъ численность переселеній въ другія губерніи [1]). Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ центральныхъ губерніяхъ. Есть еще третій способъ изслѣдованія крестьянскихъ переселеній, явившійся результатомъ частной инициативы въ Сибири. Авторомъ настоящаго изслѣдованія, втеченіе 1882—1883 гг. предпринятъ былъ систематическій опросъ переселенческихъ партій, проходящихъ черезъ г. Ишимъ. Лѣтомъ того же 1882 года, сходныя наблюденія были сдѣланы г. Левитовымъ, ѣхавшимъ на пароходѣ съ переселенцами отъ Нижняго до Перми и потомъ отъ Тюмени до Томска. Наконецъ, весьма интересныя свѣдѣнія о бытѣ переселенцевъ на мѣ-

1) „Переселенія крестьянъ Вятской губерніи", стр. 119, 127.

стѣ водворенія отъ времени до времени сообщалъ изъ Минусинскаго округа г. Петровичъ [2]). Подобно всякому другому, и этотъ послѣдній способъ изслѣдованія имѣетъ свои достоинства и недостатки. Главное преимущество, какое представляется при изученіи переселеній въ Сибири, заключается въ томъ, что здѣсь наблюдатель въ состояніи охватить все переселенческое движеніе въ его цѣломъ, отрѣшившись отъ вліянія частныхъ, нерѣдко взаимно другъ друга уничтожающихъ условій, вызывающихъ переселенія изъ отдѣльныхъ губерній: въ Сибири сходятся представители всѣхъ губерній переселенческаго раіона, поэтому раціональное изученіе причинъ выселенія изъ Европейской Россіи возможно только въ Сибири. По мѣрѣ удаленія къ западу отъ Уральскаго хребта, дороги, по которымъ слѣдуютъ переселенцы, все болѣе развѣтвляются, такъ что изученіе всего переселенческаго движенія становится чрезвычайно затруднительнымъ, требуя одновременно работы очень большаго числа лицъ. Въ Сибири въ этомъ отношеніи возможна значительная экономія въ рабочихъ силахъ, такъ какъ здѣсь легко сосредоточить наблюденія надъ движущимися переселенцами въ двухъ-трехъ главныхъ пунктахъ, которыхъ не можетъ миновать ни одинъ переселенецъ, идущій въ Сибирь. Отсюда уже само собой становится яснымъ, въ чемъ заключаются недостатки разсматриваемаго способа: при всемъ своемъ желаніи одинокій изслѣдователь все же лишенъ возможности обнять все переселенческое движеніе. Мы видимъ изъ этого, что раціональное изслѣдованіе доступно только цѣлой группѣ лицъ, работающихъ по общей программѣ и по общему плану. Такое коллективное изслѣдованіе можетъ совмѣстить въ себѣ всѣ достоинства обоихъ существующихъ методовъ, избѣгая въ то же время ихъ недостатковъ. Самое крупное достоинство большей части земскихъ статистическихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что данныя ихъ получаются путемъ точной подворной или посемейной переписи всѣхъ домохозяевъ. Но если бы пожелалъ воспользоваться этимъ методомъ одинокій изслѣдователь, то въ центрахъ усиленнаго движенія переселенцевъ, гдѣ только и имѣетъ смыслъ изученіе крестьянскихъ переселеній, онъ натолкнулся бы на весьма существенное препятствіе, устранить которое онъ не въ силахъ. Дѣло въ томъ, что переселенцы днемъ останавливаются въ городахъ обыкновенно

---

[2]) „Вост. Обозр." 1882, 1883, 1884 гг.

не болѣе какъ на два—три часа, чтобы запастись провизіей, пообѣдать или позавтракать и покормить лошадей. А такъ какъ средняя переселенческая партія состоитъ изъ 6—8 семей, то изслѣдователю остается на каждую не болѣе четверти или получаса. Но если вычесть отсюда время, необходимое на разспросы объ общемъ экономическомъ положеніи той мѣстности, откуда вышли переселенцы, то на знакомство съ каждой отдѣльной семьей не останется нерѣдко и четверти часа. Мало того, въ самый разгаръ переселенческаго сезона нерѣдко случается, что въ городъ разомъ прибываетъ по нѣскольку большихъ партій; такъ, напримѣръ, я помню день, когда мною лично было встрѣчено шесть партій численностью въ 60 семействъ [1]),—много ли удалось бы поговорить съ каждой семьей? Около $^1/_8$ всѣхъ переселенцевъ прибываютъ въ Сибирь во второй половинѣ мая и въ іюнѣ. Если мы возьмемъ такой пунктъ, какъ Петропавловскъ или Омскъ, черезъ которые въ 1882 году прошло, по весьма достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не менѣе 24,000 душъ обоего пола или около 4,000 семей, то на каждый день мая и іюня мѣсяцевъ придется около 90 переселенческихъ семей; кладя на каждую даже только по четверти часа, систематическій опросъ всѣхъ переселенцевъ занялъ бы чуть не всѣ 24 часа въ сутки. Изъ этого видно, что самый цѣлесообразный способъ статистическаго изслѣдованія—посемейный (или, что то же, подворный)—для одинокаго изслѣдователя совершенно немыслимъ по недостатку времени. Практика сама указываетъ единственный возможный пріемъ: за единицу изслѣдованія волей-неволей приходится брать цѣлую переселенческую партію, въ томъ случаѣ, если она составилась изъ крестьянъ одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень; если же партія составилась въ пути изъ крестьянъ различныхъ уѣздовъ и губерній, тогда приходится дробить ее на нѣсколько коллективныхъ единицъ. Подобный пріемъ, при надлежащей критикѣ, способенъ доставить вполнѣ удовлетворительный матеріалъ только по вопросу объ общихъ причинахъ выселенія, объ обстановкѣ переселенцевъ въ пути и частью о ихъ надеждахъ и видахъ на будущее. Но по вопросамъ о степени достатка переселенческихъ семей, о взятыхъ ими изъ дому

[1]) Это далеко не исключеніе; въ другой разъ мнѣ довелось встрѣтить четыре партіи, численностью въ 70 слишкомъ семей. Впрочемъ, къ тому же заключенію очень скоро пришла редакція „Сибирской Газеты", предпринявшая было собственными силами изслѣдованіе переселеній.

средствахъ и т. п. даетъ только косвенныя указанія. Вообще, цифровыя данныя при этомъ способѣ хромаютъ и могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе. Но этотъ недостатокъ легко устранимъ, если въ изслѣдованіи принимаетъ участіе нѣсколько лицъ заразъ. Многое также зависитъ отъ удачнаго выбора пунктовъ для изслѣдованія. Дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы изслѣдователи въ выполненіи своей программы какъ можно меньше зависѣли отъ продолжительности стоянки переселенцевъ. Въ такомъ городѣ, какъ Ишимъ, нерѣдко случается, что большая партія переселенцевъ останавливается не болѣе, какъ на полчаса, такъ какъ, кромѣ закупки провизіи, ничто ихъ не можетъ задерживать именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Задерживать же переселенцевъ спеціально для цѣлей изслѣдованія неудобно, да, наконецъ, изслѣдователи не имѣютъ на то ни права, ни возможности. Иное дѣло въ городахъ и въ большихъ селахъ, расположенныхъ у перевозовъ черезъ большія рѣки. Благодаря большому движенію и весеннему разливу рѣкъ, переселенцамъ нерѣдко приходится простаивать здѣсь по сутки и по двое. Поэтому въ такихъ пунктахъ наблюдатели имѣютъ достаточно времени для подробнаго опроса всѣхъ проходящихъ переселенцевъ. Наконецъ, не менѣе удобно производить изслѣдованіе на пароходахъ; проведя нѣсколько дней въ обществѣ переселенцевъ, и совершенно одинокій наблюдатель можетъ собрать весьма драгоцѣнныя данныя. Эту работу могли бы взять на себя молодые сибиряки изъ числа учащейся молодежи: возвращаясь лѣтомъ на родину, имъ очень легко распредѣлить между собою работу такимъ образомъ, чтобы не пропустить ни одного парохода съ переселенцами.

Но опросъ движущихся переселенцевъ представляетъ только одну часть дѣла. Остается еще изученіе быта уже осѣвшихъ переселенцевъ на мѣстахъ ихъ водворенія. Для такого изслѣдованія необходима статистическая экспедиція въ южные округа Томской губерніи, куда въ настоящее время направленъ главный потокъ колонизаціоннаго движенія. Подобная экспедиція могла бы собрать богатый историческій матеріалъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, который далъ бы возможность судить о томъ, какъ мало-по-малу развивались въ мѣстахъ выселеній тѣ причины, которыя вызвали такое усиленное переселенческое движеніе въ послѣдніе три года. Въ совокупности съ тѣми данными, которыя собраны были бы путемъ опроса проходящихъ переселенцевъ, получилась бы чрезвы-

чайно полная и яркая картина современной крестьянской жизни въ Россіи. Можно было бы, пожалуй, и ограничиться изученіемъ переселенческаго движенія въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ. Но помимо того, что на полное мѣстное изслѣдованіе всей южной части Томской губерніи, при отсутствіи въ послѣдней земскихъ учрежденій, можно надѣяться еще очень не скоро,—намъ думается еще, что, подъ вліяніемъ новой обстановки, въ разсказахъ переселенцевъ утратили бы значительную долю своей яркости воспоминанія о томъ психическомъ настроеніи, которымъ вызвано было рѣшеніе переселяться. Съ другой стороны, благодаря чрезвычайно сложному составу населенія въ нашихъ колоніяхъ, чрезвычайно трудно будетъ разобраться въ психическихъ мотивахъ переселеній. Между тѣмъ въ пути переселенецъ всецѣло находится подъ вліяніемъ того настроенія, съ какимъ онъ оставилъ родину; задача здѣсь совершенно упрощена отъ всякихъ постороннихъ элементовъ. Только здѣсь вы можете наблюдать переселенческое движеніе въ чистомъ видѣ: пришли переселенцы на мѣсто, разсѣялись по селамъ и деревнямъ обширнаго Алтая, — и переселенецъ уже затерялся въ общей толпѣ вѣчно движущагося сибирскаго люда. Поэтому мы настаиваемъ на необходимости изученія переселеній и въ пути, и на мѣстѣ, въ нашихъ новыхъ колоніяхъ.

Но этого мало. Чтобы правильно судить о ближайшихъ будущихъ послѣдствіяхъ современной колонизаціи, необходимо мысленно перенестись на нѣсколько лѣтъ впередъ, а при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній о народѣ изслѣдователь всегда рискуетъ въ этомъ случаѣ поддаться вліянію субъективныхъ взглядовъ въ ущербъ объективному изображенію дѣйствительности. Но нѣтъ ничего легче, какъ избѣжать подобной ошибки въ Сибири. Мы знаемъ, что колонизація Сибири никогда совершенно не прекращалась и лишь отъ времени до времени мѣняла свое направленіе: заселеніе однѣхъ мѣстностей прекращалось, за то начиналось заселеніе другихъ. Поэтому въ Сибири легко отыскать такія мѣстности, колонизація которыхъ завершилась еще въ весьма недавнее время и на которыхъ поэтому чрезвычайно удобно изучить ея послѣдствія. Дѣйствительно, многія деревни и большія села Ишимскаго и Курганскаго округовъ считаютъ всего тридцать - сорокъ лѣтъ своего существованія, и живы еще очень многіе крестьяне, участвовавшіе въ ихъ основаніи. Исторія этихъ поселеній была бы тѣмъ болѣе поучительна, что имъ было положено начало со-

вершенно при иныхъ условіяхъ колонизаціи, нежели нынѣшнія. Между тѣмъ, въ настоящее время въ числѣ переселенцевъ встрѣчаются уже жители этихъ молодыхъ поселеній, иногда даже сами положившіе имъ основаніе. Существуютъ, стало быть, причины, благодаря которымъ для нѣкоторыхъ изъ числа обитателей этихъ поселеній жизнь въ нихъ по истеченіи опредѣленнаго срока становится невозможною или неудобною. Изучить эти причины для правильнаго сужденія о постановкѣ колонизаціоннаго дѣла представляется вопросомъ первостепенной важности.

Изъ всего этого видно, что изслѣдованіе вопроса о крестьянскихъ переселеніяхъ представляетъ весьма сложную и многостороннюю задачу, рѣшеніе которой доступно только соединеннымъ усиліямъ многихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Желательно было бы содѣйствіе этому дѣлу со стороны нашихъ ученыхъ обществъ—географическаго и вольно-экономическаго. Мы не беремся предрѣшать наиболѣе цѣлесообразную и удачную комбинацію общественной и частной инициативы, такъ какъ это всецѣло зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ изслѣдованіе. Мы настаиваемъ лишь на томъ, что такое изслѣдованіе должно быть организовано только въ Сибири, гдѣ въ настоящее время столько и пришлыхъ, и мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, что недостатка въ необходимыхъ дѣятеляхъ на мѣстѣ не встрѣтится,—если только, понятно, отбросить рутину и предразсудки. Само собой разумѣется, что, въ ожиданіи такого систематическаго изслѣдованія, весьма драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ будетъ всякій новый вкладъ въ изученіе переселенческаго вопроса, сдѣланный инициативой частныхъ изслѣдователей въ любомъ пунктѣ, черезъ который проходитъ большое число переселенцевъ: въ поволжскихъ городахъ, въ Перми, Екатеринбургѣ или въ Шадринскѣ, Челябинскѣ, Курганѣ или въ Оренбургѣ и проч. Важно только, чтобы всѣ, принимающіе участіе въ изслѣдованіи, хотя бы независимо другъ отъ друга, безъ предварительнаго соглашенія,—работали, все таки, по одному общему плану. Съ этою цѣлью мы прилагаемъ программу для собиранія свѣдѣній о переселеніяхъ, составленную примѣнительно къ тѣмъ вопросамъ, которые выдвинуты предыдущими изслѣдованіями переселенческаго движенія. Съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ возникнутъ, безъ сомнѣнія, и новые вопросы, которыхъ мы не подозрѣваемъ при составленіи настоящей программы. Но мы и не претендуемъ на всеобъемлющую

полноту ея, полагая, что раціональная программа можетъ явиться не въ кабинетѣ, а на улицѣ, на площади, на большой дорогѣ, по мѣрѣ послѣдовательнаго наростанія вопросовъ, выдвигаемыхъ изученіемъ живой дѣйствительности. Въ ожиданіи того, покуда изученіе переселенческаго движенія возьметъ на себя какое-либо ученое или общественное учрежденіе, приходится положиться исключительно на частную иниціативу. Минимумъ требованій, который публика вправѣ предъявить нашимъ ученымъ обществамъ, заключается въ этомъ случаѣ въ томъ, чтобы они взяли на себя группировку матеріала, собраннаго частными изслѣдователями, по предлагаемой или какой-либо иной программѣ, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто съ изслѣдованіями по вопросу объ общинномъ землевладѣніи.

Намъ, въ заключеніе, необходимо коснуться одного весьма распространеннаго предразсудка относительно переселенцевъ. Нерѣдко вы прочтете въ газетахъ, будто переселенцы крайне неразговорчивы и неохотно отвѣчаютъ на вопросы. Намъ лично привелось побесѣдовать съ нѣсколькими тысячами переселенцевъ, и мы, наоборотъ, вынесли прямо противоположное убѣжденіе. Крестьяне чрезвычайно охотно разсказываютъ о своемъ житьѣ-бытьѣ на родинѣ; въ каждой переселенческой партіи есть непремѣнно свой ораторъ, который говоритъ за всѣхъ. Порой же ораторовъ оказывается столько, что одному человѣку всего и не разобрать, такъ какъ всякій хочетъ вставить свое слово въ общій разговоръ, а потому всѣ говорятъ заразъ. Меня принимали и за „барина", и за мѣщанина, и даже однажды за бывшаго крѣпостнаго крестьянина, но во всѣхъ случаяхъ встрѣчали одинаково привѣтливо. За все время было лишь четыре случая недовѣрчиваго отношенія ко мнѣ переселенцевъ, но и то оно вызвано было чисто случайными причинами [1]). Сначала я не говорилъ переселенцамъ о цѣли, съ какою я собираю свѣдѣнія; это дало поводъ однажды предположить во мнѣ нѣкоего таинственнаго благодѣтеля, инкогнито командированнаго свыше для указанія пути переселенцамъ (я писалъ имъ маршруты). Впослѣдствіи я пересталъ скрывать передъ ними цѣль изслѣдованія; всякій разъ они выражали къ ней полное уваженіе и сочувствіе. Переселенцы не только не скрытничаютъ, но, напротивъ того, нерѣдко выражаются даже откровеннѣе, чѣмъ

---

[1]) „Жулики" насплетничали на меня по злобѣ за то, что я имъ мѣшалъ объегоривать неопытныхъ переселенцевъ.

можно было бы ожидать, по самымъ, повидимому, щекотливымъ вопросамъ народнаго міросозерцанія.

Настоящее изслѣдованіе является теперь въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено было четыре года тому назадъ въ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества [1]). О времени, мѣстѣ и способѣ изслѣдованія уже упомянуто выше. Два слова о собранныхъ матеріалахъ. Въ указанный періодъ $\left(\frac{\text{навиг. 1882 г.}}{\text{навиг. 1883 г.}}\right)$ чрезъ гор. Ишимъ прослѣдовало около 9,000 душъ, изъ числа которыхъ лично встрѣчено мною 95 переселенческихъ партій, численностью въ 668 семей или свыше 4,000 душъ (не включая въ это число переселенцевъ, шедшихъ обратно на родину). Путемъ разспросовъ и бесѣдъ съ переселенцами мною собраны свѣдѣнія круглымъ счетомъ относительно 1,200 семей или 7,400 душъ. Матеріалъ этотъ самъ по себѣ, конечно, слишкомъ недостаточенъ для рѣшительныхъ выводовъ по вопросу о переселеніяхъ. Газетныя и журнальныя сообщенія и корреспонденціи,—правда, довольно отрывочныя и случайныя,—посвященныя переселенческому вопросу въ послѣдніе три-четыре года,—однако еще болѣе утверждаютъ меня въ высказанномъ мною взглядѣ на значеніе крестьянскихъ переселеній. Мы слышимъ изъ различныхъ мѣстъ Сибири объ обостреніи отношеній между старожилами и новоселами, о возрастающемъ количествѣ переселенцевъ-неудачниковъ, возвращающихся обратно въ „Расею", число которыхъ уже считается не сотнями, какъ прежде, а тысячами. Въ связи съ этимъ, какъ видимъ изъ оффиціальныхъ свѣдѣній Сызранской переселенческой конторы, общее число переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь, въ послѣдніе годы значительно упало: за приливомъ, какъ и слѣдовало ожидать, наступилъ отливъ. Это можетъ служить отвѣтомъ на упрекъ въ пессимизмѣ, высказанный по поводу нѣкоторыхъ положеній настоящей книги въ засѣданіи Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества. Пожелаемъ, чтобы предпринимаемое министерствомъ государственныхъ имуществъ статистическое изслѣдованіе Западной Сибири, во главѣ котораго стоитъ извѣстный земскій статистикъ, дало окончательный отвѣтъ на вопросы, поставленные предшествующими изслѣдованіями.

Минскъ, 1888.

---

[1]) См. протоколъ засѣданія 26 Сентября 1884 года.

Переселенія крестьянъ въ Сибирь.

Возникновеніе новыхъ религіозныхъ сектъ, крупныя массовыя нарушенія общественнаго порядка, повсемѣстно обнаруживающійся разладъ въ семьѣ, наконецъ массовая эмиграція народа въ новыя незаселенныя страны—вотъ явленія, какими знаменуются въ исторіи періоды народнаго броженія и выработка новыхъ формъ жизни. Если мы бросимъ взглядъ на явленія, совершающіяся на нашихъ глазахъ въ нашемъ отечествѣ, то мы придемъ къ тому заключенію, что въ нѣдрахъ той сѣрой и безразличной на видъ массы, какою мы привыкли рисовать себѣ русскій народъ, происходитъ какая-то невѣдомая намъ внутренняя работа, прорывающаяся наружу то въ бурныхъ, то въ спокойныхъ формахъ. Изслѣдовать по мѣрѣ возможности одну изъ этихъ формъ составляетъ задачу настоящаго труда. Внезапно хлынувшій въ послѣдніе годы потокъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи „на новыя земли" обратилъ на себя вниманіе, какъ въ обществѣ и печати, такъ и въ правящихъ сферахъ. Не могъ быть, конечно, новостью въ Россіи самый фактъ переселеній изъ центровъ на далекія окраины,—фактъ, красною нитью проходящій черезъ всю русскую исторію. Но размѣры, какіе неожиданно приняло это обыкновенное въ нашей жизни движеніе, не могли не броситься всѣмъ въ глаза: изъ небольшой, еле пробивающейся струи оно вдругъ стало широкой рѣкой, захватывающей на своемъ теченіи все новыя и новыя волны народа.

Обстоятельно изучить всю эту громадную живую человѣческую волну, съ точностью изслѣдовать причины, управляющія ея движеніемъ, — задача, требующая соединенныхъ силъ многихъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Работа такого изученія только еще начинается.

Наша задача по необходимости скромнѣе. Историческій ходъ русской колонизаціи намѣчалъ все новыя мѣста, куда направлялось главное ея теченіе; въ послѣдніе годы такимъ мѣстомъ сдѣлалась Сибирь, привлекающая къ себѣ цѣлые десятки тысячъ переселенцевъ, — переселенія въ Сибирь и послужатъ темой настоящаго изслѣдованія.

I.

Чуть только стаетъ послѣдній снѣгъ, крестьяне снимаются съ своихъ мѣстъ; смотря по мѣстнымъ условіямъ и способамъ передвиженія, выходъ переселенцевъ происходитъ въ теченіе мѣсяцевъ апрѣля и мая, на сѣверѣ-же также и іюня, т. е. преимущественно до начала полевыхъ работъ. Нѣкоторые, впрочемъ, отправляются послѣ уборки хлѣбовъ, въ августѣ, и норовятъ попасть въ Тюмень ко времени послѣднихъ пароходныхъ рейсовъ по рѣкамъ Обскаго бассейна. Изъ сѣверныхъ губерній переселенцы выходятъ также въ концѣ осени и зимою, когда установится санный путь; цѣль ихъ въ этомъ случаѣ — прибыть на мѣсто какъ разъ къ началу земледѣльческихъ работъ. Но вообще осенью и зимою переселяются очень немногіе.

Несмотря на существованіе въ лѣтнее время почти непрерывнаго пароваго сообщенія вплоть до самой цѣли путешествія — Томской губ., громадное большинство переселенцевъ совершаетъ весь путь или значительную часть его самымъ первобытнымъ способомъ — на лошадяхъ, большею частью взятыхъ съ собой изъ дому. На переселеніе обыкновенно собираются небольшими „партіями“ или „артелями“, въ нѣсколько семей изъ одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ и деревень; въ одиночку, также какъ и очень большими группами, ѣздятъ рѣдко. Иногда партія увеличивается въ пути отъ присоединенія къ ней другихъ партій или отдѣльныхъ семей, вышедшихъ на переселеніе въ одиночку или же почему либо отставшихъ отъ своихъ спутниковъ. Переселенческій обозъ обыкновенно не великъ: въ одной или двухъ кибиткахъ помѣщается цѣлая крестьянская семья съ своимъ багажемъ. Въ кибитку обыкновенно впрягается не болѣе одной лошади; пара лошадей въ одной запряжкѣ, не говоря уже о трой-

кахъ или четверкахъ, составляетъ крайне рѣдкое исключеніе [1]). Въ такую повозку садится обыкновенно отъ 4—5 человѣкъ; впрочемъ случается,—правда, очень рѣдко,—что въ одну кибитку садятся двѣ семьи, т. е. отъ 8—11 человѣкъ! Чтобы нагляднѣе представить воображенію читателя эти цифры, сравнимъ способы передвиженія переселенцевъ-крестьянъ съ обстановкою путешественниковъ изъ высшихъ сословій. По нормальному почтовому положенію на каждаго пассажира полагается по одной лошади; такимъ образомъ на 3 — 4 пассажировъ съ ямщикомъ почтосодержатели не отпустили бы менѣе 3 — 4 лошадей; между тѣмъ, только 11 изъ 1,000 переселенцевъ пользуются такими же удобствами въ пути, вся остальная масса вмѣсто 3 — 4 лошадей довольствуется только одной! Понятно, что такая скученность при недостаткѣ лошадей имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ крайнюю медленность движенія; въ то время, какъ для достаточныхъ классовъ узаконенная быстрота почтовой ѣзды составляетъ 10—12 в. въ часъ, средняя скорость ѣзды переселенцевъ, считая и остановку, не превышаетъ 30—35 верстъ въ день. Строго говоря, это и ѣздой-то не иначе можно назвать, какъ съ оговоркой, что взрослые мужчины едва-ли не большую часть пути проходятъ пѣшкомъ, рядомъ съ кибитками, въ которыхъ помѣщаются женщины и дѣти [2]).

Продолжительность путешествія вообще не одинакова: смотря по разстоянію и избранному пути, переселенцы проводятъ въ дорогѣ обыкновенно отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Большая часть переселенцевъ направляется въ Сибирь черезъ Оренбургъ. Одни добираются на своихъ лошадяхъ до одной изъ большихъ станцій Моршанско-Сызранской желѣзной дороги (Моршанска или Пензы), гдѣ по уменьшенному тарифу получаютъ билеты до Оренбурга и помѣщаются въ товарныхъ вагонахъ, вмѣстѣ съ кибитками и лошадьми. Другіе направляются тѣмъ же путемъ, но билетовъ не берутъ, а плетутся на лошадяхъ вдоль линіи желѣзной дороги до

---

[1]) Объ этомъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: въ теченіе прошлаго ($188^2/_3$) года мною лично пересчитано 878 кибитокъ, изъ нихъ запряженныхъ парами только 15, тройками 3 и четверкою 1.

[2]) Мнѣ извѣстны два случая, когда переселенцы шли уже буквально пѣшкомъ, —одна семья изъ Воронежской губ. до г. Троицка Оренбургской губерніи (болѣе 1,000 верстъ), да два мужика-ходока весь путь изъ Олонецкой губ. до самаго мѣста (т. е. до Томской губерніи).

Оренбурга, гдѣ паровое сообщеніе прекращается. Оттуда же всѣ переселенцы продолжаютъ путь на своихъ лошадяхъ, по главному почтовому или боковымъ проселочнымъ трактамъ.

Существуютъ еще два пути движенія исключительно на лошадяхъ: первый—по грунтовымъ дорогамъ Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерн., сѣвернѣе Оренбурга, черезъ Челябинскъ, Курганъ, Ишимъ и т. д.; второй — по почтовымъ и проселочнымъ дорогамъ Вологодской, Вятской и Пермской губерній.

Этими тремя главными путями, какъ сказано выше, слѣдуетъ въ Сибирь большинство переселенцевъ. Но есть еще четвертый, скорѣйшій способъ передвиженія, также практикуемый частью переселенцевъ. Добравшись по желѣзной дорогѣ или на наемныхъ подводахъ до ближайшей пристани волжскаго бассейна, они садятся на пароходъ, на которомъ продолжаютъ путь до Перми, откуда по Уральской желѣзной дорогѣ прибываютъ въ Екатеринбургъ. Еще нѣсколько лѣтъ и нынѣшнее конное движеніе между Екатеринбургомъ и Тюменью отойдетъ въ область прошедшаго [1]), но способы передвиженія переселенцевъ на этомъ пространствѣ такъ характеристичны, что навѣрное сдѣлаются достояніемъ исторіи. Въ Екатеринбургѣ переселенцы нанимаютъ подводы у ямщиковъ. Обыкновенно со всѣхъ проѣзжихъ взимается опредѣленная прогонная плата съ версты; но съ переселенцами разсчетъ производится съ *пуда*, такъ же какъ при перевозкѣ всякой другой клади: для этого взвѣшиваютъ самихъ переселенцевъ вмѣстѣ съ багажемъ; иногда отъ этой процедуры избавляются дѣти моложе трехъ лѣтъ, въ другихъ случаяхъ на нихъ „накидываютъ" по полу-пуду, а то на вѣсы садится кто-нибудь изъ взрослыхъ съ ребенкомъ на рукахъ; иногда не взимаютъ особой платы за хлѣбъ, забираемый съ собой переселенцами. Самый жаргонъ, употребляемый въ этомъ случаѣ, говоритъ скорѣе о перевозкѣ вещей, чѣмъ людей; такъ, говорятъ, что *„на подводу грузили по 18 или 23 пуда"*. Въ Тюмени переселенцы большею частью садятся на пароходы Обскаго бассейна, на которыхъ уже прибываютъ до мѣста слѣдованія или только до Томска, откуда продолжаютъ путь на наемныхъ лошадяхъ. Иные же въ Тюмени покупаютъ лошадей и кибитки и слѣдуютъ далѣе по главному сибирскому тракту.

---

[1]) Писано въ концѣ 1883 года, во время постройки Екатеринбурго-Тюменской желѣзной дороги.

Уже изъ этого краткаго очерка крестьянскихъ путешествій въ новую обѣтованную землю можно заключить à priori, что путь переселенцевъ далеко не усыпанъ розами. И дѣйствительно, всю дорогу переселенцы проводятъ подъ открытымъ небомъ, ночуютъ въ полѣ,—чтобы не платить за ночлегъ, а переваливши за Уралъ,—чтобы доставить подножный кормъ лошадямъ. Крытыя холстомъ или клеенкой кибитки плохо защищаютъ отъ дождя и непогоды. Ѣдущіе на пароходахъ не болѣе защищены отъ всякихъ случайностей. Нерѣдко, по тѣмъ или инымъ причинамъ, пароходы останавливаются гдѣ либо въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ крайне трудно добыть съѣстные припасы; въ такихъ случаяхъ переселенцы обыкновенно дѣлаются жертвой беззастѣнчивой эксплуатаціи: за фунтъ чернаго хлѣба платится по *пяти* копѣекъ и болѣе. Тѣснота и недостатокъ воздуха на пароходахъ поразительны; въ 1883 году дѣло дошло до катастрофы: страшная смертность и необычайный % больныхъ среди переселенцевъ, прибывшихъ на пароходахъ въ Томскъ, обратили на себя вниманіе мѣстной администраціи и вызвали оффиціальное разслѣдованіе. — Къ этому надо прибавить полное отсутствіе медицинской помощи въ пути. Въ подобныхъ Условіяхъ путешествуютъ маленькія дѣти и беременныя женщины, которыя нерѣдко разрѣшаются отъ бремени въ кибиткѣ или гдѣ нибудь въ полѣ; въ такихъ случаяхъ обыкновенно останавливаются дня на два, чтобы окрестить ребенка, и затѣмъ снова продолжаютъ путь. Вообще, надо сказать, болѣзни рѣдко служатъ причиной остановки переселенцевъ. Мнѣ извѣстенъ случай, когда въ партіи довольно зажиточныхъ пермскихъ крестьянъ-переселенцевъ нѣсколько дѣтей захворало черной оспой. Дѣло было въ январѣ, въ самые жестокіе сибирскіе морозы; возки у всѣхъ были плотные, деревянные, на подобіе закрытыхъ каретъ, съ небольшими стеклянными окошечками для свѣта. Въ кибитки, въ которыхъ помѣщались больныя дѣти, поставили по желѣзной печи, въ крышѣ продѣлали отверстіе, въ которое пропустили по трубѣ, и такимъ образомъ продолжали путь, какъ ни въ чемъ ни бывало...

II.

Выразить въ точныхъ цифрахъ всѣ предъидущія данныя въ настоящее время не представляется никакой возможности, въ виду чрезвычайно жалкаго состоянія статистики переселеній. Только

въ Сызрани и Перми, гдѣ выдаются билеты по удешевленному тарифу спеціально для переселенцевъ, послѣднимъ, въ силу необходимости, производится правильный учетъ. Кромѣ того, имѣются свѣдѣнія о движеніи переселенцевъ въ 1881—1882 гг. на пароходахъ обской системы; свѣдѣнія эти доставлены главою пароходной компаніи г. Игнатовымъ [1]). Но всѣ эти свѣдѣнія страдаютъ неизбѣжной неполнотой; такъ, напр., въ нихъ не всегда обозначены дѣти моложе 5 лѣтъ, для которыхъ не берется особыхъ билетовъ. Остальныя свѣдѣнія имѣютъ чисто случайный характеръ [2]) и могутъ служить только для приблизительныхъ выводовъ; послѣднее впрочемъ относится ко всѣмъ вообще существующимъ даннымъ по статистикѣ переселеній.

Общій итогъ переселенческаго движенія за 1881 — 1882 гг., на основаніи существующихъ данныхъ, можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1881 г. прослѣдовало около 36,000 ч.
„ 1882 „ „ „ 38,000 „

Итого прослѣдовало около 74,000 „ [3])

Но мы только тогда способны будемъ правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, когда сравнимъ ихъ съ численностью переселеній за прошлые года. По изслѣдованіямъ г. Ядринцева:

въ теченіи 1846—1879 гг. перечислено въ Тобольскую г. 43,753 души.
„ „ 1852 - 1879 „ „ „ Томскую „ 35,000 „

Итого въ теченіе 1846—1879 г. 78,753 д. [4])

[1]) „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г. № 37: „Движеніе переселеній въ Сибирь воднымъ путемъ“.

[2]) Оффиціальныя данныя (весьма неполныя), собранныя Томской администраціей, находимъ въ №№ 24—26, 28 и 30 и др. „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1882 г. О движеніи черезъ Симбирскъ см. „Русскій Курьеръ“, корресп. изъ Симбирска отъ 4 Авг. 1882 г. и проч.

[3]) Не привожу здѣсь самыхъ выкладокъ, при помощи которыхъ полученъ этотъ разсчетъ. Это было бы слишкомъ скучно для читателя. Нѣкоторой гарантіей ихъ относительной достовѣрности служитъ то, что, будучи получены двумя совершенно различными путями, цифры эти расходятся другъ съ другомъ не болѣе какъ на 3,000 человѣкъ. Такъ какъ собственные мои матеріалы не даютъ вполнѣ точнаго коэффиціента для перевода числа семействъ въ число наличныхъ душъ обоего пола, то я воспользовался для этого данными „Сборн. статистич. свѣдѣній по Рязанской губерн.“, т. II вып. 1—III: средняя численность переселенческой семьи принята мною—6, 2 человѣкъ обоего пола.

[4]) „Сибирь, какъ колонія“, стр. 135.

Такимъ образомъ, въ теченіе только 1881—1882 гг. прибыло въ Сибирь почти столько же переселенцевъ, сколько въ прежнее время перечислено ихъ въ промежутокъ *слишкомъ тридцати лѣтъ!* [1]) Это убѣждаетъ насъ, что возникшее въ послѣдніе годы переселенческое движеніе представляетъ серьезное народное движеніе, совершенно новое по своей силѣ и обширности. Что же влечетъ эти массы народа въ далекую и невѣдомую Сибирь, съ именемъ которой въ умѣ русскаго человѣка обыкновенно связывается представленіе о чемъ-то суровомъ, страшномъ, карающемъ? Если вы спросите объ этомъ переселенца, то обыкновенно услышите что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: „тѣсно стало;“—„жить никакъ нельзя“; или: „ѣсть хочется“ — „намъ хоть хлѣба наѣсться“ и т. п. Что же означаетъ это „тѣсно стало“? почему это „жить никакъ нельзя“?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ прежде всего, изъ какихъ мѣстъ по преимуществу идутъ переселенцы. Просматривая оффиціальныя свѣдѣнія о переселеніяхъ крестьянъ въ Тобольскую и Томскую губер. съ 1846 по 1879 годъ, г. Ядринцевъ нашелъ здѣсь представителей сорока губерній Европейской Россіи[2]). Но въ разное время на первомъ планѣ въ переселенческомъ движеніи фигурировали разныя губерніи; другія же или вовсе отсутствовали или принимали весьма слабое участіе въ переселеніяхъ. Для нашей цѣли изученія переселенческаго движенія, возникшаго въ самые послѣдніе годы,—важно поэтому опредѣлить, какія мѣстности выдаются по своему участію въ переселеніяхъ именно послѣдняго времени. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ переселеніяхъ 1882—1883 гг. принимали участіе представители восемнадцати губерній [3]), въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ

[1]) Что послѣдніе годы многочисленностью переселеній превзошли всѣ предъидущіе, объ этомъ свидѣтельствуютъ и мѣстныя свѣдѣнія. По изслѣдованіямъ В. Н. Григорьева, въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи („Рязанск. губерн. земск. собран. XVII очер. созыва губ. управы докладъ о переселеніяхъ на югѣ губ.“, Рязань, 1881), *три четверти* всѣхъ переселенцевъ съ 1877 г. вышли весной 1881 г. (стр. 10). Мало того: какъ явствуетъ изъ таблицъ, въ 1881 году ушло на переселеніе *слишкомъ въ полтора раза больше* крестьянъ изслѣдованнаго района, чѣмъ за весь періодъ съ 1858—1880 гг. включительно! (табл. III въ приложеніяхъ).

[2]) „Сибирь какъ колонія“, стр. 456—462.

[3]) Вотъ эти губерніи, расположенныя въ убывающей прогрессіи числа переселенцевъ: Тамбовская, Рязанская, Пермская, Пензенская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Харьковская, Владимірская, Тобольская, Казанская, Курская, Уфимская, Нижегородская, Орловская, Самарская, Оренбургская и Тульская.

стояли губерніи Тамбовская, Рязанская, Пермская и Пензенская. Въ числѣ извѣстныхъ мнѣ 1,194 семей—уроженцевъ этихъ губерній состояло:

Тамбовской	21%
Рязанской.	16 „
Пермской	13 „
Пензенской	12 „

Если мы соберемъ газетныя и другія извѣстія за 1882 годъ, то увидимъ въ нихъ преобладаніе тѣхъ же губерній, съ присоединеніемъ Воронежской и Полтавской.

Но губерніи представляютъ только административную единицу. Гораздо важнѣе знать распредѣленіе переселенцевъ по естественнымъ производительнымъ полосамъ. Въ этомъ отношеніи возможно представить весьма достовѣрныя данныя. Весь районъ переселеній можно раздѣлить на слѣдующія естественныя полосы:

1) Среднюю черноземную нестепную, въ которую входятъ губерніи: Тамбовская, Рязанская, Пензенская, Воронежская, Харьковская, Курская, Орловская, Тульская, Лукояновскій у. Нижегородской губ. и Казанская;

2) Заволжскую черноземную, заключающую въ себѣ восточныя многоземельныя губерніи: Самарскую и Уфимскую;

3) центральную промышленную (Владимірская губернія);

4) сѣверную, въ составъ которой входятъ губерніи: Вологодская, Вятская и европейская часть Пермской;

и 5) зауральскую черноземную полосу, содержащую въ себѣ азіатскія части Пермской и Оренбургской и Тобольскую губерніи.

Внесенныя въ мой списокъ 1,194 семьи переселенцевъ слѣдующимъ образомъ распредѣляются по этимъ естественнымъ областямъ:

Изъ средней черноземной нестепной полосы	66%
„ заволжской черноземной полосы. . . .	3 „
„ центральной промышленной полосы . .	3 „
„ сѣверной полосы	16 „
„ зауральской полосы	12 „

Цифры эти обнимаютъ менѣе одной четверти всѣхъ одновременно (въ 1882 г.) прослѣдовавшихъ переселенцевъ, а потому лишь съ крайней осторожностью могутъ быть распространяемы на всѣхъ участниковъ переселенческаго движенія послѣднихъ годовъ.

Но, пользуясь данными о путяхъ движенія переселенцевъ, возможно составить себѣ довольно вѣрное представленіе о распредѣленіи по естественнымъ областямъ всѣхъ 38,000 душъ, переселившихся въ Сибирь въ теченіи 1882 года. Въ процентахъ число это распредѣляется такъ:

Изъ средней черноземной полосы (включая и заволжскія губерніи)	свыше	70%
„ сѣверной полосы	менѣе	8 „
„ зауральской полосы	менѣе	12 „

Сравнивая цифры обѣихъ таблицъ, мы находимъ между ними значительное сходство въ общихъ чертахъ. Мы замѣчаемъ прежде всего, что преобладающее большинство переселенцевъ (свыше $^2/_3$) по происхожденію принадлежитъ средней черноземной полосѣ Европейской Россіи отъ западныхъ границъ первой до Самарской и Уфимской губ. включительно. Напротивъ, изъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній выселяется весьма небольшой процентъ. Случаи переселеній изъ центральной промышленной области также весьма немногочисленны. Наконецъ, въ числѣ переселенцевъ необходимо отмѣтить нѣкоторый (самъ по себѣ, правда, незначительный) % крестьянъ многоземельнаго, черноземнаго зауральскаго края. Такимъ образомъ, большинство переселенцевъ происходитъ изъ такихъ областей Россіи, въ которыхъ, въ силу естественныхъ свойствъ мѣстности, почти исключительнымъ занятіемъ населенія является земледѣліе; наоборотъ, гдѣ естественныя условія менѣе благопріятствуютъ хлѣбопашеству, вслѣдствіе чего на ряду съ послѣднимъ получили широкое развитіе неземледѣльческія занятія, — тамъ число переселенцевъ весьма незначительно. Это указываетъ намъ, что корней переселенческаго движенія слѣдуетъ искать въ современномъ положеніи крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, къ разсмотрѣнію условій котораго намъ и предстоитъ теперь обратиться.

III.

Поговорите съ любымъ переселенцемъ,—и вы всегда услышите съ разными варіантами одну и ту же жалобу: „земли мало!" Но если внимательнѣе прислушаться къ содержанію общихъ жа-

лобъ на малоземелье, то станетъ очевидной коренная разница въ этомъ отношеніи между положеніемъ крестьянъ Европейской Россіи и зауральской черноземной полосы. Это заставляетъ насъ выдѣлить послѣднюю изъ всего переселенческаго района и, отложивши на время ознакомленіе съ ея хозяйственными условіями, ограничиться покуда обзоромъ ихъ въ Европейской Россіи.

Общее протяженіе крестьянскаго надѣла въ средней черноземной нестепной полосѣ Европейской Россіи составляетъ отъ $^3/_4$ дес. до 5 дес. на ревизскую душу; притомъ высшіе надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 3 — 5 дес. на ревизскую душу, у бывшихъ же помѣщичьихъ значительно меньше — отъ $^3/_4$ до $3^1/_4$ дес. на рев. душу. При всемъ разнообразіи почвенныхъ и климатическихъ условій, количество приходящейся на ревизскую душу удобной земли и въ прочихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи нигдѣ не превышаетъ 5 дес. на ревизскую душу [1]) и нерѣдко спускается гораздо ниже.

Обращаясь къ распредѣленію земель по угодіямъ, замѣчаемъ, что въ средней черноземной полосѣ пашня составляетъ большую часть какъ удобныхъ, такъ и всѣхъ вообще земель надѣла, а именно отъ $2—3^3/_4$ дес., среднимъ же числомъ около 3 дес. на душу у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и отъ $^1/_2$ до $2^1/_4$ десятинъ у бывшихъ помѣщичьихъ [2]).

[1]) Въ двухъ восточныхъ губ., Самарской и Уфимской, общія цифры надѣла нѣсколько, а у бывшихъ государственныхъ крестьянъ — значительно выше; но если выдѣлить одну только по мѣстнымъ условіямъ вполнѣ удобную землю, то размѣры надѣла получатся такіе же, какъ и въ средней черноземной полосѣ, т. е. отъ 3—5 дес. удобной земли на ревизскую душу.

Представить опредѣленныя цифры протяженія надѣловъ въ сѣверныхъ губ. въ настоящее время чрезвычайно затруднительно въ виду того, что въ этихъ губерн. еще не урегулированы поземельныя отношенія крестьянъ. Точныхъ свѣдѣній мы не найдемъ объ этомъ ни въ показаніяхъ крестьянъ, которые и сами не умѣютъ опредѣлить размѣровъ фактически принадлежащей имъ земли, ни въ мѣстныхъ земскихъ источникахъ. Такъ вятскій земскій статистикъ г. Романовъ за свѣдѣніями о величинѣ крестьянскихъ надѣловъ въ Вятской губерн. обращается къ сочин. профессора Янсона (переселенія крестьянъ Вятской губ. стр. 174). Насколько объ этомъ можно судить по имѣющимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ, общею чертою крестьянскаго землевладѣнія въ этихъ губ. слѣдуетъ считать большія абсолютныя цифры надѣловъ отъ $5^1/_2$ до 11 дес. на ревиз. душу и рядомъ съ ними весьма недостаточное количество удобной земли, падающее порой до 1—2 десят. на ревиз. душу.

[2]) Приблизительно тѣ-же цифры встрѣчаемъ при опредѣленіи количества пахатныхъ земель въ сѣверныхъ губерніяхъ: 1—4 дес. на ревизскую душу.

Такимъ образомъ на всѣ прочія угодія остается весьма небольшая доля надѣла. Одно изъ важнѣйшихъ въ крестьянскомъ быту угодій—сѣнокосное—во всѣхъ полосахъ Европейской Россіи встрѣчается у крестьянъ лишь самыми ничтожными клочками, укосъ съ которыхъ не превышаетъ 1—2 возовъ сѣна на душу въ лѣто! Но большинство крестьянъ средней черноземной нестепной полосы не имѣетъ и этого; и только у очень рѣдкихъ счастливцевъ хватаетъ сѣна настолько, чтобы прокормить имъ корову въ теченіи зимняго времени. Maximum надѣла луговой земли въ Европейской Россіи не превышаетъ 1 дес. на ревиз. душу; но и при этомъ maximum'ѣ раздаются жалобы на недостатокъ кормовъ. Къ этому необходимо прибавить, что во всѣхъ мѣстностяхъ переселенческаго района крестьяне не имѣютъ особыхъ выгоновъ для скота; а если и имѣютъ, то весьма небольшіе и крайне неудовлетворительные въ качественномъ отношеніи; большею же частью гоняютъ скотъ по пару, атавѣ и жнивамъ.

Далѣе, какъ на явленіе, общее въ Европейской Россіи всѣмъ мѣстностямъ переселенческаго района, слѣдуетъ указать на полное отсутствіе лѣса у большинства крестьянъ. Если же, въ видѣ исключенія, кое-гдѣ и имѣются лѣсные надѣлы, то лишь въ весьма недостаточномъ количествѣ. Таково положеніе крестьянъ въ отношеніи обезпеченія лѣсными участками даже въ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ. Что касается до бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то, какъ извѣстно, въ составъ надѣловъ, отведенныхъ имъ при освобожденіи, лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ вошли небольшіе клочки лѣса. Въ такомъ же положеніи находятся многіе изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ; изъ числа послѣднихъ, впрочемъ, многимъ отведены были лѣсные участки, но въ такой ограниченной пропорціи, что вскорѣ ихъ оказалось недостаточно для удовлетворенія крестьянскихъ потребностей въ лѣсѣ; въ настоящее время почти всѣ такіе участки уже окончательно вырублены.

Какъ видимъ изъ этого краткаго обзора, вліяніе недостаточности крестьянскаго надѣла обнаружилось прежде всего въ томъ, что пашня поглотила почти всѣ прочія угодія: крестьяне по необходимости вынуждены были распахивать все, что можно было только распахать. Это не могло не отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ другими весьма вредными послѣдствіями. Низведеніе до крайняго минимума площади сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій

чрезвычайно стѣснило и ограничило необходимое въ крестьянскомъ быту скотоводство; мѣстами (напр. въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губ.) это выставляется побудительнымъ мотивомъ къ выселенію даже зажиточныхъ крестьянъ. Жалобы на безкормицу повсемѣстны; сѣннаго корма скоту на зиму не хватаетъ рѣшительно нигдѣ; обыкновенный зимній кормъ составляетъ рѣзка изъ овсяной или ржаной соломы, замѣшанная мукой. Но во всей черноземной полосѣ конкуррентами скотинѣ въ потребленіи соломы являются сами крестьяне-хозяева. Крайній недостатокъ лѣса во всей этой полосѣ вызвалъ чрезвычайную дороговизну дровъ, сдѣлавшую ихъ недоступными для крестьянъ. Благодаря этому, отопленіе дровами въ настоящее время почти не встрѣчается у крестьянъ переселенческаго района: дрова замѣняютъ солома и навозъ. Такимъ образомъ, недостатокъ лѣса дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ недостаткомъ пастбищной и луговой земли, посягая на скудный и безъ того кормъ скота и тѣмъ самымъ еще болѣе сокращая размѣры скотоводства.

Помимо общаго ущерба для крестьянскаго хозяйства, слабое развитіе скотоводства во всей черноземной полосѣ въ свою очередь весьма вредно вліяетъ на состояніе крестьянскаго хлѣбопашества. По необходимости постоянно доводя пространство пашни до самыхъ крайнихъ возможныхъ предѣловъ насчетъ прочихъ угодій, крестьянинъ поступаетъ самымъ хищническимъ образомъ, истощая производительныя силы почвы и очень мало или вовсе ничего не возвращая ей для ихъ возстановленія. И самый тучный черноземъ, какъ извѣстно, способенъ выпахиваться; и дѣйствительно, въ черноземной полосѣ во многихъ мѣстахъ слышатся жалобы на выпашку земли и плохіе урожаи [1]); но прекрасно сознавая необходимость удобренія, крестьянинъ въ то же время здѣсь ничего не въ силахъ подѣлать, такъ какъ тѣ же причины, которыя заставляютъ его распахивать большую часть надѣла, не позволяютъ ему заводить необходимое количество скота. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и отсутствіе лѣса въ надѣлѣ, вынуждающее крестьянина употреблять въ топливо навозъ. Послѣ этого

---

1) Такъ, напр., крестьяне Бузулукскаго уѣзда Самарской губ. говорили, что земли-то у нихъ много, да выпахана вся, урожаи плохіе: въ теченіи трехъ предпослѣднихъ лѣтъ (1879—1881) собирали только сѣмена! Подобные же отзывы намъ приходилось слышать и отъ крестьянъ Харьковской, Орловской, Рязанской и Пензенской губерній.

понятно то значеніе, которое всѣ переселенцы придаютъ отсутствію въ надѣлѣ лѣса, единогласно указывая на недостатокъ послѣдняго, какъ на одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ причинъ выселенія.

Еще болѣе важную роль играетъ лѣсъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ сѣверной полосы, гдѣ обезлѣсеніе крестьянскихъ надѣловъ сказалось едва-ли не худшими послѣдствіями. Въ прежнее время единственною практиковавшеюся на сѣверѣ системою полеводства было подсѣчное, жалкіе остатки котораго сохранились мѣстами еще и понынѣ. Такая система хозяйства была возможна только при обиліи свободныхъ лѣсныхъ пространствъ, предоставленныхъ въ неограниченное пользованіе крестьянъ. Хотя законодательство издавна уже стало стѣснять свободу крестьянскихъ передвиженій, тѣмъ не менѣе на сѣверѣ Россіи они въ тѣхъ или иныхъ формахъ совершались въ теченіе очень долгаго времени. Только въ болѣе близкія къ намъ времена началось болѣе систематическое и послѣдовательное законодательное ограниченіе свободы землепользованія на сѣверѣ Россіи и это-то въ корень подорвало тамъ крестьянское хозяйство. Въ изслѣдованіяхъ Вятскаго статистика г. Романова [1]) и бывшаго чиновника министерства государственныхъ имуществъ Лалоша [2]) мы находимъ этому весьма обстоятельное объясненіе.

Пока въ пользованіи крестьянъ находились обширныя лѣсныя пространства, хозяйство велось попеременно то на одномъ, то на другомъ участкѣ. Пространство распаханной земли составляло незначительную часть всей культивируемой площади, и пашня терялась небольшими клочками среди окружающихъ лѣсовъ. Въ это время не могло быть и рѣчи объ истребленіи лѣсовъ огневымъ хозяйствомъ: въ силу требованій послѣдняго, подъ пашню могли обращаться только заросшіе лѣсомъ участки. Это служило лучшей гарантіей сохраненія лѣсовъ. Когда данная площадь становилась слишкомъ тѣсной для всего наличнаго населенія, часть его выселялась на незанятыя земли, которыя и въ настоящее время значительно превышаютъ на Сѣверѣ пространство заселенныхъ земель. Но дѣло совершенно измѣнилось, когда государствомъ положенъ былъ рѣшительный предѣлъ свободному передвиженію населенія и сво-

---

[1]) Переселенія крестьянъ Вятской губерніи.

[2]) Владѣнныя записи въ Олонецкой губ.... Отеч. Зап. 1874 г.

бодному занятію пуступорожнихъ земель. Нормальное отношеніе между пашней и лѣсомъ исчезло: во владѣніи крестьянъ остались уже распаханные участки, которые вновь могли поступить подъ обработку только послѣ долгаго промежутка времени, а въ данный моментъ представлялись совершенно неудобными для веденія хозяйства; необходимые же для продолженія хлѣбопашества лѣсные участки поступили въ фактическое распоряженіе казны, ревностно оберегавшей ихъ отъ крестьянъ. Такимъ образомъ, во владѣніи послѣднихъ осталась большею частью неудобная, выпаханная земля, и съ нею-то они должны были начинать трехпольное хозяйство. Пока въ ихъ распоряженіи еще оставались кое-какіе лѣса, крестьяне въ силу необходимости упорно держались прежняго подсѣчнаго хозяйства, такъ какъ для перехода къ высшей системѣ полеводства необходимы были средства, которыхъ не было у крестьянъ. Но въ то время, какъ прежде, по истеченіи извѣстнаго срока, вырубленные лѣса вновь поступали подъ заросль, — теперь это сдѣлалось невозможнымъ, потому-что не было свободной земли, на которой можно было бы продолжать хозяйство. Такимъ образомъ, лѣса вырубались, а истощенные участки превращались въ постоянную пашню. Когда, наконецъ, уже лѣсовъ болѣе почти не оставалось, тогда совершился окончательный переходъ къ трехпольному хозяйству. Разумѣется, крестьянское земледѣліе быстрыми шагами пошло подъ гору. Ничего подобнаго не могло бы случиться при невмѣшательствѣ государства. Процессъ развитія крестьянскаго хозяйства, предоставленный самому себѣ, съ возрастаніемъ населенія неизбѣжно привелъ бы къ необходимости перемѣны системы земледѣлія. Но, во-первыхъ, при полной свободѣ передвиженія эта необходимость наступила бы въ довольно отдаленный отъ насъ срокъ. Во-вторыхъ, переходъ къ новой формѣ хозяйства не былъ бы внезапнымъ, и въ распоряженіи крестьянъ находилась бы не одна только неудобная, безлѣсная земля, какъ это произошло на самомъ дѣлѣ.

Такъ постепенно рушилось экономическое благосостояніе жителей Вятскаго края. Та-же исторія повторяется на нашихъ глазахъ въ Вологодской губерніи. По разсказамъ крестьянъ, въ прежнее время разведеніе льна на подсѣкахъ давало имъ достаточныя средства къ пропитанію; но въ настоящее время „мальгу“ (мелколѣсья) не стало, а дѣлать подсѣки въ казенныхъ лѣсахъ не дозволяется; вслѣдствіе этого, хозяйство падаетъ и крестьяне вынуж-

дены выселяться. Въ крайнемъ сѣверномъ уѣздѣ Пермской губ.— Чердынскомъ—подсѣчное хозяйство частью уже замѣнено трехпольнымъ. Наслѣдіемъ прежней системы полеводства осталась здѣсь клочковатость и разбросанность полей. Пашня и вообще удобная земля врѣзывается небольшими клиньями въ мелкіе перелѣски и болота, служащіе выгонами для скота. Вообще земля въ этой мѣстности большею частью неудобная; безъ удобренія хлѣбопашество здѣсь вовсе невозможно, но и унавоженная почва часто не возвращаетъ сѣмянъ.

Нерѣдко, снявши два урожая, приходится по негодности бросать землю на много лѣтъ. Между тѣмъ удовлетворительное унавоживаніе надѣла встрѣчаетъ здѣсь сильное препятствіе, общее всему крестьянству Европейской Россіи, въ неудовлетворительномъ состояніи скотоводства, составляющемъ прямое послѣдствіе причинъ, о которыхъ говорено выше. Въ другихъ уѣздахъ Европейской части Пермской губерніи переходъ къ трехпольному хозяйству окончательно совершился. Отсутствіе, какъ въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи, особыхъ выгоновъ для скота заставляетъ здѣсь крестьянъ, во избѣжаніе потравъ, ежегодно огораживать поля на время созрѣванія хлѣбовъ. Но, вслѣдствіе возрастающаго лѣсоистребленія, крестьяне уже предвидятъ въ недалекомъ будущемъ невозможность частаго возобновленія изгородей. Это, разумѣется, повлечетъ за собой новые убытки въ хозяйствѣ: придется отвести особое мѣсто подъ выгонъ для скота, что при ограниченномъ надѣлѣ мыслимо только насчетъ сокращенія другихъ угодій, — или же ввести пастьбу скота съ пастухомъ.

Итакъ, вырубка лѣсовъ на сѣверѣ Россіи, явившаяся результатомъ государственной регламентаціи крестьянскаго хозяйства, вызвала черезъ-чуръ быстрый переходъ отъ прежней системы полеводства къ новой, требующей болѣе обширныхъ средствъ; при отсутствіи же послѣднихъ, этотъ поспѣшный переходъ нанесъ рѣшительный ударъ крестьянскому благосостоянію.

Въ итогѣ всего вышеизложеннаго получается какой-то circulus vitiosus, въ которомъ вращается современное крестьянство: благодаря недостатку земли, пашня поглощаетъ наибольшую часть надѣла, оставляя очень мало для сѣнокоснаго, пастбищнаго и лѣснаго угодій; недостатокъ сѣнокосовъ заставляетъ скармливать скоту солому, которая по недостатку лѣсовъ поглощается также топ-

ливомъ [1]); въ черноземной полосѣ недостатокъ кормовъ сокращаетъ размѣры скотоводства, вслѣдствіе чего пашня не получаетъ необходимаго удобренія, часть котораго сверхъ того идетъ на топливо; недостатокъ же удобренія, задерживая движеніе хлѣбопашества вглубь, въ направленіи большей интенсивности, вынуждаетъ его распространяться въ ширину, все болѣе увеличивая пространство пахатныхъ земель и т. д. Или—выражаясь сжатымъ и энергичнымъ языкомъ крестьянина: „хлѣба нѣтъ—соломы нѣтъ, кормовъ нѣтъ—скотины нѣтъ, а безъ скота назьму не будетъ"; (слова одного крестьянина-переселенца);—къ этому остается прибавить, что безъ назьму и хлѣба не будетъ.

При такой-то скудной производительности земледѣлія, составляющаго въ изслѣдуемомъ районѣ главное занятіе населенія, послѣдніе обязаны расходовать болѣе или менѣе значительную сумму на уплату податей и повинностей государству. Удивляться-ли, что общаго дохода съ крестьянскаго надѣла, за вычетомъ продовольствія, не хватаетъ для исправной уплаты податей, или, наоборотъ, что за вычетомъ податей, произведеній крестьянскаго земледѣлія на собственномъ надѣлѣ недостаетъ для удовлетворенія потребностей крестьянской семьи? Дѣйствительно, повсемѣстный въ Европейской Россіи недостатокъ хлѣба на продовольствіе не только у бывшихъ помѣщичьихъ, но также и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—давно уже констатированъ компетентными изслѣдователями. По свидѣтельству переселенцевъ, рѣдкіе крестьяне въ состояніи круглый годъ прокормиться собственнымъ хлѣбомъ; большинство уже въ началѣ весны или даже зимою не имѣетъ хлѣба; встрѣчаются же и такіе,—правда, немногіе,—у которыхъ своего хлѣба хватаетъ только на осень. О недостаткѣ кормовъ для скотины мы уже говорили выше. Мы знаемъ также, что, по причинѣ отсутствія лѣсовъ въ крестьянскомъ надѣлѣ, въ топливо, вмѣсто дровъ, употребляется солома. Но такъ какъ послѣдняя составляетъ въ то же время почти исключительный зимній кормъ крестьянскаго скота, то порою и въ соломѣ ощу-

---

[1]) Въ моихъ матеріалахъ подобныхъ данныхъ для сѣверной полосы не имѣется, но г. Романовъ въ своемъ изслѣдованіи сообщаетъ аналогичные факты и объ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской губерніи: „Если Вятскіе крестьяне въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ употребляютъ уже солому, какъ топливо, вмѣсто дровъ, то это доказываетъ крайнюю нужду ихъ и служитъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ истощенія полей и уменьшенія урожаевъ" (Пересел., стр. 252).

щается недостатокъ на удовлетвореніе обѣихъ хозяйственныхъ потребностей, такъ что крестьянамъ случается покупать и солому на отопленіе.

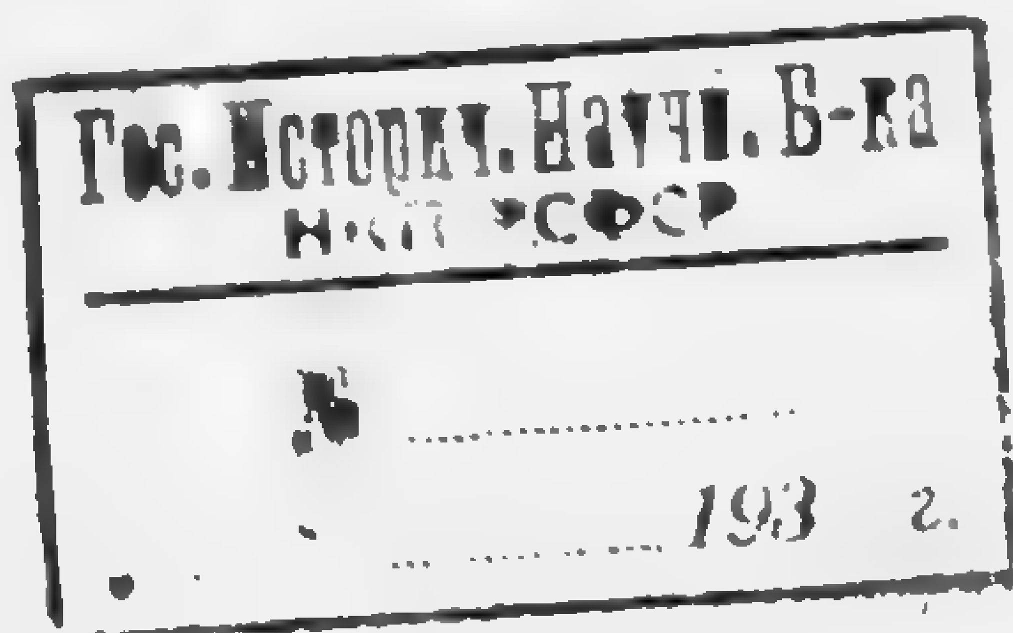
Итакъ нужда въ хлѣбѣ, нужда въ кормѣ для скотины, нужда въ топливѣ—вотъ итоги современнаго крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Съ принципіальной точки зрѣнія такое явленіе отнюдь не находится въ противорѣчіи съ основаніями современнаго экономическаго порядка: съ точки зрѣнія послѣдняго вполнѣ натурально, что продуктовъ труда одного полугодія недостаточно для содержанія крестьянской семьи въ теченіи цѣлаго года, — для того, чтобы содержать себя круглый годъ, необходимо и работать круглый годъ.

Такимъ образомъ, предъ нами рельефно выступаетъ крупнѣйшій экономическій фактъ, опредѣляющій нынѣшнее положеніе современнаго крестьянина - собственника: необходимость расходовать часть своего труда внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, не дающаго средствъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей работника и его семьи. Эта необходимость ставитъ нашего крестьянина лицомъ къ лицу съ другими общественными классами. Формы возникающихъ отсюда экономическихъ отношеній сильно различаются, сообразно характеру мѣстныхъ условій, и потому должны быть разсмотрѣны особо по каждой изъ крупныхъ естественныхъ областей, на которыя мы раздѣлили весь переселенческій районъ.

IV.

Мы пришли къ тому заключенію, что наличные размѣры крестьянскаго землевладѣнія при современныхъ способахъ крестьянской культуры въ состояніи удовлетворить только часть потребностей земледѣльца. Для удовлетворенія другой части своихъ потребностей крестьянинъ, при данныхъ способахъ культуры, не имѣетъ никакихъ средствъ и вынужденъ вступать въ различныя отношенія зависимости къ другимъ классамъ общества. Но возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли приписать такія послѣдствія малоземелья вліянію именно только современныхъ пріемовъ крестьянской куль-

туры? Быть можетъ съ улучшеніемъ послѣдней, съ введеніемъ посѣва болѣе дорогихъ и выгодныхъ растеній изчезли бы и послѣдствія малоземелья? Дѣйствительно, въ черноземной полосѣ коегдѣ [1]) мы находимъ попытки выйти изъ своего затруднительнаго положенія именно этимъ способомъ, — путемъ посѣва конопли на продажу. Но культура конопли возможна только на хорошо удобренной землѣ или даже на новинахъ. При отсутствіи въ надѣлѣ свѣжей, неистощенной земли и при общемъ недостаткѣ удобренія, посѣвы конопли неизбѣжно влекутъ за собой концентрированіе удобренія на небольшихъ пространствахъ коноплянниковъ. Если исключить незначительное меньшинство болѣе зажиточныхъ домохозяевъ, которые въ состояніи производить посѣвы конопли, не посягая на удобрительные матеріалы, необходимые для остальной части пашни, — то мы увидимъ, что такое увеличеніе интенсивности хозяйства, сосредоточивая все удобреніе на небольшемъ клочкѣ надѣла, совершается насчетъ истощенія остальной, большей его части и прямо во вредъ культурѣ хлѣбныхъ растеній, у которыхъ отнимается и безъ того крайне скудное удобреніе. Такимъ образомъ, здѣсь посѣвы конопли для рынка, для обмѣна—вытѣсняютъ собою производство хлѣба для собственнаго потребленія. Если бы временно это и доставило какую либо выгоду крестьянину, то все же такое превращеніе производства для собственнаго потребленія въ производство для обмѣна—подрываетъ хозяйственную самостоятельность земледѣльца, ставя его въ зависимость отъ рынка, отъ денежнаго капитала, отъ купца. Порою, однако, отсутствіе въ надѣлѣ невыпаханной земли прибавляетъ къ этой косвенной зависимости прямую, вынуждая крестьянина добывать землю путемъ аренды. Мы видимъ, слѣдовательно, что, при данныхъ средствахъ крестьянскаго хозяйства, всякая попытка увеличенія его интенсивности — съ одной стороны имѣетъ послѣдствіемъ еще болѣе быстрое истощеніе производительныхъ силъ земли, съ другой же не устраняетъ экономической зависимости крестьянина отъ другихъ классовъ населенія. Такимъ образомъ, мы можемъ теперь безпрепятственно приступить къ обозрѣнію тѣхъ формъ экономической зависимости, какія являются результатомъ крестьянскаго малоземелья.

---

[1]) Мнѣ извѣстны подобные примѣры въ уѣздахъ Фатежскомъ Курской губ., Сапожковскомъ Рязанской г. и Саранскомъ Пензенской губ.

Средства, которыми крестьянинъ черноземной полосы восполняетъ неизбѣжный дефицитъ въ своемъ бюджетѣ, заключаются въ арендѣ земли у частныхъ землевладѣльцевъ и разныхъ видахъ земледѣльческихъ и неземледѣльческихъ заработковъ. Остановимся прежде всего на арендѣ, имѣющей въ черноземной полосѣ повсемѣстное распространеніе. Тамъ, гдѣ по какимъ либо причинамъ крупному землевладѣнію не удалось превратить крестьянина въ крѣпостнаго, вездѣ и во всѣ вѣка свободный земледѣлецъ первоначально становился арендаторомъ земель сосѣдняго и крупнаго землевладѣльца. Самой архаической формой земельной аренды слѣдуетъ признать половничество. Мы находимъ его въ разнообразныхъ видахъ на Западѣ Европы: оно имѣло обширное примѣненіе въ дореволюціонной Франціи и удержалось тамъ еще въ 1849 году; въ Италіи эта система поземельныхъ отношеній существовала еще повсемѣстно въ первой четверти нынѣшняго столѣтія [1]). Въ Россіи мы встрѣчаемъ половничество на нашемъ Сѣверѣ,—въ Вологодской и части Вятской [2]) губ.,—гдѣ существованіе его можетъ быть прослѣжено до XVI вѣка [3]). Современная крестьянская аренда не составляетъ, слѣдовательно, совершенно новаго явленія въ русской жизни, а наоборотъ, имѣетъ весьма давнее происхожденіе.

Но между новѣйшей крестьянской арендой и поземельными отношеніями прежняго времени существуетъ коренное принципіальное различіе. Отличительными свойствами поземельныхъ отношеній крестьянина къ землевладѣльцу въ старину были долгосрочность договора и постоянство условій, выражавшееся въ неизмѣнности установленной обычаемъ натуральной ренты. Но эта традиціонная неподвижность поземельныхъ отношеній стала анахронизмомъ съ проведеніемъ въ черноземной полосѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ: вызванный ими быстрый ростъ хлѣбной торговли, сопро-

---

1) Основ. политич. экономіи Дж. Ст. Милля т. I, стр. 340—359 франц. перевода.

2) Въ Вятскомъ уѣздѣ, въ 8-ю народную перепись (1834 г.) занесено въ числѣ податнаго населенія 9 ревизскихъ душъ половниковъ.—Романовъ, Переселенія и проч. (Прил., стр. 5).

3) По изслѣдованіямъ г. Щербины, половничество и частная поземельная соб ственность существовали въ нынѣшнихъ Сольвычегодскомъ и Велико-Устюжскомъ уѣздахъ уже въ XVI в. („Сольвычегодская земельная община". Отеч. Зап. 1879 г. VII, стр. 50).

вождавшійся повсемѣстнымъ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и на землю, далъ сильный толчокъ всеобщему переходу отъ натуральныхъ отношеній къ денежнымъ, и завѣщанные стариной экономическіе порядки должны были уступить мѣсто новымъ: въ настоящее время характеристическими признаками всѣхъ видовъ крестьянской аренды являются краткосрочность и крайнее непостоянство условій, вполнѣ приближающія ее къ ирландской системѣ коттерства. Общепринятый срокъ аренды всякаго рода угодій не превышаетъ въ настоящее время одного года. Что касается самыхъ условій съемки, то аренда земли „исполу" по названію еще и понынѣ удержалась въ черноземной полосѣ. Самый терминъ „исполу" показываетъ, что въ прежнее время продуктъ дѣйствительно дѣлился поровну между капиталомъ землевладѣльца и трудомъ земледѣльца; въ составъ капитала входили тогда и сѣмена, крестьянину же принадлежала только рабочая сила; иногда онъ доставлялъ одну половину сѣмянъ, а помѣщикъ съ своей стороны—другую (какъ это мы видимъ еще и теперь въ Лукояновскомъ у. Нижегородской губ.). Въ настоящее время отъ прежней аренды „исполу" сохранилось одно названіе; доля же крестьянина въ продуктѣ его труда испытала значительно сокращеніе. Мѣстами мы замѣчаемъ прямое низведеніе доли рабочаго до одной трети продукта, вмѣсто прежней половины (Сумскій уѣздъ Харьковской губ.); мѣстами, сверхъ обычной половины продукта, выряжается дополнительный трудъ нѣсколькихъ рабочихъ дней въ горячую страдную пору или уборка дополнительной полосы (напр. одной десятины). Въ иныхъ мѣстахъ дѣлится пополамъ не чистый продуктъ, остающійся за вычетомъ сѣмянъ, а весь валовой сборъ, сѣмена же работникъ обязанъ возмѣстить изъ своей доли въ продуктѣ. При среднемъ урожаѣ самъ—5 озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ [1]),

---

[1]) Въ земскихъ сборникахъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской и Тамбовской губ. находимъ слѣдующія цифры урожаевъ того и другаго рода хлѣбовъ:

Уѣзды:	Урожаи: (Самъ сколько)?
Раненбургскій	5
Скопинскій	4,4
Данковскій	4,3

это составитъ на долю земледѣльца не болѣе $^3/_8$ продукта. При худшемъ урожаѣ вознагражденіе земледѣльца падаетъ еще ниже, что весьма невыгодно отличаетъ послѣднюю форму условія отъ другихъ видовъ аренднаго договора: при такомъ условіи можетъ случиться, что крестьянинъ не выручитъ и сѣмянъ, слѣдовательно понесетъ прямой убытокъ, а землевладѣлецъ все-таки что-нибудь выгадаетъ.

На самомъ дѣлѣ, однако, собственно трудовой заработокъ земледѣльца еще меньше, ибо, не говоря уже о содержаніи рабочей лошади, изъ общей доли крестьянина въ продуктѣ необходимо вычесть % на капиталъ, выражающійся въ сѣменахъ, которыя большею частью доставляетъ крестьянинъ. Что это не фиктивное соображеніе и что сѣмена, хотя и доставляются крестьяниномъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительно составляютъ *капиталъ*,—это ясно вытекаетъ изъ двухъ соображеній. Съ одной стороны, разъ часть продукта переходитъ къ крупному землевладѣльцу въ видѣ прибавочной стоимости, то, стало быть, сѣмена, участвующія въ образованіи послѣдней, составляютъ часть постояннаго *капитала*. Но, помимо этого теоретическаго соображенія, существуетъ еще другое, гораздо болѣе важное, имѣющее чисто практическій характеръ. Мы уже видѣли, что у очень рѣдкихъ крестьянъ хватаетъ своего хлѣба до новаго урожая, большинство же уже зимою или весною вынуждено покупать хлѣбъ на продовольствіе. Поэтому далеко не все равно, кѣмъ будутъ доставлены сѣмена: землевладѣльцемъ или крестьяниномъ. Если по условію сѣмена доставляетъ съемщикъ, тогда большинству крестьянъ или придется вовсе отказаться отъ аренды, или удѣлить часть своего хлѣба на обсѣмененіе арендуемаго поля, а, слѣдовательно, увеличить на такое же именно количество и безъ того неизбѣжный дефицитъ въ средствахъ продовольствія; или, наконецъ, прямо пріобрѣсть требуемыя сѣмена гдѣ-нибудь на сторонѣ. Ясно, что, въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, бѣдный крестьянинъ, не имѣющій какихъ либо постороннихъ источниковъ дохода, рано или поздно вынужденъ прибѣгнуть къ займу: въ одномъ случаѣ на сѣмена, въ другомъ—лишній разъ на продовольствіе. Такимъ образомъ, необходимость

Моршанскій	4,7
Борисоглѣбскій	6,7
Средній	5,0

выдѣлить изъ общей доли крестьянина % на капиталъ, затраченный въ сѣменахъ, очевидна сама собой, ибо большинство крестьянъ въ состояніи добыть этотъ капиталъ только путемъ займа; чтобы обойтись безъ помощи послѣдняго, необходимо имѣть достаточный запасъ собственнаго хлѣба или же какой-либо посторонній земледѣлію, выгодный источникъ дохода. Это выясняетъ предъ нами весьма важный экономическій фактъ, который необходимо не упускать изъ виду для правильнаго сужденія о положеніи современной деревни: мы видимъ, что аренда земли у частныхъ землевладѣльцевъ въ настоящее время стала весьма затруднительной для большей части крестьянъ, не обладающей нужными капиталами.

Въ числѣ условій, служащихъ къ невыгодѣ крестьянина-арендатора, необходимо упомянуть еще о томъ обязательномъ предпочтеніи, какое оказывается во время полевыхъ работъ землевладѣльческому хлѣбу, который свозится на гумно, мѣстами же обмолачивается на полѣ, прежде крестьянскаго; въ осеннее время, при перемѣнчивой погодѣ, это грозитъ крестьянину невознаградимыми убытками, потому что хлѣбъ можетъ погибнуть въ скирдахъ. Итакъ, мы замѣчаемъ въ настоящее время значительно возросшую обременительность для крестьянина условій испольной аренды; это произошло съ одной стороны путемъ прямого и непосредственнаго уменьшенія доли земледѣльца въ урожаѣ, съ другой—косвенно, путемъ вмѣненія арендатору въ обязанность доставить часть капитала, который въ прежнее время цѣликомъ доставлялся землевладѣльцемъ; затрата такого капитала дѣлаетъ аренду вполнѣ доступной только наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ, или же ставитъ крестьянина въ зависимость отъ ростовщика и тѣмъ самымъ косвенно сокращаетъ долю перваго въ продуктѣ. Съ прежней половины чистаго сбора вознагражденіе земледѣльца нынѣ приблизительно упало до одной трети, если не ниже.[1]

Необходимо также обратить вниманіе на то, что во многихъ случаяхъ „исполу“ сдается теперь только земля самаго низшаго или средняго качества, на лучшихъ же сортахъ земли купцы заводятъ свои запашки (напр. въ Сапожковскомъ у. Пензенской губ.). Въ этомъ обнаруживается переходный характеръ испольной аренды, которая удерживается еще только на худшей землѣ; земли же, способныя приносить высшій доходъ, и теперь уже эксплуатируются самими землевладѣльцами![1]

Переходную форму отъ натуральной аренды къ денежной составляетъ аренда по такъ называемой издѣльной системѣ, т. е. за обязательство выполненія опредѣленныхъ земледѣльческихъ работъ. Такая система земельныхъ отношеній возникла въ черноземной полосѣ изъ потребности крупныхъ землевладѣльцевъ въ лѣтнихъ рабочихъ рукахъ для веденія своего хозяйства. Но и въ мѣстахъ своего наибольшаго распространенія эта форма аренды не утвердила за собой исключительнаго господства: рядомъ съ нею, хотя бы въ ограниченныхъ размѣрахъ существуетъ денежная аренда и денежная плата за наемныя земледѣльческія работы; далѣе, при издѣльной арендѣ разсчетъ обыкновенно производится на деньги. Встрѣчается, наконецъ, и промежуточная, смѣшанная — полу-натуральная, полу-денежная форма аренды: иногда уплата за землю производится частью деньгами, частью работой; хотя земля сдается за деньги, тѣмъ не менѣе, при заключеніи договора, съемщику ставится непремѣннымъ условіемъ обработка одной или двухъ десятинъ землевладѣльца. Уменьшеніе доли въ продуктѣ, причитающейся работнику, сказывается здѣсь въ томъ, что стоимость обработки одной или двухъ десятинъ составляетъ только часть арендной цѣны одной десятины.

Рядомъ съ перечисленными видами натуральной аренды весьма распространена повсемѣстно въ черноземной полосѣ аренда денежная. Это едва-ли не самая обременительная для крестьянина форма земельной аренды. Уже одинъ переходъ отъ натуральныхъ отношеній по землѣ къ денежнымъ не можетъ не отразиться неблагопріятными послѣдствіями на крестьянскомъ хозяйствѣ. Извѣстно, какое разрушительное вліяніе оказывало вездѣ на благосостояніе земледѣльца превращеніе натуральной ренты въ денежную, создавая для крестьянина необходимость спѣшной продажи продукта для своевременной уплаты ренты. Если даже необходимость такой продажи существовала и раньше, то съ этимъ превращеніемъ является для нея новый стимулъ, къ явной невыгодѣ земледѣльца: отдавая ренту натурой и продавая за тѣмъ даже всю свою долю продукта, онъ терялъ только на послѣдней; теперь же онъ теряетъ на цѣнѣ всего продукта, а рента отъ этого становится для него еще обременительнѣе. Все, что въ данномъ случаѣ теряетъ арендаторъ, выигрываетъ скупщикъ или непосредственно самъ землевладѣлецъ, если послѣдній соглашается ждать уплаты арендныхъ денегъ: съ разсрочкою платежа земля сдается

дороже, чѣмъ на наличныя деньги. Что необходимость спѣшной продажи продукта существуетъ не только въ теоріи, но и въ русской практикѣ, въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства мѣстныхъ жителей - переселенцевъ. Напр., въ Моршанскомъ уѣздѣ, не взнесъ крестьянинъ въ срокъ арендныхъ денегъ,—землевладѣлецъ свозитъ весь хлѣбъ въ свой овинъ, покуда мужикъ не принесетъ выкупа.

Тягость этого условія еще усугубляется непомѣрно возросшими за послѣдніе года арендными цѣнами. Въ сплошной центральной полосѣ, образуемой губерніями: Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской, наемъ одной десятины пашни стоитъ отъ 20—25 и до 30 рубл. въ лѣто, очень рѣдко меньше. Ближе къ окраинамъ этой области,—съ одной стороны въ черноземномъ Лукояновскомъ у., Нижегородской губ., съ другой — въ южномъ Борисоглѣбскомъ у., Тамбовской губ. и въ Харьковской губ.,—арендныя цѣны спускаются до 10—15 руб. за одну десятину пахатной земли [1]). Но въ той же Харьковской губ. десятина лучшей земли подъ посѣвъ свеклы цѣнится въ 50 руб. за одно лѣто, также какъ и въ другихъ губерніяхъ той же полосы, напр. въ Пензенской, гдѣ десятина нови подъ одинъ посѣвъ конопли сдается по 40—50 руб.!

Если мы присоединимъ сюда имѣющіяся свидѣтельства, что и за деньги крестьянамъ нерѣдко сдается земля низшаго качества, на лучшей же землевладѣльцы ведутъ свою запашку,—то выгода аренды для крестьянина при такихъ чрезмѣрныхъ съемныхъ цѣнахъ будетъ весьма сомнительной.—Мы познакомились съ тѣми видами съемки земли, которые имѣютъ источникомъ нужду крестьянина въ хлѣбѣ, а стало быть въ пахатной землѣ. Но еще болѣе, какъ мы знаемъ, нуждается крестьянинъ въ сѣнокосахъ [2]), а равно и

[1]) Въ заволжской полосѣ арендныя цѣны много ниже; опредѣленныхъ цифровыхъ данныхъ по этой мѣстности привести невозможно, вслѣдствіе значительныхъ колебаній, какимъ подвержены здѣсь цѣны на землю: „въ подобныхъ степныхъ мѣстностяхъ колебанія цѣнъ въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ производятся и различіемъ въ степени заселенности, и существованіемъ еще значительнаго количества новинныхъ земель, цѣны на которыя выше сосѣднихъ пашень, и большимъ вліяніемъ предшествовавшихъ урожаевъ и неурожаевъ. Вообще тутъ вліяніе случайностей больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“. („Новѣйшія сельско-экономическія условія“, Воронова, Вѣстникъ Европы 1883 года, I).

[2]) Сѣнокосныя земли арендуются приблизительно на тѣхъ же условіяхъ, какъ и пахатныя.

въ пастбищахъ для скота. Для удовлетворенія этой потребности крестьяне снимаютъ у землевладѣльцевъ выгоны, а чаще толоку или атаву. Такой видъ съемки составляетъ у одной части крестьянъ продуктъ новѣйшаго времени: какъ извѣстно, до реформы бывшіе помѣщичьи крестьяне пользовались правомъ пастьбы скота на владѣльческихъ земляхъ; нынѣ же они вынуждены пріобрѣтать это право за обязательство выполненія опредѣленныхъ земледѣльческихъ работъ или прямо за деньги. Размѣры обязательствъ, принимаемыхъ на себя крестьянами, весьма разнообразны и мѣняются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Итакъ, въ результатѣ движенія арендныхъ формъ мы замѣчаемъ общее уменьшеніе доли крестьянина въ земледѣльческомъ продуктѣ и, наоборотъ, возростаніе той части, которая достается представителямъ поземельной или денежной собственности, иными словами, —увеличеніе того количества труда, которое долженъ выполнить крестьянинъ - работникъ въ пользу землевладѣльца и другихъ собственниковъ (ростовщика, скупщика и т. п.)

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, внося извѣстную плату или отдавая нѣкоторое количество своего труда, крестьянинъ такъ или иначе получаетъ взамѣнъ какую-либо реальную выгоду. Но, сверхъ того, нерѣдко мужику доводится платить, можно сказать, за честь, доставляемую ему сосѣдствомъ землевладѣльца. Я говорю о штрафахъ за потравы, составляющія совершенно неизбѣжное слѣдствіе неудобнаго расположенія крестьянскихъ надѣловъ посреди помѣщичьихъ земель. Корень этихъ явленій кроется въ исторіи надѣленія крестьянъ землею, сопровождавшагося переносомъ усадьбъ, отводомъ части или всего надѣла за нѣсколько верстъ отъ селенія, созданіемъ черезполосицы владѣнія и т. п. Въ этомъ смыслѣ имѣются указанія въ разсказахъ переселенцевъ, связывающія эти обстоятельства съ частыми случаями потравъ [1]). Увеличеніе суммы труда, выполняемаго земледѣльцемъ на земле-

---

[1]) Случаи взысканія крестьянами за потравы другъ съ друга въ Великорусскихъ губерн. чрезвычайно рѣдки, но составляютъ обычное явленіе въ Малороссіи съ ея участковымъ владѣніемъ; стѣсненіе, причиняемое частотою потравъ въ этой мѣстности, такъ ощутительно, что напр., крестьяне Сумскаго у. (Харьковской губ.) единогласно заявляютъ о полной невозможности содержать скотину: приходится ее развѣ держать на привязи. Этимъ еще разъ подтверждается зависимость частыхъ потравъ не отъ чего инаго, какъ отъ формы землевладѣнія.

владѣльца, выражается здѣсь частію косвенно—уплатою высокихъ штрафовъ за потравы (отъ 50 к.—1 р. до 2—3 р. за лошадь), частію непосредственно, въ видѣ обязательства выполненія опредѣленныхъ земледѣльческихъ работъ.

V.

Въ предъидущей главѣ мы указали, что все увеличивающаяся обременительность условій земельной аренды дѣлаетъ ее малодоступной для большинства крестьянъ. Это вынуждаетъ ихъ обращаться къ разнымъ видамъ промысловъ и заработковъ. Въ такой по преимуществу земледѣльческой мѣстности, какъ черноземная полоса, первое мѣсто въ ихъ числѣ естественно принадлежитъ земледѣльческимъ заработкамъ, въ свою очередь подраздѣляющимся на мѣстные и отхожіе.

На мѣстныя земледѣльческія работы, къ частнымъ землевладѣльцамъ и крупнымъ арендаторамъ, ведущимъ свое хозяйство,—нанимаются подесятинно, поденно и годовыми работниками. Подесятинно всегда нанимается работникъ съ лошадью; также точно подряжаются на обработку душевыхъ надѣловъ къ крестьянамъ, не имѣющимъ собственнаго рабочаго инвентаря. На поденщину же и въ батраки идутъ обыкновенно пѣшіе работники.

Что касается до способа вознагражденія рабочаго, то здѣсь процессъ перехода отъ натуральной формы экономическихъ отношеній къ денежной выразился еще рѣзче, чѣмъ въ земельной арендѣ. Первобытную форму послѣдней, какъ мы видѣли, составляетъ аренда исполу или, говоря общѣе, изъ части земледѣльческаго продукта, какъ наиболѣе подходящая для періода натуральнаго хозяйства; соотвѣтствующую форму наемнаго земледѣльческаго труда представляетъ работа изъ части продукта. Такой способъ вознагражденія за трудъ мнѣ привелось встрѣтить только у немногихъ крестьянъ Нижегородской губ., да у малороссовъ Харьковской и Воронежской губ., гдѣ и косятъ, и жнутъ, и молотятъ, и даже лѣсъ рубятъ—изъ части. Но часть эта по сравненію съ прежнимъ уровнемъ вознагражденія рабочаго замѣтно сократилась, иными словами—возросло количество труда, исполняемаго крестьяниномъ на землевладѣльца, что выступаетъ здѣсь

въ прямомъ и незамаскированномъ видѣ [1]). Рядомъ съ этой натуральной формой вознагражденія за трудъ, тамъ же находимъ и денежную плату (напр., при наймѣ на поденныя работы), которая представляетъ господствующую форму заработной платы за земледѣльческій трудъ [2]) во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ черноземной полосы (включая и великорусскую часть Воронежской губ.). Плата конному работнику за всѣ лѣтнія работы, т. е. за полную обработку и уборку одной десятины, колеблется во всей полосѣ между 5—9 руб., но при зимней запродажѣ труда съ полученіемъ всей платы впередъ, вознагражденіе работнику мѣстами падаетъ до 8 р. 50 коп. за „кругъ" (т. е. за одну яровую и одну озимую десятину). За одну только уборку платится отъ 2 — 4 руб. съ десятины. Годовой работникъ получаетъ отъ 30—60 руб., среднимъ же числомъ руб. 50 въ годъ на хозяйскихъ харчахъ.

Но и на этихъ условіяхъ не всѣ взрослые работники находятъ работу на мѣстѣ. Это вынуждаетъ многихъ крестьянъ искать земледѣльческихъ работъ на сторонѣ; встрѣчаются селенія, откуда каждое лѣто уходитъ чуть-ли не поголовно весь взрослый мужской рабочій персоналъ. Большая часть этихъ земледѣльческихъ рабочихъ направляется на уборку травъ и хлѣбовъ на земли казачьей территоріи — на Донъ, на Манычъ, на Кубань, т. е. въ области Донскую, Кубанскую и въ Ставропольскую губ.; рѣже—на земли частныхъ собственниковъ: въ заволжскія степи, въ Таврическую губ. Туда влечетъ ихъ высокая заработная плата, какой они никогда не получили бы на родинѣ. Поденная плата косарю въ плохой годъ не ниже 50—60 коп. на хозяйскихъ харчахъ, — цѣна, которую не всегда удается получить работнику въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ; обыкновенное вознагражденіе работника простирается отъ 1—2 руб. въ день на хозяйскихъ харчахъ, а въ хорошій годъ, при обильномъ урожаѣ, доходитъ до 3 и даже до 5 руб. въ день. Въ самый плохой годъ за одну только уборку хлѣбовъ платится по 7 руб. съ десятины, тогда какъ на родинѣ

[1]) Сокращеніе денежной заработной платы очень часто можетъ быть открыто только косвеннымъ путемъ чрезъ сравненіе цѣнъ на жизненные припасы; здѣсь же сокращеніе происходитъ вполнѣ наглядно: прежде жали изъ третьяго снопа, а теперь жнутъ изъ четвертаго и пятаго (въ Сумскомъ у. Харьковской губ.).

[2]) Я не поручусь, разумѣется, что натуральная форма вознагражденія за трудъ совершенно уже изчезла во всей черноземной полосѣ; но, кромѣ указанныхъ случаевъ, мнѣ лично не приходилось объ ней слышать отъ переселенцевъ; въ земскихъ сборникахъ по Рязанской губ. и Тамбовской губ. объ ней точно также ничего не находимъ.

крестьянинъ съ трудомъ получитъ такую цѣну за полную обработку и уборку одной десятины. Средняя плата—отъ 12 до 15 р. за уборку одной десятины, въ годы же большихъ урожаевъ она достигаетъ 25 руб. за десятину. Такая плата оставляетъ крестьянину, по окончаніи полевыхъ работъ, сбереженіе достаточное на уплату податей и другія необходимыя нужды; въ особенно удачный годъ работникъ иногда приноситъ домой отъ 80—100 руб. и болѣе. Нужно замѣтить, впрочемъ, что подобныя сбереженія возможны только при той крайней экономіи, какую соблюдаютъ крестьяне во всѣхъ своихъ расходахъ. Весь путь, простирающійся отъ 500—600 верстъ иногда и до 1000 вер., крестьяне обыкновенно проходятъ пѣшкомъ: проѣхать изъ Пензенской губ. въ Ставропольскую или въ Донскую область и обратно по желѣзной дорогѣ стоило бы по 24 руб. на человѣка, пѣшкомъ же крестьянинъ прохарчитъ только 5 руб. При меньшей разсчетливости, въ плохой годъ не трудно остаться и вовсе безъ всякихъ сбереженій, какъ временами и случается возвращаться инымъ крестьянамъ.

Однако предложеніе земледѣльческаго труда какъ мѣстнаго, такъ и отхожаго, недостаточно обширно, чтобы поглотить всѣ свободныя крестьянскія руки, не находящія себѣ занятія при обработкѣ собственнаго надѣла въ черноземной полосѣ. Нѣкоторая,—правда, меньшая,—часть ихъ должна искать себѣ мѣста въ разныхъ видахъ неземледѣльческихъ промысловъ. Изъ числа послѣднихъ, извозъ и лѣсные заработки въ прежнее время были наиболѣе тѣсно связаны съ земледѣліемъ и доставляли работу многимъ крестьянамъ. Но проведеніе желѣзныхъ дорогъ, нанесшее ударъ стариннымъ формамъ поземельныхъ отношеній, произвело также большую перемѣну въ неземледѣльческихъ занятіяхъ крестьянъ черноземной полосы. Первымъ и непосредственнымъ результатомъ постройки желѣзныхъ дорогъ было паденіе извознаго промысла, который въ настоящее время ограничивается подвозкой кладей на небольшія разстоянія, большею частью только къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Желѣзныя дороги, убившія прежній ремесленный способъ перевозки кладей, разумѣется, не могли доставить занятія такому же числу крестьянъ, какое, благодаря имъ, лишилось заработка. Въ первое время, въ періодъ постройки, онѣ, правда, дали работу многимъ крестьянамъ; но впослѣдствіи, когда постройка новыхъ дорогъ пріостановилась, большинство лишилось и этого временнаго заработка и только немногіе крестьяне въ зимнее время работали

на желѣзной дорогѣ [1]). Что касается до лѣсныхъ промысловъ, то, за исключеніемъ развѣ Уфимской губ., они большею частью почти повсемѣстно прекратились, по причинѣ окончательнаго уничтоженія лѣсовъ въ черноземной полосѣ. Вызвано же было исчезновеніе лѣсовъ, съ одной стороны, упадкомъ послѣ реформъ помѣщичьяго хозяйства и переходомъ множества помѣщичьихъ имѣній въ руки представителей денежнаго капитала, которые первымъ дѣломъ вырубили лѣса; съ другой стороны, сильный толчокъ лѣсоистребленію данъ былъ постройкою желѣзныхъ дорогъ. Благодаря этимъ двумъ причинамъ, лишь изрѣдка кое-гдѣ въ ряду зимнихъ заработковъ крестьянъ попадается рубка лѣсу и дровъ. Съ исчезновеніемъ наиболѣе распространенныхъ традиціонныхъ формъ неземледѣльческихъ промысловъ, въ крестьянской средѣ образовался излишекъ рабочихъ силъ. Могли ли вмѣстить его другія отрасли завѣщанныхъ стариною промысловъ,—ремесло и торговля? Что до послѣдней, то она не всегда составляетъ подспорье въ разрушающемся земледѣльческомъ хозяйствѣ, а наоборотъ иногда свидѣтельствуетъ о его процвѣтаніи и объ избыткахъ.

Мелкую же разносную торговлю, коробейничество,—общераспространенный промыселъ, доступный большинству крестьянъ,—мы находимъ только въ торговой Нижегородской губ. Жители нѣкоторыхъ селеній Лукояновскаго у. чуть-ли не поголовно занимаются разноской по всей Россіи образковъ, нерѣдко заходятъ съ ними даже въ Сибирь и этимъ кое-какъ поддерживаютъ свое существованіе. Ремесла, о которыхъ у насъ есть свѣдѣнія, имѣютъ въ нестепной черноземной полосѣ по преимуществу отхожій характеръ и держатся того же направленія, какъ и отхожіе земледѣльческіе заработки: плотники и каменьщики обыкновенно лѣтомъ уходятъ въ землю Войска Донскаго, въ Ставропольскую губ., на Кавказъ, порою и въ Самарскую губ. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются и чисто мѣстныя ремесла (напр. портняжное), разсчитанныя на тѣсный кругъ мѣстныхъ заказчиковъ и потребителей; но надо полагать, что число такихъ мастеровыхъ весьма ограничено. Изъ этого ясно, что ни торговля, ни ремесла не могли доставить пропитанія всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые лишились заработка, благодаря упадку извознаго и лѣснаго промысловъ. Не говоря о томъ, что для занятія ремесломъ требуется извѣстная профес-

---

[1]) Заработокъ 9—13 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ.

сіональная подготовка, которой не могло быть у большинства крестьянъ, оставшихся безъ работы,—переходъ къ ремесленнымъ занятіямъ былъ невозможенъ для нихъ уже потому, что этихъ занятій и безъ того не хватало на мѣстахъ; мелкая же торговля только въ рѣдкихъ случаяхъ могла получить всеобщее распространеніе среди крестьянскаго населенія. Поэтому „освободившіяся" рабочія руки должны были искать себѣ другаго приложенія; частью онѣ и нашли его въ разныхъ видахъ фабрично-заводскихъ и вообще капиталистическихъ производствъ; но мы должны оговориться, впрочемъ, что въ этихъ производствахъ заняты очень немногіе,—если не изъ числа всѣхъ вообще крестьянъ черноземной нестепной полосы (и свѣдѣній о которыхъ у насъ быть не можетъ), то по крайней мѣрѣ изъ числа переселенцевъ.

Исконныя неземледѣльческія занятія крестьянина—извозъ и лѣсные промыслы—представляли для него ту выгоду, что не отрывали его отъ земледѣлія и давали ему заработокъ въ такое время, которое совершенно непроизводительно пропадаетъ для собственнаго его хозяйства. Въ этомъ отношеніи замѣной исчезнувшимъ промысламъ могутъ служить безъ ущерба только зимнія занятія. Работа на сахарныхъ заводахъ въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи представляетъ одно изъ такихъ занятій. На заводахъ работаютъ мужчины, женщины и дѣти; работа производится двумя смѣнами,—дневной и ночной,—занятыми поочередно по 12 часовъ въ сутки; плата за такой трудъ, какъ въ дневную, такъ и въ ночную смѣну, составляетъ всего на всего 5 руб. въ мѣсяцъ. Не имѣя подъ рукой подобнаго промысла, крестьяне нѣкоторыхъ селеній Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи каждую зиму въ большомъ числѣ уходятъ въ Ростовъ на Дону на работу въ каменноугольныхъ шахтахъ [1]).

Предѣлы рабочаго дня и порядокъ работъ такіе же тамъ, какъ и на сахарныхъ заводахъ Сумскаго у. Въ самыхъ шахтахъ работаютъ, по словамъ переселенцевъ, начиная съ 15-ти лѣтняго возраста, но перевозкой угля на поверхности и присмотромъ за лошадьми занимаются также восьмилѣтніе мальчики. Мальчики получаютъ по 5 руб. въ мѣсяцъ, взрослый рабочій можетъ заработать за зиму рублей 100; иные присылаютъ домой на подати, иные,

[1]) Подробное описаніе этого промысла читатель можетъ найти въ „Сборн. Статист. свѣд. по Тамбовск. губ." т. III, стр. 248—256.

впрочемъ, возвращаются безъ всякаго заработка, что происходитъ частью по винѣ рабочихъ, чаще же благодаря неисправности и всякимъ неправильностямъ въ разсчетѣ со стороны углепромышленниковъ: умышленное затягиваніе хозяевами разсчета вводитъ рабочихъ въ убытки и вынуждаетъ ихъ соглашаться на всѣ предлагаемыя условія, лишь бы получить хоть часть своего заработка, и т. под.

Однако современное положеніе крестьянина не всегда оставляетъ ему возможность выбирать изъ числа неземледѣльческихъ заработковъ только зимніе. На каменноугольную шахту близъ г. Скопина (Рязан. губ.) валитъ много народа изъ окрестныхъ, оставляя землю на руки стариковъ или женщинъ или вовсе забрасывая хозяйство. Крестьянъ не останавливаютъ ни трудность работы, ни частыя несчастья съ рабочими; на шахту идутъ начиная съ десятилѣтняго возраста,—причина: „кабы не шахта,—намъ бы тутъ пропадать!“ Плата взрослому рабочему 40—60 к. въ смѣну, дѣти получаютъ по 20—25 к. со своимъ масломъ. Работа производится на глубинѣ 70 ар. подъ землей.—Въ числѣ заработковъ, замѣнившихъ работу на желѣзной дорогѣ, у крестьянъ Рязанской губ. встрѣчаемъ еще работу на торфяникахъ Владимірской губ. Рѣжутъ торфъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ—до „Казанской“ (т. е. до 8 іюля). Занятіе это не изъ легкихъ: работать приходится по колѣно въ грязи, скинувши „порки“; земля въ началѣ мерзлая, внизу еще ледъ, который надо рубить. Работаютъ сдѣльно, въ теплую весну можно заработать руб. 50.

Описанные два вида лѣтнихъ заработковъ составляютъ продуктъ новѣйшаго времени и оказываютъ весьма неблагопріятное вліяніе на крестьянское хозяйство: если они и служатъ поддержкой въ быту крестьянина, то съ другой стороны они посягаютъ на его хозяйственную самостоятельность, отнимая работника у земли и вынуждая его обращаться къ занятіямъ, не совмѣстнымъ съ земледѣліемъ.

VI.

Естественныя условія мѣстности придаютъ внѣнадѣльнымъ занятіямъ крестьянина нечерноземной полосы существенно отличный характеръ по сравненію съ тѣми формами экономическихъ отно-

шеній, какія мы видѣли въ черноземной полосѣ. Въ этомъ отношеніи не замѣчается большаго различія между переселенческимъ райономъ центральной промышленной (Владимір. губ.) и сѣверной полосъ. Въ черноземной полосѣ мы видѣли кое-гдѣ попытки восполнить недостаточное производство хлѣба культурой конопли для продажи. Въ Вологодской губ. находимъ въ широкихъ размѣрахъ льноводство на подсѣкахъ, еще въ недавнее время служившее весьма выгодной поддержкой всему населенію, давая средства на покупку недостающаго хлѣба. Такое положеніе, правда, дѣлало крестьянина производителемъ для обмѣна и въ обмѣнѣ же вынуждало искать удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей; однако, подчиняя себѣ земледѣльца, какъ производителя и потребителя, рынокъ по крайней мѣрѣ давалъ ему средства на уплату податей. Но равновѣсіе между средствами производства и потребленія было нарушено съ тѣхъ поръ *какъ на сѣверѣ стали приносить человѣка въ жертву деревьямъ*. По какому-то непонятному педантизму, считали необходимымъ во что-бы-то ни стало охранять лѣса отъ крестьянъ въ странѣ, чуть-ли *не сплошь покрытой* лѣсами, гдѣ крестьянскія поселенія занимаютъ едва замѣтную часть территоріи, преимущественно по теченію рѣкъ [1]). Пока въ надѣлѣ крестьянъ оставалось еще достаточно лѣсныхъ участковъ, они продолжали разведеніе льна, вознаграждавшее ихъ за недостаточное, въ силу климатическихъ причинъ, производство хлѣба. Но въ настоящее время лѣса уже повывелись (причины лѣсоистребленія въ крестьянскихъ надѣлахъ на сѣверѣ указаны выше) и льноводство становится невозможнымъ. Приходится прибѣгать къ инымъ видамъ подсобныхъ занятій, въ которыхъ зависимость крестьянина отъ другихъ общественныхъ группъ выступаетъ прямѣе и непосредственнѣе,—это и вызываетъ во многихъ желаніе куда нибудь переселиться.

Хотя земледѣліе и на сѣверѣ составляетъ главное занятіе населенія, тѣмъ не менѣе ни земельная аренда, ни земледѣльческіе заработки въ силу физическихъ и историческихъ условій не получили тамъ почти никакого развитія. Это объясняется характеромъ

---

[1]) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Сольвычегодскомъ уѣз. подъ лѣсомъ находится 91% всей площади уѣзда, а крестьянскія общественныя земли занимаютъ только 8% этой площади („Сольвычегодская земельная община“. „Отеч. Записки“ 1879 г. VII, стр. 42).

землевладѣнія на сѣверѣ, гдѣ большею частью вовсе отсутствуетъ крупная личная поземельная собственность, землевладѣльцами же являются только казна, удѣлъ и крестьянскія общества разныхъ наименованій. Государственныя и удѣльныя земли большею частью ревниво оберегаются отъ крестьянской эксплоатаціи; если же кое-гдѣ и сдаются свободные участки, то нерѣдко препятствіемъ къ ихъ съемкѣ служитъ неравномѣрное распредѣленіе населенія, составляющее послѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ, которыя издавна направлены были противъ свободнаго разселенія народа: благодаря скученности населенія на небольшомъ пространствѣ въ однихъ мѣстахъ и рѣдкости его въ другихъ, для многихъ крестьянъ аренда казенныхъ участковъ невозможна по отдаленности разстоянія. Такимъ образомъ, въ сѣверной полосѣ крестьянская аренда большею частью ограничена пространствомъ крестьянскихъ-же общинныхъ земель: болѣе зажиточные крестьяне снимаютъ надѣлы у маломощныхъ, безлошадныхъ, одинокихъ, переселенцевъ и т. п. Такая аренда, основывающая достатки однихъ крестьянъ на нуждѣ ихъ сосѣдей, очевидно, не можетъ содѣйствовать общему подъему благосостоянія населенія; притомъ она относится къ совершенно иному порядку явленій, о которыхъ здѣсь говорить еще преждевременно. Что касается до формы аренды, то тамъ, гдѣ существуетъ послѣдняя, преобладаетъ денежная ея форма; если же гдѣ и удержалась испольная аренда, то не въ чистомъ видѣ, а въ состояніи перехода къ денежной арендѣ; такъ, въ Чердынскомъ у. (Пермской губ.) крестьяне, живущіе по близости отъ города, снимаютъ у мѣщанъ и купцовъ покосы исполу, но съ приплатой 4 р. съ десятины и съ обязательствомъ свезти землевладѣльцу сѣно подъ навѣсъ. Мы говоримъ здѣсь, разумѣется, лишь о краткосрочной арендѣ по такъ называемой необезпеченной системѣ. Но на сѣверѣ встрѣчается еще долгосрочная аренда по обезпеченной системѣ, въ которой отношенія крестьянина къ землевладѣльцу нормированы цѣлымъ рядомъ государственныхъ законовъ, послѣдовательно издававшихся въ теченіе многихъ царствованій,—я говорю о половникахъ Вологод. губерніи. Къ сожалѣнію, объ этой формѣ экономическихъ отношеній очень мало извѣстно; мы можемъ только засвидѣтельствовать со словъ переселенцевъ, что въ послѣднее время потомственные арендаторы-половники испытываютъ разныя стѣсненія со стороны землевладѣльцевъ. Впрочемъ, половничество должно быть разсматриваемо ско-

рѣе какъ форма, соотвѣтствующая надѣльному землепользованію крестьянъ другихъ наименованій, а потому и не можетъ входить въ разсчетъ при обозрѣніи тѣхъ способовъ, какими крестьяне восполняютъ дефицитъ, происходящій отъ недостаточныхъ размѣровъ надѣла.

По тѣмъ же причинамъ, которыя препятствовали на сѣверѣ развитію земельной аренды, мы тамъ вовсе не находимъ земледѣльческихъ заработковъ: за полнымъ почти отсутствіемъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ и незначительной выгодой, какую представляетъ земледѣліе на сѣверѣ, мы тамъ не встрѣчаемъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства, которое могло бы дать земледѣльческій заработокъ мѣстному крестьянству. Вслѣдствіе этого, населеніе сѣверной полосы внѣ собственнаго хозяйства занимается одними неземледѣльческими заработками. Но послѣдніе здѣсь сохранили еще болѣе или менѣе патріархальный характеръ; знакомясь съ ними, мы можемъ возстановить предъ нашими глазами картину прошлаго состоянія неземледѣльческихъ промысловъ въ средней черноземной полосѣ. Благодаря обилію лѣсовъ во всей области и большому числу заводовъ, разсѣянныхъ въ Пермской и, частью, Вятской губерніяхъ,—мы вездѣ находимъ зимніе лѣсные промыслы, которые занимаютъ видное, а порой и первенствующее мѣсто въ подсобныхъ занятіяхъ населенія. Мѣстами крестьяне рубятъ и возятъ лѣсъ у купцовъ-лѣсопромышленниковъ, большею же частью доставляютъ дрова на заводы и соляныя варницы или вывозятъ на берега судоходныхъ рѣкъ для судоходныхъ компаній. Плата, смотря по разстоянію, колеблется отъ $1^1/_2$—2 р. до 15 р. съ сажени (по 20—30 к. съ сажени и версты). Въ Чердынскомъ уѣздѣ зимой рубятъ лѣсъ и сплавляютъ его въ весеннее половодье за 100 в. на соляныя варницы. Заработокъ составляетъ руб. 60 въ годъ, но крестьянинъ рискуетъ потерять весь трудъ даромъ, если плотъ разобьетъ во время пути.

Въ нѣкогда знаменитомъ своими лѣсами Муромскомъ уѣздѣ (Владим. губ.) также находимъ лѣсные промыслы: рубку лѣса и доставку его на многочисленные заводы и фабрики губерніи, пилку дровъ и лѣса на заводахъ и паровыхъ мельницахъ. Но въ настоящее время, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ лѣсоистребленія, эти промыслы приходятъ въ упадокъ; въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Муромскій уѣздъ составляетъ какъ бы переходъ отъ сѣверной къ средней черноземной полосѣ.

Въ числѣ зимнихъ заработковъ, издревле свойственныхъ нашему сѣверу, въ лѣсистой Вологодской губ. (а именно въ Вельскомъ уѣз.) встрѣчаемъ еще охоту на бѣлокъ, которыхъ жители сбываютъ своимъ богатымъ односельцамъ, послѣдніе же отвозятъ на продажу въ Вологду и Каргополь; за шкурку крестьянинъ-охотникъ получаетъ по 17 коп., а за зиму онъ набьетъ 300 штукъ,— заработокъ составляетъ около 50 руб. Въ числѣ прочихъ занятій населенія въ той же губерніи встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ ремесла, разсчитанныя на удовлетвореніе главнымъ образомъ мѣстныхъ потребностей. Въ остальной части сѣверной полосы—въ Пермской и отчасти въ Вятской губ., благодаря обилію лѣса и металловъ, получили большое развитіе разнаго рода мастерства,—плотничье, бондарное, кузнечное, мѣдное и т. п., имѣющія по преимуществу отхожій характеръ.

Въ Пермскомъ уѣз., благодаря плохому качеству земли и скудному доходу отъ нея, встрѣчаются селенія, въ которыхъ всѣ жители—мастеровые. Такъ какъ всѣ они не могли бы найдти себѣ работы на мѣстѣ, то зимой изъ деревень уходятъ почти всѣ мущины; многіе весь годъ живутъ на сторонѣ, домой возвращаются только на короткое время, а все земледѣльческое хозяйство оставляютъ на рукахъ бабъ, которыя тамъ даже и пашутъ. Заводскія работы, также составляющія исконное занятіе многихъ жителей Пермской и Вятской губ., мало привлекаютъ крестьянъ переселенческаго района, которые находятъ ихъ невыгодными.

VII.

Чтобы закончить съ вопросомъ объ отношеніяхъ крестьянъ Европейской Россіи къ другимъ хозяйственнымъ группамъ населенія, необходимо еще упомянуть о крестьянскомъ кредитѣ. Вспомнимъ, во-первыхъ, что у весьма рѣдкихъ крестьянъ хватаетъ своего хлѣба до новаго урожая, большинство же вынуждено въ теченіе нѣкоторой части года питаться покупнымъ хлѣбомъ. Съ другой стороны, когда нужда въ хлѣбѣ принимаетъ наиболѣе острый характеръ,—весною,—именно тогда наступаетъ срокъ уплаты податей. Если хлѣбопашество крестьянина ограничивалось размѣрами его собственнаго надѣла, или если у него не было выгод-

наго зимняго заработка, который давалъ бы средства на покупку хлѣба и уплату податей,—для него является необходимость въ кредитѣ подъ продукты лѣтняго труда или подъ этотъ самый трудъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простою формою займа, во второмъ случаѣ—съ „кабалой". Зная, что земледѣліе составляетъ преобладающій родъ занятій крестьянина, мы вправѣ напередъ заключить, что господствующимъ видомъ кабалы будетъ земледѣльческая кабала; такое заключеніе вполнѣ подтверждается фактами. Понятно, что кредитъ подъ лѣтній земледѣльческій трудъ можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ частное земледѣльческое хозяйство представляетъ какія либо выгоды и гдѣ, вслѣдствіе этого, крупные хозяева имѣютъ необходимость въ дешевыхъ лѣтнихъ рабочихъ рукахъ. Вотъ почему въ переселенческомъ районѣ Европейской Россіи замледѣльческая кабала встрѣчается только въ черноземной полосѣ и вовсе отсутствуетъ въ центральной промышленной и сѣверной областяхъ. Сущность земледѣльческой кабалы уже достаточно выяснена нашей литературой. Зимою, въ безхлѣбицу, или весной,—въ періодъ уплаты податей, крестьяне забираютъ у крупныхъ хозяевъ хлѣбъ или деньги и подряжаются на земледѣльческія работы либо подесятинно, либо годовыми работниками. Встрѣчаются между крестьянами такіе, которые забираются деньгами за годъ и за два впередъ подъ будущій трудъ. Можно судить, въ какой степени подобныя сдѣлки закрѣпощаютъ должника заимодавцу. Разсказы крестьянъ очень ярко свидѣтельствуютъ объ этомъ. „Зимой, когда ѣсть нечего", — разсказывали переселенцы,—„купецъ раздаетъ мужикамъ деньги подъ отработку; за 7 руб. крестьянинъ обязывается обработать на своей лошади и убрать одну десятину, а затѣмъ свезти хлѣбъ на гумно—все лѣто на него и работаешь" [1]. Какъ только подходитъ время къ Ильину дню (20 іюля),—разсказывали крестьяне Сапожковскаго уѣз. (Рязан. губ.)—пріѣзжаетъ купецъ къ старостѣ: „*гоняй народъ на работу!*" Рубль на рубль годоваго барыша въ такихъ сдѣлкахъ не составляетъ ничего необычайнаго, а 30—40% надо считать умѣренными.

Встрѣчается еще иногда кабальный способъ найма на неземледѣльческія работы. Выше мы уже упоминали о крестьянахъ Рязанской губ., работающихъ на торфяникахъ Владимірской губ.

---

[1]) Прим. въ концѣ главы.

Наемъ на эти работы происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждую весну въ волостное правленіе пріѣзжаютъ купцы, подряжаютъ тамъ крестьянъ и выдаютъ имъ задатки, часть которыхъ тутъ же немедленно вычитается на подати, и только остатокъ выдается работникамъ на руки. Въ сѣверной полосѣ тотъ же способъ практикуется при наймѣ крестьянъ на заводскія работы; нѣкоторые крестьяне Оханскаго уѣз. (Пермской губ.) иногда забираютъ на заводахъ деньги за годъ и за два впередъ: „возьметъ на подать, внесетъ весной, все лѣто работаетъ; осенью вернется домой, старшина ждетъ новой подати, а онъ пришелъ съ пустыми руками,— за долгъ работалъ, еще и будущее лѣто долженъ работать!"

Выше мы видѣли, какъ мало по малу исчезаютъ патріархальныя формы экономическихъ отношеній, гарантировавшія крестьянину возможность сравнительно сноснаго и независимаго существованія; но такія изъ старинныхъ экономическихъ формъ, въ которыя, въ продолженіи вѣковъ исторіи, облекалась *принудительная* связь между крестьяниномъ и лицами другихъ общественныхъ классовъ,—частью, какъ видимъ, сохранились и нынѣ, несмотря на юридическую отмѣну принудительныхъ отношеній крестьянина къ высшимъ сословіямъ [1]).

Неблагопріятныя условія для развитія крупнаго земледѣлія не дали утвердиться на сѣверѣ кабалѣ, широко распространенной въ черноземной полосѣ; вмѣсто кабалы, мы встрѣчаемъ во всей нечерноземной полосѣ простую форму займа изъ процентовъ, которая, въ свою очередь, не представляетъ особенной выгоды для крупныхъ землевладѣльцевъ, а вслѣдствіе этого, рѣже встрѣчается въ черноземной полосѣ. Смотря по надобности, крестьянинъ занимаетъ или хлѣбъ на продовольствіе, или деньги на покупку хлѣба и уплату податей. Въ первомъ случаѣ, хотя сдѣлка не имѣетъ непосредственно денежной формы, такъ какъ крестьянинъ и беретъ и возвращаетъ хлѣбъ натурой, тѣмъ не менѣе деньги присутствуютъ здѣсь идеально, въ роли „счетныхъ денегъ"; это, конечно, служитъ къ невыгодѣ для заемщика, вынужденнаго брать хлѣбъ по дорогой цѣнѣ и возвращать его въ уплату долга въ такое время, когда цѣны обыкновенно падаютъ. Разумѣется, лих-

---

[1]) „Кромѣ недуговъ современной эпохи, намъ приходится выносить цѣлый рядъ наслѣдственныхъ болѣзней, благодаря все еще продолжающемуся прозябанію отжившихъ способовъ производства и поддерживаемымъ ими устарѣлымъ политическимъ и общественнымъ отношеніямъ". („Le capital", p. 10).

венные проценты составляютъ въ подобныхъ сдѣлкахъ правило,— 30—50% годовыхъ считаются умѣренными, встрѣчаются же займы изъ 200% въ годъ: за одинъ пудъ хлѣба, занятаго весной, крестьянинъ возвращаетъ осенью два и даже болѣе. Понятно, что по закону прогрессивнаго поглощенія денежнымъ капиталомъ все большей и большей части продукта, долгъ на крестьянинѣ постоянно растетъ и положеніе его все ухудшается даже при *умѣренныхъ* 30%: „какъ разъ взялъ,—пять лѣтъ не выйдешь!"— о вліяніи болѣе крупныхъ процентовъ и говорить нечего. Такимъ образомъ, условія современнаго крестьянскаго кредита также служатъ одной изъ причинъ, подтачивающихъ крестьянское хозяйство [1]).

VIII.

Сгруппируемъ теперь воедино самыя выдающіяся характеристическія черты современнаго положенія крестьянъ, на которыхъ мы останавливались подробнѣе въ предыдущемъ обзорѣ.

Постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ и развитіе хлѣбной торговли въ средней черноземной полосѣ сильно подняли цѣны на землю и хлѣбъ, возвысивши тѣмъ въ необычайной степени цѣнность и доходность частной поземельной собственности. Въ то же время, крестьянинъ-арендаторъ и крестьянинъ-рабочій не могли вознаградить *себя возвышеніемъ цѣнъ на продаваемый ими хлѣбъ и трудъ.* Съ одной стороны, для крестьянина, обязаннаго многочисленными краткосрочными платежами государству, землевладѣльцу и кредитору, явилась настоятельная необходимость спѣшной продажи продукта, вслѣдствіе чего вся выгода отъ возвышенія цѣнъ на земледѣльческія произведенія *досталась исключительно на долю хлѣбнаго скупщика.* Съ другой стороны, тѣ-же причины, которыя вызвали поднятіе цѣнъ на землю и хлѣбъ, въ то же время лишили крестьянина наиболѣе распространенныхъ и находившихся подъ рукою заработковъ, чѣмъ создали значительный излишекъ предложенія труда на рабочемъ рынкѣ (по научной терминологіи,—„избыточное населеніе въ стоячей формѣ"). Большое число крестьянъ поставлено было въ необходимость искать работы на

[1]) Въ Саранскомъ у. (Пензенской губ.), къ которому относятся эти свѣдѣнія, при лѣтнемъ наймѣ плата за всѣ эти работы составляетъ 9 руб. съ десятины.

сторонѣ, не находя ея на мѣстѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ не имѣлъ возможности поднять и цѣну на трудъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ быстрымъ возрастаніемъ цѣнъ на землю и хлѣбъ, доходъ крестьянина и плата за трудъ нисколько не увеличились; наоборотъ, очевидно, что фактически вознагражденіе крестьянина неизбѣжно должно было значительно понизиться, такъ какъ *онъ самъ вступилъ въ ряды покупателей* хлѣба на рынкѣ. Если денежная форма способна иногда скрывать дѣйствительное направленіе экономическаго движенія, то въ натуральной формѣ отношеній это направленіе обозначается весьма рѣзко; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержались еще натуральныя формы хозяйственныхъ отношеній, или гдѣ переходъ къ денежнымъ формамъ только еще совершается, вездѣ бросается въ глаза непосредственное уменьшеніе доли крестьянина въ продуктѣ и увеличеніе доли землевладѣльца и представителя денежнаго капитала (хлѣбнаго скупщика и ростовщика), иными словами, возрастаніе „прибавочной стоимости". Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы съ точностью опредѣлить размѣръ этого возрастанія и указать, въ какомъ отношеніи находится въ настоящее время доля поземельной и денежной собственности къ долѣ крестьянскаго труда; иначе говоря, мы не имѣемъ данныхъ для опредѣленія современной „нормы прибавочной стоимости" въ земледѣліи. Но нѣкоторое указаніе на этотъ счетъ можно почерпнуть изъ сравненія арендныхъ цѣнъ одной десятины земли съ платою за ея обработку. Строго говоря, это не будетъ искомая норма прибавочной стоимости,—послѣдняя будетъ превышать отношеніе между цѣнами аренды и обработки одной десятины, такъ какъ съ одной стороны сюда не входитъ торговая прибыль и процентъ ростовщика, а съ другой — изъ стоимости обработки одной десятины необходимо вычесть прибыль на крестьянскій капиталъ, заключающійся въ рабочемъ скотѣ, наконецъ стоимость содержанія послѣдняго. Но для упрощенія мы предположимъ, что доля капитала всѣхъ видовъ ограничивается арендной платой, а стоимость обработки всецѣло составляетъ вознагражденіе только за личный трудъ крестьянина. Сравнивая обѣ цифры, мы составимъ себѣ понятіе, во первыхъ, о степени зависимости арендатора отъ землевладѣльца и, во вторыхъ, земледѣльческаго рабочаго—отъ крупнаго сельскаго хозяина. Принятый способъ сравненія не составляетъ какого либо апріорнаго построенія, а ежедневно практи-

куется въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ крестьянами и землевладѣльцами: при арендѣ земли по издѣльной системѣ. Обѣ стороны первоначально опредѣляютъ въ денежныхъ единицахъ цѣны аренды и работы, затѣмъ частное отъ дѣленія первой цѣны на послѣднюю даетъ цифру десятинъ землевладѣльческой запашки, которыя крестьянинъ обязуется обработать въ уплату за каждую десятину снятой земли. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, за каждую десятину снятаго поля или покоса крестьянинъ обработывалъ и убиралъ землевладѣльцу также только одну десятину; иными словами, доля каждаго составляла половину продукта. Мы уже знаемъ, что отношеніе это измѣнилось въ пользу землевладѣльца. Арендныя цѣны на землю въ черноземной нестепной полосѣ держатся обыкновенно около 15—30 руб. за одну десятину, очень рѣдко ниже; за обработку и уборку одной десятины платится отъ 5—9 руб.:—взявши отношеніе наименьшей арендной цѣны и наибольшей рабочей платы, мы увидимъ, что наименьшая норма прибавочной стоимости составитъ $\frac{15}{9} = 166\%$; среднее же отношеніе будетъ $\frac{15+30}{5+9}$ или свыше 300%. Это значитъ, что доля землевладѣльца составляетъ *не менѣе* пяти восьмыхъ, среднимъ же числомъ до *трехъ четвертей* продукта, а доля рабочаго *не болѣе* трехъ восьмыхъ, среднимъ же числомъ лишь около *одной четверти* продукта.

Если мы спросимъ теперь, какимъ путемъ совершилось это возрастаніе нормы прибавочной стоимости, то относительно аренды, по крайней мѣрѣ, мы должны будемъ признать, что оно произошло совершенно независимо отъ какого-бы-то ни было увеличенія производительности земледѣльческаго хозяйства; для этого, какъ мы знаемъ, у крестьянина не было никакихъ средствъ. Увеличеніе доли поземельнаго собственника явилось результатомъ простаго приращенія прибавочнаго труда (т. е. той его части, которую крестьянинъ обязанъ отдавать землевладѣльцу), безъ сокращенія необходимаго труда (т. е. той его части, которую крестьянинъ расходуетъ единственно на удовлетвореніе своихъ потребностей): прежде за каждую снятую десятину крестьянинъ обработывалъ только одну десятину землевладѣльческаго поля, теперь же землевладѣлецъ требуетъ, сверхъ того, еще какой-либо доплаты трудомъ, сѣменами или деньгами. Такимъ образомъ, для полученія прежняго количества продуктовъ, крестьянинъ обязанъ нынѣ вы-

полнить въ суммѣ большее количество труда, чѣмъ прежде; иными словами, это значитъ, что въ послѣднее время возрасла продолжительность крестьянскаго *рабочаго дня* [1]).

И такъ, наступившій послѣ реформы экономическій періодъ характеризуется повсемѣстнымъ удлиненіемъ рабочаго дня и увеличеніемъ прибавочной стоимости.

Слѣдовательно, наше народное хозяйство переживаетъ періодъ производства „абсолютной прибавочной стоимости". Отличительной чертой этого историческаго періода служитъ то, что техническіе способы производства остаются неизмѣнными, увеличивается только степень эксплоатаціи работника и мѣняются экономическія отношенія между общественными классами. Производство для собственнаго потребленія, или производство потребительныхъ стоимостей, уступаетъ мѣсто производству для обмѣна или производству мѣновыхъ стоимостей,—говоря короче, совершается переходъ отъ натуральной формы хозяйства къ денежной.

Крестьянская реформа, со времени которой начинается у насъ этотъ экономическій переворотъ, какъ извѣстно, нанесла сильный ударъ обоимъ классамъ, привыкшимъ вести натуральное хозяйство. Крестьянство, лишенное матеріальныхъ средствъ и несущее на своихъ плечахъ всю тяготу реформы, оказалось не въ силахъ взяться за созданіе новаго хозяйства на развалинахъ натуральнаго строя. Помѣстный классъ на недостатокъ средствъ пожаловаться не могъ, ибо вся реформа направлена была къ тому, чтобы доставить ему всѣ элементы, необходимые для правильнаго веденія крупнаго хозяйства: землю, — самую лучшую и въ размѣрахъ вполнѣ достаточныхъ, — денежный капиталъ и рабочія руки. Но, благодаря своему невѣжеству и совершенному непониманію условій хозяйства (при крѣпостномъ правѣ знаніе хозяйства для помѣщика было совершенно не нужно), весьма значительная часть

---

[1]) Въ категорическомъ смыслѣ, продолжительностью рабочаго дня называется не то число часовъ, въ теченіе которыхъ рабочій занятъ въ любой день недѣли, а общее количество труда, прилагаемаго работникомъ въ теченіе опредѣленнаго рабочаго сезона (мѣсяца, полугода, года), дѣленное на число рабочихъ дней. Съ этой точки зрѣнія, говорятъ о годовомъ рабочемъ днѣ, годовомъ рабочемъ часѣ и т. д., которые равны, положимъ, 12 час. $\times$ 300 или 1 ч. $\times$ 300 и т. д. Такое научное теоретическое выраженіе не чуждо и житейской практикѣ; напр. говорятъ, что учитель гимназіи получитъ такое-то жалованье за годовой учебный часъ и т. п.

помѣстнаго сословія не съумѣла воспользоваться преимуществами своего положенія. Задачу эту выполнили за нихъ лица другихъ сословій, представляющихъ собою денежный капиталъ: купцы и *разжившіеся крестьяне-кулаки*. Въ настоящее время, только въ меньшей части района выселеній помѣщичье землевладѣніе вполнѣ удержало за собою позицію, чаще-же рядомъ съ представителями помѣстнаго класса на земляхъ послѣдняго водворились купецъ и кулакъ, которымъ кое-гдѣ удалось уже окончательно вытѣснить дворянство изъ области землевладѣнія. Это вторженіе новыхъ элементовъ совершилось какъ путемъ пріобрѣтенія земель въ собственность, такъ и на началахъ крупной земельной аренды. При этомъ вообще наблюдается, что крупныя имѣнія обыкновенно переходятъ въ руки купцовъ, крестьяне же преимущественно являются покупателями среднихъ участковъ: начавши съ какихъ-нибудь 100—150 дес., купленныхъ вскорѣ послѣ реформы, они впослѣдствіи съумѣли удвоить размѣры своихъ владѣній, порою же стать обладателями огромныхъ имѣній, въ качествѣ арендаторовъ и даже на правахъ собственности.

Какіе же порядки водворили въ сельскомъ хозяйствѣ эти „новые люди"? Хищническій характеръ колупаевскаго и разуваевскаго хозяйства сталъ уже общимъ мѣстомъ въ нашей литературѣ. Я нисколько не думаю отрицать справедливость упрековъ, адресуемыхъ нашему купеческо-кулацкому землевладѣнію. Но, обращаясь къ свидѣтельству переселенцевъ, далеко не высказывающихъ симпатіи къ „новымъ людямъ" деревни, я тѣмъ не менѣе не нахожу почти никакихъ указаній на хищническій и разрушительный характеръ *современнаго* крупнаго недворянскаго землевладѣнія. Я не имѣю никакой причины не довѣрять единогласнымъ показаніямъ такихъ компетентныхъ свидѣтелей, какъ переселенцы; *постараюсь поэтому нарисовать на основаніи ихъ разсказовъ картину новыхъ порядковъ, заведенныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ купцами и кулаками.*

Если мы обратимся къ происхожденію новоявленныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то въ основѣ его мы, дѣйствительно, увидимъ хищничество. Типическимъ примѣромъ можетъ служить исторія одного разбогатѣвшаго крестьянина Сапожковскаго уѣзда: „въ родѣ какъ купецъ, — мужикъ, только капиталу у него больше, чѣмъ у купца", характеризовали его крестьяне. „Еще на нашихъ памятяхъ, разсказывали они, онъ былъ небогатымъ мужикомъ". Разжился онъ отъ сосѣдняго помѣщика, у котораго за безцѣнокъ

купилъ рощу на срубъ и „на копѣйкѣ—рубль нажилъ". Затѣмъ онъ сталъ брать на себя поставку шпалъ на строившуюся желѣзную дорогу, казенные подряды и т. п., и помаленьку, да полегоньку пошелъ въ гору. Въ настоящее время онъ арендуетъ 27 имѣній и держитъ 150 годовыхъ рабочихъ. Вотъ примѣръ кулака, поднявшагося изъ разрушенія и расхищенія матеріальныхъ элементовъ помѣщичьяго хозяйства. Но и здѣсь мы далеко не замѣчаемъ, чтобы единственную провиденціальную миссію новыхъ землевладѣльцевъ составляло одно только вандальское разрушеніе. Разуваевъ прежде всего человѣкъ разсчета; если онъ начинаетъ съ разрушенія, вырубаетъ лѣса и сады на свозъ, то потому только, что ему необходимо вернуть затраченный капиталъ и добыть средства для дальнѣйшихъ операцій. Пока это выгодно и необходимо, онъ ограничивается разрушеніемъ и сбытомъ уже существующаго и нетребующаго новыхъ затратъ. Но когда все то, что добыто дешевой цѣной, уже превращено въ деньги и доставило барышъ, сдѣлавшій небогатаго человѣка обладателемъ большихъ капиталовъ, тогда послѣдній получаетъ возможность приняться—и, дѣйствительно, принимается—за болѣе правильное хозяйство, требующее и большихъ затратъ, чѣмъ простое хищническое извлеченіе уже готоваго.

Разрушеніе составляетъ такимъ образомъ не *сущность* купеческо-кулацкаго землевладѣнія, а лишь одинъ его преходящій историческій моментъ, который въ районѣ выселеній большею частью уже миновалъ и стушевался въ представленіи крестьянъ предъ новыми, болѣе современными формами колупаевскаго режима.

Благодаря сильной нуждѣ крестьянъ въ землѣ, многіе землевладѣльцы изъ купцовъ и кулаковъ, прежде всего набросились на сдачу земли въ аренду крестьянамъ, какъ на самый выгодный и вѣрный источникъ дохода. Оставляя себѣ для домашняго обихода какихъ-либо 5—6 дес., съ которыми легко управляется одинъ работникъ,—всю остальную землю они раздаютъ по высокой цѣнѣ крестьянамъ, а жнивами и паровымъ полемъ пользуются для прогона гуртовъ, изъ чего также извлекаютъ нѣкоторую выгоду.

Таковъ первоначальный и простѣйшій способъ хозяйничанія купцовъ и кулаковъ на пріобрѣтенныхъ земляхъ. Но въ районѣ выселеній этотъ способъ въ настоящее время не представляется преобладающимъ. Не менѣе, если не болѣе распространенный способъ хозяйствованія представляется въ такомъ видѣ. Все имѣніе

раздѣляется на двѣ части: лучшую землю купецъ эксплоатируетъ въ собственномъ хозяйствѣ, на остальную же возлагается обязанность снабжать хозяйство рабочими руками; съ этою цѣлью, земли низшаго качества сдаются крестьянамъ изъ части продукта (подробнѣе о формахъ испольной аренды уже было сказано выше) или подъ работу; жнива, атава, выгонъ—тоже сдаются подъ отработку; даже потравы (совершенно неизбѣжныя при данномъ расположеніи земель) обращаются въ источники снабженія имѣній работниками. Наконецъ, купецъ или кулакъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи обязательный трудъ должниковъ, которымъ они еще съ зимы раздаютъ деньги или хлѣбъ. Есть имѣнія, обходящіяся обязательнымъ трудомъ подобныхъ должниковъ и мелкихъ арендаторовъ; но иные держатъ человѣкъ по 40—50, а иногда, какъ мы видѣли, и до 150 наемныхъ рабочихъ. Наконецъ, плохую или излишнюю землю, которая почему-либо не сдается ни по испольной, ни по издѣльной системѣ,—владѣльцы сдаютъ за наличныя деньги.

Мы видимъ изъ этого, что въ громадномъ большинствѣ новые землевладѣльцы, представители капитала въ земледѣліи, не внесли ничего новаго въ пріемы земледѣльческой культуры, которая осталась такою же, какою она была въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствахъ. Мало того, поля этихъ новыхъ землевладѣльцевъ-капиталистовъ обработываются большею частью крестьянскимъ инвентаремъ, и только въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ сравнительно большое число постоянныхъ рабочихъ. Такой культурный консерватизмъ нашего землевладѣльческаго капитала не можетъ, однако, приводить насъ въ изумленіе. Мы уже видѣли, что наше крупное земледѣльческое производство переживаетъ въ настоящее время періодъ производства абсолютной прибавочной стоимости; а сущность этого историческаго періода заключается не въ созданіи новыхъ пріемовъ культуры, а въ увеличеніи количества труда, выполняемаго крестьяниномъ на крупныхъ предпринимателей по прежнимъ способамъ производства. Естественно поэтому, что въ громадномъ большинствѣ операціи нашихъ представителей капитала должны были сосредоточиться на обработкѣ мужика, а не земли. Но тамъ, гдѣ соединились благопріятныя условія—въ видѣ обилія дешевой и плодородной земли, выгодныхъ цѣнъ на хлѣбъ, близости желѣзной дороги и, наконецъ, достаточнаго числа рабочихъ рукъ,—тамъ купеческій капиталъ съумѣлъ создать и крупное хо-

зяйство на западно-европейскій манеръ, съ наемными рабочими, собственнымъ инвентаремъ и даже магазинами.

Такое хозяйство мы находимъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губ., у купцовъ, которые арендуютъ въ казнѣ громадные участки земли и обработываютъ ихъ при помощи машинъ, для чего нанимаютъ опытныхъ рабочихъ въ Симбирской губ.; пробовали было нанимать мѣстныхъ крестьянъ, но, по неумѣнію обращаться съ магазинами, одному рабочему „машиной срѣзало бокъ“; съ тѣхъ поръ, во избѣжаніе повторенія несчастій, купцы предпочитаютъ нанимать рабочихъ на сторонѣ. Благодаря этому, множество мѣстныхъ крестьянъ лишилось заработка, а на ихъ мѣсто нанимаютъ гораздо меньше пришлыхъ рабочихъ; у нѣкоторыхъ купцовъ работаетъ по 30 косилокъ заразъ, за ними слѣдомъ идетъ 15 машинъ для сгребанія и ко всѣмъ этимъ машинамъ приставлено только 45 человѣкъ. Молотьба хлѣба также производится машиннымъ способомъ. Такихъ купеческихъ хозяйствъ, по словамъ переселенцевъ, въ окрестности много. Рядомъ съ этимъ процвѣтаніемъ крупнаго хозяйства, мы видимъ полный упадокъ крестьянскаго: неурожаи, дороговизну хлѣба, громадныя недоимки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашъ сатирикъ спрашивалъ Разуваева, на чемъ онъ основываетъ свои виды на будущее, подготовляя окончательное раззореніе своего кормильца и поильца — мужика.— „Йёнъ доста-анить!“ отвѣчалъ Разуваевъ, съ свойственной ему самоувѣренной безпечностью. Но, вѣдь, настанетъ когда-нибудь время, когда и „йёнъ“ не достанетъ! восклицалъ сатирикъ, съ искренней тревогой за участь крестьянина, и совѣтовалъ Разуваеву припомнить судьбу своего предшественника, отставного корнета Прогорѣлова. Что возразилъ бы на это Разуваевъ, еслибы читалъ то, что о немъ говорится въ печати,—неизвѣстно; но вотъ какъ онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ на практикѣ. Крестьяне нѣсколькихъ другихъ селеній того-же Бузулукскаго уѣзда передавали, что въ послѣднее время ближніе купцы стали неохотно сдавать землю крестьянамъ. Сосѣдній купецъ, и теперь уже имѣющій 1000 дес. собственной запашки, намѣренъ и всю остальную землю обработывать наемными рабочими и вовсе прекратить сдачу земли на аренду крестьянамъ; онъ утверждаетъ, что это ему будетъ выгоднѣе.

Итакъ, предсказаніе сатирика сбылось: крестьянство раззорено кругомъ, неурожаи слѣдуютъ за неурожаями, недоимки на кресть-

янахъ нерѣдко достигаютъ 70—80 и свыше 100 руб. на дворъ; множество крестьянъ, не находя своимъ силамъ приложенія въ собственномъ хозяйствѣ, уходитъ на заработки къ казакамъ. Словомъ, все, что можно было взять у крестьянина,—уже взято. Но когда стало очевидно, что теперь ужъ „пёнъ" не „достанетъ", въ то же время обнаружилось, что Разуваевъ найдетъ средство „достать" не менѣе прежняго, но только уже безъ помощи начисто обработаннаго мужика-хозяина, а при посредствѣ того же или иного мужика—въ роли наемнаго рабочаго. Здѣсь мы видимъ, какъ мелкая крестьянская культура начинаетъ вытѣсняться крупнымъ купеческимъ хозяйствомъ. И община наша не можетъ служить крестьянству оплотомъ въ этой борьбѣ съ капиталистическимъ земледѣліемъ: кромѣ общинныхъ надѣльныхъ земель, крестьяне эксплоатируютъ еще въ своемъ хозяйствѣ значительное пространство земель частнаго владѣнія; переходъ этихъ послѣднихъ изъ рукъ крестьянъ въ непосредственно хозяйственное распоряженіе крупныхъ землевладѣльцевъ не только съузитъ предѣлы распространенія крестьянской культуры, но неизбѣжно подорветъ и крестьянское хозяйство на надѣльной землѣ. Нѣчто подобное мы находимъ въ Сумскомъ у. Харьковской губ., гдѣ, благодаря господству подворнаго землевладѣнія,—вліяніе крупнаго хозяйства распространяется гораздо шире и обозначается рѣзче, чѣмъ въ районѣ общиннаго землевладѣнія. Обширныя купеческія свекловичныя плантаціи въ Сумскомъ у. захватываютъ всѣ свободныя земли, не оставляя крестьянамъ даже необходимыхъ пастбищъ; давленіе этихъ хозяйствъ такъ сильно ощущается крестьянами, что гонитъ на переселеніе даже *богатыхъ* крестьянъ, имѣющихъ по 1000 - 1500 руб. капиталу. Мелкое крестьянское хозяйство оттѣсняется здѣсь съ занимаемой ими территоріи болѣе интенсивнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, которое, по мѣрѣ своего распространенія, вынуждаетъ мелкаго производителя мало по малу уступать свою землю побѣдителю и удаляться съ арены борьбы.

Мы очертили формы купеческаго хозяйства въ мѣстахъ выселеній. Но, для полноты обзора, необходимо еще упомянуть о крупныхъ купеческихъ хозяйствахъ, возникшихъ внѣ предѣловъ переселенческаго района, но получающихъ изъ него рабочія руки. Подобныя купеческія хозяйства мы находимъ, напр., въ заволжскихъ степяхъ, гдѣ купцы арендуютъ обширные казенные оброч-

ные участки. У иныхъ бываетъ до 5,000 дес. одной запашки, которая обработывается большею частью трудомъ пришлыхъ наемныхъ рабочихъ, не входящихъ ни въ какія другія отношенія съ предпринимателями, кромѣ чисто денежныхъ. Операціи степныхъ арендаторовъ-купцовъ [1]) этимъ, впрочемъ, не ограничиваются: нѣкоторые участки они сдаютъ скотопромышленникамъ-гуртовщикамъ для пастьбы скота и выручаютъ на этомъ огромные барыши; мнѣ передавали такой примѣръ: купецъ арендовалъ у казны, за 1000 руб., участокъ въ 2800 дес. и передавалъ его гуртовщикамъ по 2 р за десятину,—барышъ составлялъ 460% годовыхъ!

Я остановился съ особеннымъ вниманіемъ на купеческомъ хозяйствѣ и выдѣлилъ его изъ другихъ формъ крупнаго хозяйства—потому, что оно, по моему мнѣнію, представляетъ собою не „фантазіи", а „дѣйствительность русскаго капитализма" въ земледѣліи. Относительно крупнаго помѣщичьяго хозяйства, у насъ существуетъ мнѣніе, что оно ведется съ чистымъ убыткомъ для помѣщиковъ и составляетъ плодъ ихъ неразсчетливаго сословнаго упрямства; но послѣднее, согласно тому же мнѣнію, въ концѣ концовъ все-таки должно будетъ сдаться предъ силою экономической необходимости, дѣлающей-де у насъ безвыгоднымъ веденіе крупнаго хозяйства, и крупное помѣщичье землевладѣніе волей-неволей вынуждено будетъ передать всю землю крестьянамъ, ограничиваясь полученіемъ ренты. Если возможны подобныя возраженія противъ факта существованія крупнаго помѣщичьяго хозяйства, то рѣшительно невозможно, по нашему мнѣнію, ссылаться на капризъ или „фантазіи", для объясненія купеческаго или кулацкаго земледѣльческаго хозяйства. Колупаевъ и Разуваевъ—менѣе всего люди каприза или фантазіи; наоборотъ, они олицетвореніе пословицы: „денежка счетъ любитъ". Если выгодно только разрушать, они разрушаютъ; выгоднѣе ограничиться ролью рантьера,—они довольствуются полученіемъ ренты, стараясь лишь о томъ, чтобы поднять ее выше всякой мѣры. Если же они употребляютъ всѣ средства и напрягаютъ всѣ силы, чтобы обезпечить себя рабочими для своей собственной запашки,—стало-быть, это выгоднѣе простой сдачи земли на аренду крестьянамъ. И при обработкѣ земли, купецъ руководится строгимъ разсчетомъ: онъ вездѣ эксплоатируетъ въ

---

[1]) Переселенцы Лукьяновскаго у. Нижег. губ., разсказывавшіе мнѣ объ нихъ, называли ихъ „камзарями".

собственномъ хозяйствѣ только лучшую землю; худшую же, которую невыгодно обработывать самому, онъ сдаетъ на разныхъ условіяхъ крестьянамъ. Такъ обращается онъ съ землею, арендуемою у помѣщиковъ или въ казнѣ; также точно поступаетъ и на собственной землѣ. Если, наконецъ, купецъ заводитъ машины, то это совсѣмъ не то же, что пресловутое „раціональное земледѣліе“ оскудѣвшихъ помѣщиковъ. Словомъ, тутъ всякая операція— дѣло строгаго и безошибочнаго денежнаго разсчета, а не „фантазіи“. Тѣмъ хуже, конечно, для крестьянина.

Обратимся теперь къ помѣщичьему хозяйству. Выше мы сказали, что во многихъ мѣстахъ дворянское сословіе сошло со сцены сельско-хозяйственнаго производства, частью вслѣдствіе перехода дворянскихъ имѣній въ хозяйственное распоряженіе другихъ сословій, съ сохраненіемъ, однако, юридическихъ правъ на землю за прежними владѣльцами, — частью же окончательно, съ переходомъ помѣщичьихъ имѣній въ собственность недворянскихъ сословій. Однако, такое окончательное исчезновеніе помѣщичьяго землевладѣнія замѣчается, покуда, только въ очень небольшой части района выселеній; большею частью помѣщичье землевладѣніе поддерживаетъ свое существованіе рядомъ съ крупнымъ недворянскимъ землевладѣніемъ; встрѣчается же не мало и такихъ мѣстностей, гдѣ и по настоящее время вся личная поземельная собственность сосредоточивается въ рукахъ владѣльцевъ изъ дворянъ. Если мы бросимъ взглядъ на способъ веденія хозяйства въ такихъ уцѣлѣвшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, то мы встрѣтимъ здѣсь тѣ-же пріемы, съ какими мы познакомились при обзорѣ купеческихъ и кулацкихъ хозяйствъ,—ту же сдачу земли изъ части или подъ работу, тотъ же кабальный трудъ, тѣ же взысканія за потравы деньгами или трудомъ и т. д. Тутъ, очевидно, совершился процессъ естественнаго подбора: выказавшіе недостаточно энергіи или способностей въ экономической борьбѣ за существованіе уступили мѣсто болѣе сильнымъ соперникамъ, остальные же приспособились къ новымъ условіямъ. Иные до того вошли во вкусъ этихъ послѣднихъ, что занялись даже раздачей хлѣба изъ процентовъ, т. е. проще говоря, сдѣлались деревенскими ростовщиками. Лучше всего устояли въ борьбѣ наиболѣе крупныя имѣнія: тамъ, гдѣ подъ руками нѣтъ недостатка въ свободныхъ рабочихъ, мы находимъ въ такихъ экономіяхъ и достаточный рабочій инвентарь, и развитое скотоводство. Намъ ука-

зывали въ Острогожскомъ у. (Воронежской губ.) на помѣщичье имѣніе, пространствомъ въ 15,000 дес. (съ лѣсомъ и покосами), въ которомъ воспитывается 15,000 шленскихъ овецъ, 300 лошадей и столько же коровъ; для работъ въ имѣніи, управленіе нанимаетъ 300 постоянныхъ годовыхъ рабочихъ, не считая временныхъ, подряжающихся изъ части продукта на различныя земледѣльческія и иныя хозяйственныя работы. Наемъ рабочаго персонала облегчается сосѣдствомъ большаго селенія (свыше 800 душъ), вышедшаго при освобожденіи на дарственный надѣлъ; разумѣется, въ этомъ селеніи — множество крестьянъ, ликвидировавшихъ собственное хозяйство и живущихъ по батракамъ въ крупныхъ экономіяхъ. Такое же помѣщичье хозяйство мнѣ извѣстно и въ нечерноземной полосѣ; въ Муромскомъ у. (Владимірской губ.) мнѣ называли имѣніе, въ которомъ крестьянамъ не сдается ни одного клочка земли, а вся земля эксплоатируется самимъ владѣльцемъ. „Они могутъ пахать, — отзывались крестьяне объ этомъ имѣніи, — навозъ хорошій валятъ (владѣлецъ гоняетъ гурты изъ Сибири), быковъ кормятъ колобомъ [1]): отъ него навозъ, какъ клей“. Примѣръ этотъ показываетъ, какъ, при благопріятныхъ условіяхъ и раціональномъ веденіи дѣла, крупное хозяйство одерживаетъ верхъ надъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ и вытѣсняетъ послѣднее съ занимаемой имъ территоріи. Такое необходимое условіе — обиліе дешевыхъ рабочихъ рукъ, которыхъ, въ нашемъ примѣрѣ, болѣе чѣмъ достаточно, благодаря большому числу раззоренныхъ безлошадныхъ дворовъ и упадку крестьянскихъ промысловъ.

Отъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства намъ предстоитъ перейти къ тѣмъ формамъ мелкаго, которыя принимаютъ участіе въ эксплоатаціи крестьянскаго труда. Мы здѣсь встрѣчаемъ тѣ же два основные вида эксплоатаціи, съ которыми мы познакомились при обзорѣ крупнаго хозяйства. Сильная крестьянская нужда въ землѣ выдвинула особый типъ посредниковъ между землевладѣльцами или крупными арендаторами и мелкими съемщиками-крестьянами. Это — богатый мужикъ, снимающій, по сравнительно недорогой цѣнѣ, среднихъ размѣровъ участокъ у помѣщика или у купца и пересдающій его по мелочамъ нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Переходя черезъ руки двухъ посредниковъ, земля, разумѣется, достается мелкому съемщику по неимовѣрно высокой

---

1) Льняной сбоиной.

цѣнѣ, едва-ли не большая часть которой по пути прилипаетъ къ рукамъ посредниковъ. Эта форма эксплоатаціи не посягаетъ, однако, на хозяйственную самостоятельность мужика. Но существуетъ еще весьма распространенная форма мелкаго крестьянскаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ. Я говорю о казакахъ, къ которымъ ежегодно уходитъ на работу множество крестьянъ черноземной полосы, живущихъ иногда на разстояніи 1000 верстъ отъ казачьихъ поселеній. Недостатокъ работы на родинѣ и низкія цѣны на трудъ гонятъ къ казакамъ мѣстами чуть не цѣлыя селенія. Но, хотя вознагражденіе за трудъ у казаковъ въ настоящее время гораздо выше чѣмъ въ черноземной полосѣ, тѣмъ не менѣе принципъ казачьяго хозяйства отъ этого нисколько не измѣняется. Мы видимъ здѣсь какую-то аристократическую крестьянскую общину, власть которой простирается далеко за предѣлы собственной ея территоріи. Крайне характерно здѣсь то, что какъ казаки хозяева, такъ и ихъ наемные работники-крестьяне, владѣютъ землей на общинномъ началѣ. Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе, при наличности извѣстныхъ условій, ни мало не препятствуетъ созданію привиллегированнаго положенія для однихъ общинъ, предоставляющаго имъ возможность эксплоатировать трудъ другихъ общинъ, менѣе выгодно поставленныхъ, притомъ расположенныхъ на очень далекомъ разстояніи. Этотъ особый, многознаменательный видъ эксплоатаціи — эксплоатація общинъ одной территоріи общинами другой, отдаленной области,—заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ эксплоатація мелкаго крестьянскаго хозяйства сосѣднимъ крупнымъ землевладѣніемъ и земледѣльческимъ хозяйствомъ. Таковы послѣдствія, къ которымъ приводитъ обезпеченное положеніе одной группы крестьянства среди царящей кругомъ крестьянской бѣдноты. Если-бы крестьянинъ черноземной полосы не былъ вынужденъ нести свой трудъ на продажу за сотни верстъ отъ своего жилища, тогда недостатокъ рабочихъ рукъ въ казачьихъ поселеніяхъ выработалъ-бы, вѣроятно, иныя, болѣе справедливыя формы ассоціаціи между казачествомъ и крестьянами другихъ областей; или, быть можетъ, на выручку явились-бы машины для уборки травы и хлѣба, а съ машинами— неизбѣжно возникли-бы болѣе совершенныя формы общиннаго труда внутри казачьихъ общинъ. Но крупное неравенство владѣнія между казаками и крестьянами черноземной полосы, не смотря на отдаленность разстоянія, проникаетъ во всѣ ихъ между-общинныя

и внутрь-общинныя отношенія и ставитъ населеніе цѣлой области въ положеніе „богачей—пановъ“, которые „сами не работаютъ, все людьски работаютъ“.

Этимъ мы закончимъ обзоръ частнаго, основаннаго на чужомъ трудѣ, земледѣльческаго хозяйства въ *черноземной и центральной промышленной полосахъ.* Почвенныя условія Сѣвера, отдаленность его отъ торговыхъ и политическихъ центровъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія—были причиною того, что на Сѣверѣ исторически не привилось крупное землевладѣніе и крупное земледѣліе. Личная поземельная собственность попадается въ большей части сѣверной полосы лишь въ видѣ небольшихъ оазисовъ, совершенно теряющихся въ массѣ государственныхъ, удѣльныхъ и крестьянскихъ земель. Исключеніе составляетъ только Пермская губернія, въ которой мы находимъ громадныя вотчины личныхъ землевладѣльцевъ. Но и туда, съ самыхъ первыхъ временъ знакомства русскихъ съ этимъ краемъ до нашего времени, привлекали собственниковъ не сельско-хозяйственныя выгоды, а богатство этой области дорогими мѣхами, впослѣдствіи-же начавшаяся разработка металловъ [1]), которая передъ реформой занимала рабочія руки цѣлой трети крестьянскаго населенія губерніи [2]). Но знакомство съ этой формой крупнаго капитала уже выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія, обнимающаго мѣстность чисто земледѣльческую, жители которой стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ горно-заводской промышленности. Исконное же горнозаводское населеніе Пермской и Вятской губ. принимаетъ въ переселеніяхъ крайне ничтожное участіе.

Единственная форма капитала, утвердившаяся на земледѣльческомъ сѣверѣ—это капиталъ скупщика и ростовщика. Но это

[1]) Въ крупныхъ вотчинахъ Пермской губ. сельское хозяйство играетъ подчиненную роль, служа главнымъ образомъ нуждамъ принадлежащихъ тѣмъ-же владѣльцамъ горныхъ заводовъ. Сообразно съ этимъ, въ такихъ вотчинахъ не ведется никакого собственно земледѣльческаго хозяйства; главная масса земель находится подъ лѣсомъ, свободные же отъ лѣсныхъ насажденій участки сдаются въ аренду крестьянамъ. Но управленіе громадныхъ Строгоновскихъ вотчинъ, увлеченное идеями правильнаго лѣсоразведенія, въ послѣднее время прекратило сдачу земли сосѣднимъ крестьянамъ, чѣмъ, разумѣется, причинило большой ущербъ ихъ хозяйству.

[2]) Сравн. Стат. Янсона, т. II, стр. 118—119. Приводимыя здѣсь цифры, заимствованныя изъ оффиціальныхъ документовъ по надѣленію крестьянъ землею, относятся ко времени X ревизіи, т. е. къ 1858 году.

не мѣстная, а общерусская разновидность капитала, играющая весьма замѣтную роль въ нашей жизни. Въ черноземной деревнѣ ростовщиками являются всѣ представители земледѣльческаго капитала: помѣщики, купцы, кулаки. Ростовщичество встрѣчается здѣсь обыкновенно въ соединеніи съ другими земледѣльческими операціями около мужика. Въ нечерноземной полосѣ, гдѣ земледѣліе не доставляетъ особенныхъ выгодъ, ростовщикъ и скупщикъ выступаютъ въ чистомъ видѣ, скупая произведенія крестьянскихъ промысловъ и земледѣлія и ссужая, за приличные проценты, тѣхъ же крестьянъ въ минуту нужды скупленнымъ хлѣбомъ или деньгами.

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о крупномъ промышленномъ капиталѣ, поскольку вліяніе его выразилось въ крестьянскихъ переселеніяхъ. Дѣйствительность показываетъ, что современное положеніе крестьянскаго населенія гарантируетъ промышленному капиталу возможность постоянно имѣть на-готовѣ необходимый контингентъ рабочихъ рукъ. Гдѣ только открывается какое-либо крупное промышленное заведеніе—фабрика или каменноугольная шахта,—вездѣ оно привлекаетъ множество рабочихъ всякаго возраста (не исключая и дѣтей) не только зимою, но и въ лѣтнюю рабочую пору. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, крупный промышленный капиталъ дѣйствуетъ явно разлагающимъ образомъ на крестьянское хозяйство, крестьянинъ же слишкомъ слабъ, чтобы противостоять этому вліянію; нужда заставляетъ его брать предлагаемый заработокъ и бросать необезпечивающую насущныхъ потребностей землю. Даже въ томъ случаѣ, когда не представляется необходимости въ окончательной ликвидаціи хозяйства (когда въ семьѣ нѣсколько взрослыхъ работниковъ), крупная промышленность все-таки отнимаетъ работника у земли. Прибавимъ къ этому, что вліяніе промышленнаго капитала не ограничивается однимъ только мѣстнымъ населеніемъ; наоборотъ, большія капиталистическія предпріятія притягиваютъ массу рабочихъ нерѣдко изъ весьма отдаленныхъ пунктовъ; напр. въ Ростовскихъ каменноугольныхъ шахтахъ работаетъ много крестьянъ Моршанскаго у. (Тамбовской губ.), въ числѣ рабочихъ на торфяникахъ Владимірской губ. встрѣчаются крестьяне Рязанской губерніи и т. п. Наши представители капитала знаютъ могущественные факторы, которые гонятъ крестьянъ на заработки, и прекрасно умѣютъ пользоваться крестьянскимъ безденежьемъ, закабаляя себѣ рабочихъ путемъ задатковъ на уплату податей. Однако,—насколько о томъ

позволяютъ судить показанія переселенцевъ,—вліяніе на экономическую жизнь черноземной полосы крупнаго промышленнаго капитала, несмотря на отдѣльныя его завоеванія, въ общемъ оказывается весьма незначительнымъ.

IX.

Если мы пожелаемъ объяснить себѣ, на основаніи предыдущаго, причины переселеній изъ зауральской черноземной полосы, т. е. изъ зауральскихъ частей Пермской и Оренбургской губерній и южныхъ уѣздовъ Тобольской, то мы придемъ въ немалое недоумѣніе. Весьма существенныя преимущества экономическаго быта зауральскаго крестьянина, по сравненію съ его сосѣдомъ по сю сторону Уральскаго хребта, бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ на зауральскихъ переселенцевъ. Прочная, крытая просмоленнымъ холстомъ или листовымъ желѣзомъ кибитка Тобольскаго или Пермскаго крестьянина сразу выдѣляется въ массѣ худыхъ телѣженокъ большинства переселенцевъ изъ Европейской Россіи; у Зауральскихъ переселенцевъ и лошадей больше, и въ повозкахъ просторнѣе, чѣмъ у Европейскихъ. Въ противоположность послѣднимъ, вы никогда не встрѣтите среди зауральскихъ переселенцевъ такихъ, которые побирались бы Христовымъ именемъ. Таково первое впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ видомъ переселенца изъ зауральскаго края.

Знакомясь съ хозяйственнымъ бытомъ крестьянъ въ мѣстахъ выселенія, мы снова натыкаемся на противорѣчіе съ тѣмъ, что мы видѣли въ Европейской Россіи. Основной мотивъ крестьянскихъ жалобъ въ Европейской Россіи—малоземелье,—здѣсь, по-видимому, не можетъ имѣть мѣста. Еще очень недавно, вся изслѣдуемая окраина своимъ земельнымъ просторомъ сама привлекла къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ россійскихъ губерній. Средній надѣлъ, находящійся въ пользованіи крестьянъ Шадринскаго уѣз. Пермской губ., по земскимъ свѣдѣніямъ, превышаетъ 8 дес. удобной земли на рев. душу, мѣстами же, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ и по показаніямъ самихъ переселенцевъ, достигаетъ 12 дес. на рев. душу; сверхъ того, въ уѣздѣ находятся значительныя про-

странства казенныхъ земель и лѣсовъ [1]). Еще обширнѣе надѣлы въ Оренбургской и особенно въ Тобольской губ.: такъ, въ Ишимскомъ округѣ, переселенцевъ выдѣляютъ изъ себя селенія съ надѣломъ въ 21—25 дес. на рев. душу; иногда же и такія, въ которыхъ удержалось еще неограниченное захватное землепользованіе безъ раздѣла земли между однообщественниками: „паши, гдѣ хочешь". Наконецъ, въ обѣихъ губерніяхъ большія площади удобной земли и лѣса принадлежатъ государству. Тѣмъ не менѣе, и въ этой полосѣ раздаются тѣ же жалобы на то, что „жить тѣсно стало". Объясненія этому, на первый взглядъ, странному явленію слѣдуетъ искать въ хозяйственномъ распредѣленіи крестьянскихъ земель въ изслѣдуемой полосѣ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія, что, при большихъ абсолютныхъ размѣрахъ крестьянскихъ владѣній, собственно подъ пахатными землями эксплоатируется небольшая часть надѣла: отъ 3—6 дес. на душу. Въ этомъ отношеніи зауральская черноземная полоса представляетъ прямую противоположность средней черноземной полосѣ Европейской Россіи, гдѣ, какъ мы видѣли, пашня преобладаетъ въ площади крестьянскихъ надѣловъ. Далѣе, въ изслѣдуемыхъ окраинахъ Пермской и Оренбургской губ. лишь меньшая часть крестьянъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточныя пространства луговой земли, дозволяющія продовольствовать скотъ сѣномъ,—объ излишкахъ и говорить нечего: сбывать сѣно на продажу, безъ ущерба для собственнаго скотоводства, въ состояніи только весьма незначительное меньшинство. Большинство же и здѣсь испытываетъ недостатокъ въ сѣнѣ, которое, какъ и въ Европейской Россіи, замѣняется соломой. Въ тоже время, напр. въ Шадринскомъ уѣздѣ, въ мѣстахъ выселенія нѣтъ особыхъ выгоновъ или вовсе, или же имѣются небольшіе и плохенькіе выпуски для скота. Далѣе, зауральскими крестьянами, также какъ и ихъ европейскими сосѣдями, ощущается сильная нужда въ лѣсѣ, котораго въ настоящее время большею частью или вовсе не имѣется въ надѣлѣ, или осталось очень немного. Это въ равной мѣрѣ относится и къ Тобольской губ., гдѣ также раздаются жалобы на изчезновеніе лѣсовъ. Значительно лучшія условія находимъ въ этой губерніи, по сравненію съ остальною частью из-

[1]) Сборникъ Пермскаго земства, 1880, II: Матеріалы для сельско-хозяйственной статистики Пермской губ., стр. 6—9.

слѣдуемой полосы, въ отношеніи пространства крестьянскихъ луговъ и пастбищъ. „Поскотина“ (выгонъ для скота) тянется здѣсь обыкновенно на нѣсколько верстъ вокругъ селенья и занимаетъ весьма значительную часть надѣла. Но какъ здѣсь, такъ и въ остальной части зауральской полосы, мы должны отмѣтить, какъ общее явленіе, большой процентъ въ надѣлѣ „неудобныхъ“ земель, или, правильнѣе говоря, земель, считающихся здѣсь неудобными. Особенно много такихъ земель въ Тобольской губ., гдѣ, наприм., встрѣчаются надѣлы въ 25 дес. и выше на душу, изъ которыхъ едва ли не большая часть относится крестьянами къ разряду неудобныхъ земель.

Всѣ эти черты рисуютъ намъ картину крайне экстенсивной земледѣльческой культуры. Только небольшая часть всей земельной площади признается здѣсь годною для хлѣбопашества; остальная часть, за вычетомъ изъ нея другихъ хозяйственныхъ угодій, считается для хлѣбопашества неудобной, и въ дѣйствительности становится такою при общеупотребительныхъ здѣсь способахъ хозяйства. Въ Тобольской губ. мы находимъ еще мѣстность съ исключительно залежнымъ хозяйствомъ. Въ Готопуповской вол. Ишимскаго округа, по снятіи съ участка двухъ урожаевъ, его бросаютъ лѣтъ на пятнадцать. Тѣмъ не менѣе, въ распоряженіи крестьянъ имѣется еще столько земли, что ее еще не дѣлятъ, а пользуются ею на захватномъ правѣ. Объ удобреніи земли, разумѣется, и говорить нечего: почва здѣсь, по словамъ крестьянъ, черноземная и „не примаетъ назьму“. Въ то же время, по ихъ увѣренію, въ надѣлѣ очень много „неудобной“ земли — „дикаго мѣста“, на которомъ ни сѣять, ни косить нельзя. Если и исключить отсюда болота и низкія мѣста, то все же очевидно, что въ надѣлѣ должно находиться не мало и удобныхъ земель и что большая часть „неудобныхъ“ земель можетъ считаться такою—только при господствующей здѣсь крайне экстенсивной системѣ хозяйства. Далѣе, въ томъ же Ишимскомъ округѣ, мы находимъ селенія, еще недавно впервые приступившія къ дѣлежу земли; очевидно, ранѣе и здѣсь практиковались хозяйственные порядки, подобные только что описаннымъ. Въ другихъ мѣстахъ выселеній въ той-же губерніи, вездѣ уже находимъ болѣе или менѣе развитую трехпольную систему, но безъ удобренія земли. Та же форма трехпольнаго хозяйства еще недавно господствовала и въ Шадринскомъ уѣз. Пермской губ. [1]).

[1]) „Перм. Сб.“, l. c. стр. 44.

Однако, въ послѣдніе годы въ хозяйственныхъ условіяхъ края замѣчается весьма серьезная перемѣна. Нѣтъ уже болѣе былаго простора для экстенсивной культуры; вести земледѣльческое хозяйство на прежній манеръ становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Крестьяне одной изъ наиболѣе многоземельныхъ волостей Ишимскаго округа—Готопуповской жалуются на недостатокъ удобныхъ мѣстъ для залежнаго хозяйства—по здѣшнему „залоговъ"; внутри общины возникаютъ споры изъ-за удобной земли, которые неминуемо поведутъ къ дѣлежу ея между общинниками. Въ другихъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, конецъ прежнему вольному, ничѣмъ неограниченному землепользованію уже наступилъ въ болѣе или менѣе близкое къ намъ время. То же самое мы замѣчаемъ въ Оренбургской и Пермской губ. Крестьяне Шадринскаго у., еще въ началѣ 70-хъ гг. практиковавшіе трехпольное хозяйство безъ удобренія и находившіе, подобно Тобольскимъ крестьянамъ, что ихъ черноземная почва „не принимаетъ" удобренія,—рядомъ неурожаевъ должны были убѣдиться въ несостоятельности своихъ культурныхъ пріемовъ; въ настоящее время, во всемъ районѣ выселеній удобреніе земли уже вошло во всеобщее употребленіе. Разумѣется, переходъ этотъ совершился не сразу, а постепенно: крестьяне упорно держались за свою систему хозяйства и, покуда можно было, распространяли ее въ ширь, насчетъ распашки луговъ, выгоновъ и пустошей изъ-подъ лѣса, которымъ не давали вновь покрываться порослью. Этимъ объясняются жалобы на недостатокъ угодій для скотоводства; та же причина содѣйствовала здѣсь скорѣйшему изчезновенію крестьянскихъ лѣсовъ.

Въ ряду причинъ, которыми объясняется переходъ въ изслѣдуемой полосѣ отъ прежнихъ способовъ хозяйства къ болѣе интенсивнымъ,—кромѣ естественнаго роста населенія, необходимо отмѣтить вліяніе искусственныхъ воздѣйствій извнѣ. Я говорю о государственной регламентаціи крестьянскаго землепользованія, выразившейся въ отводѣ надѣловъ и выдѣленіи занадѣльныхъ земель въ казну. Эти мѣры ускорили кризисъ экстенсивнаго хозяйства въ Пермской губ. и, безъ сомнѣнія, къ тѣмъ же результатамъ приведутъ и въ Тобольской, гдѣ еще только приводятся въ исполненіе въ настоящее время. Наконецъ, съ дальнѣйшимъ заселеніемъ края новыми переселенцами, увеличивается „тѣснота", которую, рано или поздно, должны были бы почувствовать коренные жители

и болѣе ранніе колонисты, вслѣдствіе увеличенія населенія есте ственнымъ путемъ. Въ Тобольской губ. дѣло осложняется еще ненормальной постановкой колонизаціи. Главный контингентъ новыхъ жителей губерніи доставляется подневольными переселенцами:—ссыльными, людьми, въ громадномъ большинствѣ, деморализованными, неспособными къ правильному труду и притомъ лишенными необходимыхъ для него средствъ. Отсюда неслыханное нигдѣ въ другихъ мѣстахъ развитіе воровства, которое выставляется старинными жителями, какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ, вынуждающихъ ихъ самихъ переселяться [1]).

При данномъ состояніи крестьянской общины въ зауральскомъ краѣ, имущественныя неравенства должны были существовать въ ней и ранѣе, въ цвѣтущій періодъ вольной крестьянской культуры. Понятно, что необходимость перехода къ болѣе интенсивнымъ способамъ обработки земли, требующимъ приложенія большихъ усилій, неодинаково отразилась на всѣхъ деревенскихъ жителяхъ зауралья. Болѣе всѣхъ пострадали, конечно, слабѣйшіе члены общины; для этихъ послѣднихъ переходный періодъ сказался казенными недоимками, частными долгами ростовщикамъ или кабальными условіями труда,—вообще разными видами экономической зависимости, порой же болѣе или менѣе продолжительной временной ликвидаціей самостоятельнаго хозяйства; словомъ, тѣми же явленіями, которыя такъ знакомы намъ въ жизни крестьянъ Европейской Россіи. Разумѣется, рядомъ съ этимъ, на другомъ полюсѣ, должно было идти обогащеніе немногихъ сильнѣйшихъ членовъ общины. Все это далеко не такъ еще обострилось, какъ въ Европейской Россіи, и имѣетъ скорѣе спорадическій характеръ, но важенъ уже самый фактъ возникновенія подобныхъ отношеній въ быту зауральскаго крестьянства. Если преобладающему большинству послѣдняго еще не приходится испытывать на себѣ всю тягость этихъ печальныхъ явленій, то всеже средній крестьянинъ не можетъ не видѣть въ нихъ весьма серьезной угрозы собственному своему благосостоянію въ будущемъ. Прибавимъ къ этому постоянно увеличивающуюся общую „тѣсноту" и возникающую съ нею борьбу за землю внутри общины: многоземельные стремятся

---

[1]) На эту причину указываетъ г. Ядринцевъ („Судьба русскихъ переселеній за Уралъ", „Отеч. Зап.", 1879, VI, стр. 147). Мнѣ лично привелось слышать то же самое изъ устъ Тобольскихъ переселенцевъ.

удержать за собою землю на возможно болѣе продолжительное время, малоземельные, наоборотъ, требуютъ себѣ прибавки земли. Въ результатѣ,—опасеніе со стороны первыхъ лишиться, при ближайшемъ передѣлѣ, болѣе или менѣе значительной части своей земли, что вынудитъ ихъ сократить свое хозяйство въ ширину или возвысить его интенсивность, для чего, въ свою очередь, требуются новыя затраты; для малоземельныхъ же — невозможность привести свое хозяйство въ соотвѣтствіе съ возросшими потребностями и рабочими силами и неувѣренность, что такая возможность наступитъ въ близкомъ будущемъ. Выходъ изъ этого положенія какъ тѣмъ, такъ и другимъ, представляется въ переселеніи. Тягость новыхъ условій должна ощущаться особенно живо старинными колонистами, которые помнятъ еще времена прежняго приволья и простора. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что они выдѣляютъ изъ своей среды особый, весьма замѣчательный типъ — переселенцевъ, можно сказать, піонеровъ русской колонизаціи. Это люди, пришедшіе въ зауральскій край лѣтъ 30—40 тому назадъ, иногда по собственной инициативѣ, преимущественно же по вызову правительства, и пользовавшіеся на первыхъ порахъ самымъ широкимъ государственнымъ покровительствомъ. Теперь это большею частью уже старики, но тѣмъ не менѣе въ нихъ не угасла еще искра предпріимчивости, заставившая ихъ много лѣтъ тому назадъ бросить свою родину и пуститься въ поиски за лучшей долей на далекой чужбинѣ. Этотъ присущій имъ духъ предпріимчивости и инициативы не допускаетъ въ нихъ пассивнаго отношенія къ угрожающей имъ вновь опасности лишиться добытыхъ тяжелымъ трудомъ болѣе или менѣе сносныхъ условій существованія. Усвоенная въ теченіе всей жизни привычка къ веденію исключительно экстенсивнаго хозяйства—направляетъ ихъ взоры туда, гдѣ можно было бы невозбранно осуществлять тотъ хозяйственный идеалъ, поиски которыхъ загнали ихъ за Уралъ,—гдѣ можно было бы „пахать гдѣ хочешь, косить сколько хочешь“. Все это,— и пашни, и луга, и лѣса,—въ изобиліи имѣется тамъ, глубже въ Сибири,—на Алтаѣ, въ киргизской степи: земли тамъ паши, сколько хочешь—хоть 100, хоть 200 дес., луга и лѣса не мѣряны. Туда и направляются сами переселенцы или передовые отряды ихъ развѣдчиковъ. Мы видимъ, напр., Ишимскихъ крестьянъ въ роли ходоковъ въ долинахъ Семипалатинской области, въ Петропавловскѣ, Кокчетавѣ и проч. Поговорите съ ними, и вы услы-

шите, что не голодъ ихъ выгналъ на поиски новыхъ земель—хлѣбъ у нихъ и на родинѣ былъ [1]),—а желаніе обезпечить себя отъ нужды въ будущемъ: „рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ,—гдѣ лучше“, мотивируютъ они свое рѣшеніе. И мѣста-то они стремятся выбирать такія, гдѣ ранѣе ихъ никто еще не занимался земледѣліемъ, гдѣ, стало быть, для земледѣльца открытъ еще полный, ничѣмъ неограниченный просторъ. Отсюда—стремленіе напр. ишимскихъ крестьянъ въ киргизскую степь и ходатайства ихъ по этому предмету предъ высшей администраціей края.

Сравнивая крестьянскія переселенія изъ Европейской Россіи съ переселеніями изъ Зауральской полосы, мы видимъ, что, въ противоположность первымъ, послѣднія составляютъ вполнѣ нормальный исходъ изъ условій, также по существу вполнѣ нормальныхъ и естественно неизбѣжныхъ. Для всякой земледѣльческой мѣстности, рано или поздно, съ размноженіемъ населенія, наступаетъ моментъ, дѣлающій необходимымъ переходъ отъ болѣе легкихъ формъ хозяйства, требующихъ меньшаго приложенія труда, а стало быть, болѣе выгодныхъ,—къ болѣе сложнымъ и менѣе выгоднымъ способамъ хозяйства. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, переселенія составляютъ вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства. Невозможность удерживать ихъ долѣе на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться далѣе, въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры. Такимъ образомъ, если для россійскаго крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія,—въ переселеніяхъ изъ Зауральской полосы мы видимъ, напротивъ, проявленіе подмѣченнаго изслѣдователями общаго закона народнаго разселенія [2]). По мѣрѣ размноженія населенія и прилива новыхъ переселенцевъ, старые колонисты и коренные жители отодвигаются дальше, такъ

---

[1]) Считаю не обходимымъ напомнить, что настоящее изслѣдованіе относится къ лѣту 1882 года, слѣдовавшему за цѣлымъ рядомъ хорошихъ урожаевъ предшествовавшихъ десяти лѣтъ. Нынѣшній (1883) годъ былъ исключительно неблагопріятенъ для всего зауральскаго края; такого года жители уже болѣе десяти лѣтъ не запомнятъ.

[2]) См. „Переселенія крестьянъ Вятской губ.“ Романова, стр. 127, 137; „Судьба русск. пересел. за Уралъ“, Ядринцева, стран. 145—146.

что, по удачному выраженію г. Ядринцева, здѣсь одна переселенческая волна вытѣсняетъ другую [1]).

На этомъ мы покончимъ съ переселеніями изъ Зауральскаго края. Болѣе обстоятельное знакомство съ послѣдними выходитъ за предѣлы настоящей статьи, гдѣ мы поставили себѣ задачей, по мѣрѣ силъ и возможности, выяснить смыслъ переселенческаго движенія, охватившаго въ послѣдніе годы крестьянство внутреннихъ губерній Россіи.

X.

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, какія причины вызвали разсматриваемое нами переселенческое движеніе среди крестьянскаго населенія Европейской Россіи. Но для насъ все-таки остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ, почему именно въ послѣдніе годы движеніе получило такой массовый характеръ. Отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на однѣ только экономическія причины, мнѣ

---

[1]) Въ настоящей главѣ мы сдѣлали попытку уясненія причинъ крестьянскихъ переселеній изъ той многоземельной полосы, которая сама еще въ недавнее время служила цѣлью крестьянскихъ переселеній изъ внутреннихъ губерній Россіи. Я не включилъ сюда, однако, сосѣдней Уфимской губ., не смотря на то, что переселенія въ эту губернію были, повидимому, ничуть не слабѣе, чѣмъ въ Оренбургскую: изъ Вятской губ., напр. въ теченіе 1865—1878 гг. перечислено въ Уфимскую 5,925 рев. душъ, а въ Оренбургскую съ 1859—1878 только 671 рев. душа. (Романовъ, l. c., прил., стр. 106—107). Тѣмъ не менѣе, Уфимская губернія по характеру и причинамъ направленныхъ изъ нея выселеній отнесена мною въ одну группу съ прочими губерніями Европейской Россіи. Уфимскіе переселенцы, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, принадлежали или къ разряду бывшихъ крѣпостныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, надѣленныхъ на общемъ основаніи съ жителями другихъ губерній:—само собою разумѣется, что и экономическія послѣдствія не могли не получиться тѣ же въ Уфимской, что и въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Кромѣ этихъ, были еще переселенцы изъ числа пришлаго земледѣльческаго населенія губерніи, явившагося сюда изъ другихъ губерній. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на этихъ послѣднихъ переселенцевъ, легко было замѣтить, что это не тѣ піонеры колонизаціи, какихъ мы встрѣчаемъ среди переселенцевъ изъ Зауральской полосы. Тамъ люди идутъ не отъ фактической нужды, а изъ опасенія нужды въ будущемъ; тамъ идутъ все самостоятельные хозяева, полноправные, нерѣдко привиллегированные общинники, владѣющіе порою совершенно неограниченнымъ пространствомъ земли. Здѣсь же на переселеніе рѣшились люди, не имѣвшіе ни клочка собственной

кажется, будетъ весьма неточно. Насколько о томъ позволяютъ судить имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя, важную роль здѣсь играетъ еще факторъ, если можно такъ выразиться, народно-психологическій. Немыслимо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы движеніе, сдѣлавшееся злобой дня для населенія двухъ десятковъ губерній,— чтобы такое массовое движеніе совершалось безъ всякаго участія народнаго сознанія. Уже тотъ фактъ, что разсматриваемое нами народное движеніе возникло внезапно и сразу втянуло въ себя десятки тысячъ крестьянъ,—въ то время какъ прежде требовались цѣлыя десятилѣтія, чтобы передвинуть такія массы народа,—уже одно это заставляетъ предположить, что въ основѣ движенія непремѣнно долженъ лежать какой-либо общій переворотъ во взглядахъ крестьянской массы на условія окружающей жизни. Что это не апріористическое предположеніе, легко убѣдиться, прислушавшись (именно только прислушавшись) къ разсказамъ переселенцевъ.

Мы видѣли, что реформы 1861 и 1866 гг. въ бытѣ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ оставили крестьянскій вопросъ неразрѣшеннымъ и во многихъ отношеніяхъ

земли и вынужденные вести хозяйство на арендной землѣ. Это—представители того необезпеченнаго безземельнаго пролетаріата, который создался на мѣстахъ колонизаціи, благодаря ненормальной постановкѣ переселенческаго дѣла и знаменитому, въ исторіи минувшаго десятилѣтія, расхищенію земель въ восточныхъ губерніяхъ. Переселенцы послѣдней категоріи, которыхъ мнѣ привелось видѣть, явились въ Уфимскую губернію въ промежутокъ съ 1874—1876 гг., т. е. именно въ самый разгаръ „хищеній". Прибывшіе ранѣе переселенцы пріобрѣтали землю у башкиръ „въ вѣчность", т.е. въ собственность, по 3 руб. за дес. Но съ появленіемъ въ краѣ новоиспеченныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, цѣны на землю неимовѣрно возросли и, благодаря продолжающемуся притоку новыхъ переселенцевъ, съ каждымъ годомъ еще болѣе возвышаются: въ настоящее время та-же десятина сдается въ аренду по 3—5 руб. только на одинъ годъ; покупка же земли въ собственность обходится у тѣхъ же новыхъ помѣщиковъ по 30 руб. за десятину. Въ то время какъ различные чиновники и другія лица, пользовавшіяся покровительствомъ, пріобрѣтали землю по баснословно - дешевымъ цѣнамъ и на самыхъ льготныхъ условіяхъ, переселенцы тщетно добивались отвода имъ земельныхъ участковъ на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ. Какія вещи продѣлывались надъ несчастными крестьянами, можно судить по слѣдующей исторіи, слышанной мною изъ устъ переселенцевъ. Въ 1874 году 20 семействъ крестьянъ-переселенцевъ облюбовали себѣ участокъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ и вошли съ ходатайствомъ объ отводѣ имъ этого участка въ надѣльное пользованіе. Но на ту же землю нашлась и еще одна охотница въ лицѣ какой-то барыни, которая вскорѣ явилась на мѣсто въ сопровожденіи лѣсничаго или

даже ухудшили экономическое положеніе крестьянъ. Понятно, что крестьянство не могло удовлетвориться реформою, особенно когда обнаружились въ полной силѣ описанныя нами послѣдствія ея. Отсюда непрекращавшіяся ожиданія новой реформы поземельныхъ отношеній. Чаянія эти получили особенную интенсивность ко времени окончанія послѣдней войны, такъ что, какъ извѣстно, потребовалось особое правительственное разъясненіе для опроверженія распространившихся въ крестьянской массѣ слуховъ. Несмотря, однако, на циркуляръ министра Макова, вздорные и нелѣпые слухи продолжали упорно держаться по прежнему, такъ что, наконецъ, оказалось необходимымъ опроверженіе ихъ съ высоты Престола. Но въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи замѣтенъ переломъ. Среди крестьянъ начинаетъ обнаруживаться скептическое отношеніе къ этимъ слухамъ; надежда на ихъ осуществленіе въ близкомъ будущемъ смѣняется сомнѣніемъ. Если позволено будетъ употребить такое сравненіе, — многіе крестьяне начинаютъ относиться къ этимъ слухамъ, точно также, какъ люди культурныхъ классовъ къ выигрышному билету внутренняго займа: вы знаете, что выигрыши падаютъ на билеты ежегодно, вы можете надѣяться, что когда-нибудь и вашъ билетъ выиграетъ крупный кушъ, — но тѣмъ неменѣе вы не рѣшитесь на этой надеждѣ

землемѣра. Прежде всего, наведены были справки у сосѣднихъ крестьянскихъ обществъ, не состоитъ-ли участокъ въ чьемъ-либо спорномъ владѣніи. Со стороны обществъ никакихъ претензій не было предъявлено. Тогда, по словамъ переселенцевъ, составленъ былъ установленнымъ порядкомъ приговоръ (см. Гражд. Зак.), „что, значитъ, спору промежъ насъ насчетъ этой земли нѣтъ“, къ этому приговору крестьяне приложили руки. Затѣмъ барыня пожертвовала мужикамъ 10 руб. на вино („знаешь, мужики!“), мужики поклонились въ ноги благодѣтельницѣ, пропили деньги и совсѣмъ успокоились. Дѣло происходило въ началѣ осени, а около Михайлова дня, т. е. въ ноябрѣ, получается бумага такого содержанія (привожу ее почти дословно такъ, какъ передавали мнѣ переселенцы): „такъ какъ такіе-то крестьяне показали, что *они объ этой землѣ не спорятъ*, т. е. *отказались отъ этой земли*, то впредь арендовать имъ эту землю у барыни“. Иными словами, переселенцы были поддѣты на удочку: на словахъ имъ объяснили одно, а на бумагѣ, пользуясь крестьянской темнотой, написали и предложили имъ къ подписи другое. Неудивительно, что послѣдствіемъ такой постановки переселенческаго дѣла и поземельной неурядицы явилось то, что переселенцы, побившись нѣсколько лѣтъ, не видя впереди никакой надежды выбиться когда-либо изъ положенія арендаторовъ, уходятъ изъ Уфимской губ. въ Сибирь. Въ противоположность Зауральской полосѣ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ причинами уже не культурнаго, а чисто общественнаго характера.

основать свою судьбу, вы постараетесь устроить свою жизнь какъ-либо, помимо этой надежды. Сходное психологическое настроеніе наблюдается въ настоящее время среди очень многихъ крестьянъ и этимъ, по моему мнѣнію, объясняется охватившее чуть-ли не всю крестьянскую массу стремленіе переселиться! Такое именно объясненіе вы сплошь да рядомъ буквально услышите изъ устъ самихъ переселенцевъ [1]). Мѣстами, подъ вліяніемъ этой перемѣны въ деревенскомъ настроеніи, и самые слухи, служившіе его идейнымъ выраженіемъ, видоизмѣнили свою форму, примѣнительно къ новому настроенію, распространяющемуся въ настоящее время въ крестьянской массѣ. Такъ иногда приходится слышать отъ переселенцевъ такое разсужденіе, что въ реформѣ-де поземельныхъ отношеній на родинѣ и на самомъ дѣлѣ отказано, но будто-бы взамѣнъ этого пожалована крестьянамъ земля въ Сибири: „тутъ-молъ вамъ земли не будетъ, а если хотите, вотъ вамъ земля въ Сибири“. Крестьяне чутко прислушиваются къ газетнымъ толкамъ и проэктамъ правительственныхъ мѣропріятій по вопросу о переселеніяхъ. Засѣданія свѣдующихъ людей по переселенческому вопросу породили между крестьянами разные слухи: предполагаютъ, что будутъ метать жеребья, кому переселяться на сибирскія и на „турецкія“ (вѣроятно, вновь пріобрѣтенныя отъ Турціи) земли; ожидаютъ также, что переселенія будутъ совершаться съ матеріальною помощью отъ казны. И надо замѣтить, что слухи эти далеко не имѣютъ какого-либо узко-мѣстнаго характера: мнѣ доводилось слышать ихъ и отъ вятскихъ, и отъ рязанскихъ, пензенскихъ или тамбовскихъ переселенцевъ.

Такимъ образомъ, переселенія составляютъ тотъ выходъ изъ современнаго критическаго положенія, который пріискали народная мысль и народная иниціатива, послѣ того какъ за періодомъ вѣрованій и надеждъ наступило скептическое отношеніе къ прежнимъ иллюзіямъ, и пассивное ожиданіе смѣнилось активнымъ отношеніемъ къ устройству своей судьбы. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, насколько цѣлесообразенъ найденный выходъ и насколько онъ способенъ на самомъ дѣлѣ разрѣшить современный крестьянскій вопросъ.

---

[1]) См. „Вост. Обозр.“, 1882, № 36, корресп. изъ Ишима.

XI.

Уже изъ предыдущаго легко было видѣть, что крестьянство далеко не представляетъ однородной массы, а напротивъ, слагается изъ многихъ составныхъ элементовъ, на которыхъ вліяніе внѣшнихъ условій отражается въ весьма неодинаковой степени. Прежде всего, предъ нами выступаетъ историческое дѣленіе крестьянъ на разряды бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ, поставленныхъ, какъ извѣстно, въ неодинаковыя условія относительно общихъ размѣровъ надѣла и платежей. Мы знаемъ далѣе, что недостаточность надѣловъ, общая какъ той такъ и другой категоріи крестьянъ, вынуждаетъ ихъ прилагать болѣе или менѣе значительную часть своего труда внѣ надѣла. Наиболѣе выгодною формою внѣнадѣльныхъ занятій является земельная аренда, которая, несмотря на обременительность условій ея для крестьянина, все-же представляетъ то преимущество, что не отрываетъ крестьянина отъ дому и земледѣльческаго хозяйства. Но мы уже видѣли, что въ настоящее время аренда становится недоступной для массы крестьянскаго населенія. Большинство послѣдняго, для пополненія своего бюджета вынуждено обращаться къ различнымъ видамъ заработковъ и прежде всего къ заработкамъ земледѣльческимъ. Такимъ образомъ, одновременно съ сокращеніемъ числа крестьянъ-арендаторовъ, увеличивается число крестьянъ, подряжающихся на обработку земли крупныхъ собственниковъ; иными словами, многіе прежде совершенно самостоятельные хозяева превращаются на половину въ наемныхъ рабочихъ. Другая сторона этого процесса выражается въ сокращеніи размѣровъ многихъ мелкихъ хозяйствъ и въ параллельномъ расширеніи хозяйствъ, основанныхъ на наемномъ трудѣ. Наиболѣе благопріятную форму послѣдняго составляютъ подесятинные заработки. Занятые ими крестьяне, также какъ и арендаторы, не отрываются отъ дома и сохраняютъ рабочій инвентарь, который прилагается также и въ ихъ собственномъ хозяйствѣ. Невыгодная сторона этой формы найма заключается въ томъ, что вынуждаемый недостаточнымъ вознагражденіемъ за работу, крестьянинъ стремится наверстать его количествомъ работы въ ущербъ собственному хозяйству. За мѣстными земледѣльческими заработками *слѣдуютъ земледѣльческіе отхожіе и неземледѣльческіе промыслы*. Послѣдніе только въ

такомъ случаѣ не оказываютъ разрушительнаго вліянія на хозяйство, если занимаютъ рабочія силы семьи только въ зимнее время. Въ противномъ случаѣ, наравнѣ съ отхожими земледѣльческими заработками, они исключаютъ возможность веденія собственнаго хозяйства. Преимуществомъ земледѣльческихъ заработковъ въ данномъ случаѣ будетъ то, что они не отрываютъ крестьянина отъ земледѣльческаго труда и, при благопріятныхъ условіяхъ, онъ можетъ снова приняться за собственное хозяйство, между тѣмъ какъ крестьянинъ, изъ года въ годъ занятый лѣтнимъ неземледѣльческимъ промысломъ дома или на сторонѣ, въ сущности уже перестаетъ быть земледѣльцемъ. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что отхожій земледѣльческій промыселъ превращаетъ самостоятельнаго хозяина въ батрака. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, только большая семья въ состояніи предохранить крестьянское хозяйство отъ окончательнаго упадка: въ такой семьѣ часть работниковъ занята веденіемъ земледѣльческаго хозяйства, а другая посвящаетъ себя занятіямъ внѣ послѣдняго. Въ одинокихъ же семействахъ неземледѣльческій или отхожій земледѣльческій промыселъ неизбѣжно ведетъ за собой ликвидацію собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Прекращая личную обработку надѣла, крестьянинъ прежде всего продаетъ свой рабочій скотъ, содержаніе котораго становится излишнимъ и обременительнымъ. Этимъ путемъ создается въ деревнѣ разрядъ безлошадныхъ домохозяевъ. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, такіе крестьяне для обработки надѣла нанимаютъ лошадныхъ хозяевъ. Легко видѣть, что и въ этомъ болѣе благопріятномъ случаѣ обработка надѣльной земли сосредоточивается въ меньшемъ числѣ хозяйствъ; излишнія для обработки надѣла рабочія руки вынуждены искать себѣ приложеній въ батрацкой работѣ на чужое земледѣльческое хозяйство, или и вовсе уходить изъ среды земледѣльческаго труда. Такъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, наперекоръ общинному землевладѣнію и праву всякаго крестьянина на землю, создается въ деревнѣ рѣзкое неравенство состояній, которое впослѣдствіи стремится наложить руку на самый существенный принципъ общиннаго землевладѣнія. Появленіе въ деревнѣ безлошадныхъ домохозяйствъ не ограничивается, какъ мы сейчасъ видѣли, сосредоточеніемъ одной только *обработки* земли въ рукахъ лошадныхъ хозяевъ, а стремится еще сосредоточить въ рукахъ послѣднихъ и самое *пользованіе* и хозяйственное *распоряженіе* всей надѣльной

землей: рядомъ съ такими безлошадными домохозяевами, которые для обработки надѣла нанимаютъ лошадныхъ, мы встрѣчаемъ и такихъ, которые просто-на-просто сдаютъ свои надѣлы въ аренду лошаднымъ домохозяевамъ, сами же занимаются какимъ-либо стороннимъ или хотя и земледѣльческимъ, но отхожимъ промысломъ. Здѣсь уже прямо выступаютъ передъ нами открытое обезземеленіе бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія и переходъ ея въ ряды земледѣльческихъ батраковъ, ремесленниковъ или фабричныхъ рабочихъ. Современный фискальный характеръ крестьянской общины съ своей стороны только способствуетъ успѣшному проявленію разрушительныхъ для общиннаго строя вліяній. Такъ напр. тамъ, гдѣ земля способна оправдывать расходы на ея обработку и уплату податей, неисправность въ платежѣ послѣднихъ всегда ведетъ за собою отобраніе надѣла обществомъ и передачу его въ руки болѣе состоятельныхъ домохозяевъ, или же добровольную сдачу маломощными хозяевами своихъ надѣловъ болѣе сильнымъ общинникамъ. Такимъ образомъ, въ параллель поглощенію мелкой культуры крупною на почвѣ аренды внѣнадѣльныхъ земель, и внутри общины замѣчается движеніе въ сторону сосредоточенія земли въ рукахъ сильныхъ домохозяевъ и фактическаго обезземеленія многихъ слабыхъ домохозяйствъ. И такому образованію безземельнаго пролетаріата современное общинное землевладѣніе не въ состояніи противопоставить никакой преграды. Это видно уже хотя бы изъ того, что въ большинствѣ крестьянскихъ обществъ, въ которыхъ наблюдается описываемый процессъ обезземеленія части населенія, въ то же время распредѣленіе земли между общинниками составляетъ общепризнанную функцію общины. Мы находимъ здѣсь и передѣлы земли чрезъ опредѣленные промежутки времени, и частныя переверстки ея соотвѣтственно измѣненіямъ въ составѣ отдѣльныхъ семей,—словомъ, всѣ аттрибуты общиннаго землевладѣнія. Само собою разумѣется, что въ обществахъ, гдѣ передѣла не было уже давно и гдѣ изъ за него ведется борьба, а тѣмъ болѣе въ такихъ, гдѣ эта борьба окончилась пораженіемъ сторонниковъ общиннаго начала,—неравномѣрность землепользованія и сосредоточеніе земли въ рукахъ однихъ общинниковъ въ ущербъ другимъ должны проявляться еще рѣзче. Тамъ, напр. гдѣ передѣла не было со времени послѣдней ревизіи, т. е. съ 1858 года, вся деревенская молодежь остается внѣ самостоятельнаго участія въ пользованіи общинною землею.

Само собою разумѣется, что въ настоящемъ очеркѣ мы могли отмѣтить только наиболѣе крупныя отличительныя черты разныхъ слоевъ современной деревни. Въ дѣйствительной жизни встрѣчается много промежуточныхъ оттѣнковъ, сглаживающихъ черезъчуръ рѣзкія отличія между сосѣдними экономическими наслоеніями: такъ напр. домохозяинъ, арендующій небольшой участокъ земли, въ то же время беретъ еще на себя подесятинную обработку земли въ сосѣднемъ имѣніи; крестьянинъ, занятый въ лѣтнее время подесятинной работой, зимою работаетъ на каменноугольной шахтѣ и т. д. Все предыдущее въ одинаковой мѣрѣ относится къ переселенческому району какъ черноземной, такъ и нечерноземной полосы, съ тою только разницей, что въ послѣдней аренда большею частью ограничивается только общинными землями, земледѣльческіе же заработки вовсе отсутствуютъ. Единственное подспорье населенію доставляютъ заработки неземледѣльческіе, мѣстные и отхожіе. Изъ нихъ наиболѣе тѣсно соприкасаются съ земледѣліемъ лѣсные промыслы. Но эти послѣдніе доступны только болѣе или менѣе исправнымъ крестьянамъ, потому что требуется не только срубить, но и вывезти лѣсъ въ назначенное мѣсто,—на пристань, на заводъ, или на берегъ для сплава. Поэтому лѣсные промыслы составляютъ занятіе „хозяйственныхъ“ лошадныхъ крестьянъ сѣвернаго края бѣдняки же промышляютъ на сторонѣ разными ремеслами или законтрактовываются на заводы. Связь такихъ крестьянъ съ землею гораздо слабѣе, такъ какъ ремесленные промыслы, особенно же заводскія работы, производятся и лѣтомъ, въ періодъ земледѣльческихъ работъ. Встрѣчаются цѣлыя селенія ремесленниковъ, которые круглый годъ проживаютъ на сторонѣ и только на короткое время заглядываютъ домой. Понятно, что у такихъ крестьянъ земледѣльческое хозяйство, брошенное на руки бабѣ, находится въ совершенномъ упадкѣ. Среди такихъ крестьянъ вербуется контингентъ маломощныхъ и безхозяйныхъ, сдающихъ свои надѣлы въ аренду зажиточнымъ однообщественникамъ. Такимъ образомъ и здѣсь, въ области нераздѣльнаго господства крестьянскаго общиннаго землевладѣнія при сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ крупной поземельной собственности, мы точно также находимъ формирующуюся группу безхозяйныхъ, фактически „безземельныхъ“ пролетаріевъ, уходящихъ изъ земледѣлія въ сферу промышленности, а рядомъ съ ними—болѣе зажиточныхъ крестьянъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается фактическое пользованіе

и хозяйственное распоряженіе участками этихъ, въ дѣйствительности безземельныхъ, хотя и надѣльныхъ, общинниковъ.

XII.

Разнородность экономическаго состава современнаго крестьянства, само собою разумѣется, не можетъ не оказывать весьма существеннаго вліянія на послѣдствія переселеній, какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для остальной части деревенскаго населенія. Поэтому совершенно естественно возникаетъ вопросъ: къ какому именно классу или къ какимъ классамъ деревенскихъ жителей принадлежатъ переселенцы? Ходячее мнѣніе, весьма распространенное въ нашей печати, рѣшаетъ обыкновенно этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что переселяется бѣднѣйшая часть крестьянства,—«все, конечно, голытьба», какъ читаемъ въ одной газетной статьѣ. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ переселенцами, выступаютъ такія черты, которыя невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ справедливости этого ходячаго мнѣнія.

Извѣстно, что передвиженіе крестьянскаго населенія внутри государства обставлено въ нашемъ законодательствѣ множествомъ различныхъ формальностей и ограниченій, главнѣйшія изъ которыхъ одинаково относятся какъ къ переселеніямъ, такъ и къ временнымъ отлучкамъ за предѣлы своего общества. Чтобы получить паспортъ или увольнительный приговоръ изъ общества, крестьянинъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ недоимокъ, частныхъ долговъ и взысканій (ст. 130 Общ. Пол. о крест.). Сверхъ того, такъ какъ общество отвѣчаетъ круговой порукой за исправный взносъ податей каждымъ изъ общинниковъ, то въ силу этого практика установила такой порядокъ, что увольняемый членъ общества обязанъ представить послѣднему какую-либо гарантію въ исправномъ платежѣ всѣхъ податей и повинностей—и за время своего отсутствія. Само собою разумѣется, что оба эти условія легче выполнимы въ такихъ обществахъ, гдѣ доходность надѣла выше, а размѣры платежей ниже. И дѣйствительно, большинство переселенцевъ оказывается принадлежащимъ къ разряду бывшихъ государственныхъ крестьянъ, поставленныхъ, въ отношеніи надѣла и платежей, въ лучшее положеніе сравнительно съ бывшими по-

мѣщичьими крестьянами, къ разряду которыхъ принадлежитъ остальное меньшинство переселенцевъ. Изъ числа извѣстныхъ мнѣ 694 семей, переселившихся изъ Европейской Россіи, къ разряду бывшихъ государственныхъ крестьянъ принадлежало около 57%, къ разряду же бывшихъ помѣщичьихъ — 40% [1]) т. е. первыхъ почти въ полтора раза больше, чѣмъ послѣднихъ [2]).

Хотя казалось бы, потребность въ переселеніи должна бы ощущаться сильнѣе тамъ, гдѣ надѣлъ не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей; однако на самомъ дѣлѣ оказывается, что громадное большинство переселенцевъ вышло изъ такихъ обществъ, гдѣ надѣлъ сдается въ аренду не ниже, а нерѣдко и выше платежей, гдѣ, слѣдовательно, владѣніе землей не только не составляетъ бремени, но нерѣдко приноситъ матеріальную выгоду даже помимо ея обработки. Наоборотъ, число переселенцевъ крайне незначительно въ такихъ обществахъ, гдѣ надѣлъ сдается за цѣну, низшую противъ платежей [3]). И это совершенно понятно: на такихъ обществахъ нерѣдко числятся крупныя недоимки, а недоимщики, по силѣ нашего законодательства, прикрѣплены къ мѣсту ихъ приписки. Для уплаты же всѣхъ недоимокъ, числящихся за членами подобныхъ обществъ, требуются порой очень большія средства; такъ напр., въ Бузулукскомъ у. Самарской губ., благодаря нѣсколькимъ къ ряду повторявшимся неурожаямъ, на многихъ крестьянахъ накопились недоимки за 2—3 года въ размѣрѣ отъ 70—100 и свыше рублей. Понятно, что переселеніе изъ такихъ недоимочныхъ обществъ доступно только достаточнымъ крестьянамъ, которые въ состояніи сразу погасить всѣ недоимки или же ухитрились изыскать средства для современнаго безнедоимоч-

---

[1]) Всѣ собранныя мною свѣдѣнія обнимаютъ 1056 переселенческихъ семей изъ Европейской Россіи; въ томъ числѣ имѣются данныя для распредѣленія по разрядамъ 694 семей или около $^2/_3$ всего числа извѣстныхъ мнѣ переселенцевъ.

[2]) Прочіе принадлежали къ разрядамъ бывшихъ удѣльныхъ, горнозаводскихъ, половниковъ и мѣщанъ.

[3]) Изъ числа 434 семей, относительно которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія по этому вопросу, только 8 семействъ вышли изъ общества, гдѣ надѣлъ сдается ниже платежей; 4 семьи принадлежали къ разряду безземельныхъ, прочія всѣ вышли изъ такихъ обществъ, въ которыхъ земля сдается не ниже или выше платежей. Конечно, цифры эти для точныхъ процентныхъ выводовъ слишкомъ недостаточны; но и изъ этихъ данныхъ можно себѣ составить общее понятіе о связи между числомъ переселенцевъ и отношеніемъ доходности надѣла къ платежамъ.

наго взноса податей въ періодъ всеобщаго неурожая и голодухи, стало быть, по своему экономическому положенію стояли выше массы своихъ односельчанъ. Вообще можно сказать, что при данной законодательной постановкѣ переселенческаго дѣла, недоимщикамъ, т. е. бѣднѣйшимъ членамъ общины, для переселенія необходимы наибольшія средства — условіе, которое на практикѣ дѣлаетъ переселеніе почти недоступнымъ для этой весьма распространенной категоріи крестьянскаго населенія.

Помимо условій чисто фискальнаго характера, существуютъ еще и другія, которыя, заодно съ предыдущими, служатъ препятствіемъ къ переселенію наиболѣе недостаточной части деревни. Для такого дальняго и продолжительнаго путешествія, какъ переселеніе въ Сибирь, и средства потребны, по крестьянскому достатку, весьма не малыя. По самому умѣренному разсчету, переселеніе изъ центральныхъ черноземныхъ или промышленныхъ губерній, смотря по разстоянію и скорости движенія, степени зажиточности семьи, количеству багажа, числу и стоимости лошадей или платѣ за проѣздъ на наемныхъ лошадяхъ,—должно обойтись отъ 85—200 руб. на среднюю семью; изъ приволжскихъ же и сѣверныхъ губерній, благодаря меньшей отдаленности разстоянія, не ниже 60—130 руб. на семью. О скромности приведенныхъ цифръ можно составить себѣ понятіе, сравнивши ихъ съ путевыми расходами лицъ изъ высшихъ сословій: одни только билеты III-го класса изъ любой центральной губ. на Москву до Томска обойдутся не менѣе 50 руб. на человѣка, что составитъ съ другими издержками по меньшей мѣрѣ рублей 300 на семью. Если переселенцы ухитряются издерживать вполовину, а нерѣдко и еще менѣе противъ этой суммы, то это объясняется отчасти пониженнымъ тарифомъ, установленнымъ для нихъ по главнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ нѣкоторыхъ компаній, а еще болѣе того тою жалкой обстановкой ихъ во все время пути, о которой было сказано въ началѣ настоящей статьи. Однако и эти, на нашъ взглядъ, болѣе чѣмъ умѣренныя путевыя издержки—въ глазахъ крестьянина выростаютъ до весьма почтенныхъ размѣровъ. Самую цѣнную часть крестьянскаго имущества въ средней безлѣсной полосѣ Россіи составляютъ избы. Продажная цѣна крестьянскихъ строеній, при сборахъ на переселеніе и обусловливаемой ими спѣшности продажи, обыкновенно простирается отъ 60 — 150 руб.; рѣже попадаются такіе дома, за которые владѣльцы выручили-бы

при продажѣ 200 или болѣе рублей, за то вы встрѣтите и такихъ переселенцевъ, которымъ за ихъ избенки не дали больше 30—50 рублей. Каковы бываютъ иные дома, можно судить по тому, что въ Пензенской губ., по разсказамъ переселенцевъ, одинъ прикащикъ скупалъ ихъ избенки на сломъ—на дрова. Сравнивая продажныя цѣны переселенческихъ домовъ со стоимостью одного только проѣзда, мы замѣчаемъ, что послѣдняя превышаетъ первыя рублей на 25 — 50, если не болѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что для крестьянина среднихъ губерній переселеніе возможно только въ томъ случаѣ, когда, кромѣ дома, у него имѣется еще какое-либо годное для продажи имущество. Этимъ имуществомъ не можетъ быть хлѣбъ, такъ какъ весною и лѣтомъ, т. е. въ самый разгаръ переселенческаго сезона, у большинства крестьянъ его ужъ нѣтъ. Остается только скотина: — принадлежности несложнаго крестьянскаго домашняго хозяйства да земледѣльческія орудія, по ихъ малоцѣнности, и въ счетъ класть не стоитъ. Такимъ образомъ оказывается, что только тотъ крестьянинъ въ состояніи сбить средства на путешествіе, у котораго водится кое-какая скотина. Мы не считаемъ ни предварительныхъ расходовъ на родинѣ, ни первоначальныхъ издержекъ на новомъ мѣстѣ жительства; однако и при этомъ предположеніи, настоящей „голытьбѣ" переселеніе оказывается не подъ силу.

Для переселенія изъ Поволжья потребуется менѣе средствъ, которыя можно выручить продажею одного дома. Но не трудно сообразить, что семья, у которой всего имущества только одна изба,—въ силу тѣхъ же причинъ, которыя довели ее до такого положенія, не могла сохранить и порядочной избы, а, стало-быть, послѣдняя не можетъ уже служить рессурсомъ для путешествія. Слѣдовательно, и здѣсь переселеніе оказывается доступнымъ только такой семьѣ, у которой водится какая-нибудь скотина. Но всего труднѣе переселиться крестьянину сѣверной лѣсистой полосы, гдѣ, благодаря дешевизнѣ лѣсныхъ матеріаловъ, стоимость крестьянскихъ домовъ самая ничтожная и едва достигаетъ половины расходовъ на переселеніе, нерѣдко же и гораздо ниже. Тутъ ужъ, очевидно, для переселенія необходимо изрядное количество скотины, какое никогда не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться у бѣднѣйшихъ жителей деревни. Такимъ образомъ, переселеніе изъ Европейской Россіи доступно только хозяйственнымъ крестьянамъ, у которыхъ не только дома, но и прочія статьи хозяй-

ственнаго инвентаря имѣютъ болѣе или менѣе значительную цѣнность. Бѣднякамъ остается идти—въ разсчетѣ на благотворительность. Изъ формъ послѣдней указываютъ на мірскую помощь переселенцамъ со стороны ихъ обществъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, подобная помощь является крайне рѣдко; въ громадномъ большинствѣ случаевъ общество не оказываетъ переселенцамъ ровно никакого пособія, иногда же и напрямикъ отказываетъ въ помощи, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „и самимъ кормиться нечѣмъ". Также точно плохи разсчеты и на взаимную помощь въ пути со стороны товарищей. Сколько мнѣ приходилось наблюдать, чувство товарищеской солидарности и готовности оказывать другъ другу взаимную помощь въ нуждѣ и несчастіяхъ присущи переселенцамъ въ весьма слабой степени. Захвораетъ ли кто-либо „въ артели" [1], заболѣетъ ли лошадь, — пострадавшаго спутника большею частью оставляютъ одного посреди пути, въ незнакомой странѣ, предоставляя ему выпутываться изъ бѣды, какъ знаетъ. Особенно тяжело положеніе крестьянина, у котораго заболѣла лошадь: если средства у него ограниченныя, то, потерявши лошадь, онъ лишается возможности продолжать путь. Подобная случайность, благодаря продолжительности пути и недостатку лошадей, можетъ произойти съ каждымъ переселенцемъ, а между тѣмъ и въ такихъ обстоятельствахъ потерпѣвшаго большею частію бросаютъ на произволъ судьбы. Бываютъ, правда, случаи, что переселенцы всею артелью помогаютъ неимущимъ спутникамъ, а иногда и перевозятъ ихъ поочередно на своихъ лошадяхъ, если у перевозимой семьи и лошади не имѣется. Но за то бываетъ и такъ, что бѣднякъ-переселенецъ закабаляется въ пути своему богатому спутнику, занимая у него деньги подъ отработку на новомъ мѣстѣ поселенія; а едва ли не чаще, нуждающимся товарищамъ не оказываютъ никакой матеріальной помощи ни на какихъ условіяхъ. Остается одинъ путь—нищенство. Но и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, трудно согласиться съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, будто „вступая въ Сибирь, большинство переселенцевъ идетъ христовымъ именемъ, испрашивая подаянія въ каждой деревнѣ". Во-

---

[1] Слово „артель" не должно вводить въ заблужденіе читателя: переселенцы безразлично употребляютъ выраженія „партія" и „артель", причемъ подъ послѣдней разумѣютъ не организованную на извѣстныхъ началахъ ассоціацію, *союзъ*, а простое, чисто случайное *соединеніе* въ одномъ обозѣ людей, ничѣмъ между собою не связанныхъ.

первыхъ, и бѣдняку крестьянину присуще нравственное чувство, удерживающее человѣка отъ прошенія милостыни. Прежде чѣмъ рѣшиться протянуть руку, переселенецъ переживаетъ тяжелую внутреннюю борьбу [1]). Конечно, не всѣ такъ щепетильны; притомъ щепетильность не всегда оказывается непреодолимымъ препятствіемъ къ прошенію милостыни. Но чтобы безъ всякихъ средствъ добраться до мѣста единственно при помощи подаянія, мало одного добраго желанія со стороны переселяющихся. Въ Европейской Россіи, по словамъ переселенцевъ, вездѣ „подаютъ плохо", что вполнѣ объясняется бѣдностью крестьянскаго населенія. Населеніе Сибири и ближайшихъ сосѣднихъ мѣстностей издавна славится состраданіемъ ко всякаго рода „несчастнымъ" и широкою благотворительностью. Однако и здѣсь въ послѣдніе годы, благодаря наплыву переселенцевъ, населеніе городовъ и деревень, расположенныхъ по тракту, начинаетъ недружелюбно посматривать на переселенцевъ и неохотно подавать милостыню. Болѣе щедрое и человѣколюбивое отношеніе сохранилось еще только по проселочнымъ дорогамъ, на тракту же нерѣдко случается, что зимою и въ избу пустить не хотятъ; а если даже пускаютъ, то требуютъ платы за ночлегъ. Но и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, однимъ подаяніемъ добраться до мѣста невозможно: даже за Ураломъ, гдѣ лошадь все время находится на подножномъ корму, ей все-таки необходимо покупать овесъ; въ противномъ случаѣ она не довезетъ до мѣста и падетъ дорогой. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, число крестьянъ, предпринимающихъ переселеніе единственно въ надеждѣ на ту или иную форму благотворительности, не можетъ быть особенно значительно. Я не располагаю достаточными цифровыми данными для подтвержденія этого заключенія, но судя по тѣмъ даннымъ, какія имѣются, переселенцы, нищенствующіе въ пути, составляютъ въ общей массѣ переселенцевъ меньшинство. При этомъ необходимо замѣтить, что нищенство во время путешествія еще не можетъ служить показателемъ степени экономической несостоятельности переселенца на родинѣ. Вы встрѣтите

1) „Вхожу это я въ избу,— разсказывала мнѣ старуха, которой вмѣстѣ съ семьей пришлось весь путь побираться по міру, — вхожу это я въ избу, дверь отворила и стала: стыдно мнѣ, и сказать ничего не могу, а у самой слезы. А хозяева это поняли: „ты, видно, бабушка, говорятъ, за подаяніемъ? Что-жъ, это дѣло человѣческое — отъ сумы да отъ тюрьмы, говорятъ, не отказывайся". А мнѣ, какъ не въ привычку это—такъ стыдно".

иногда переселенцевъ, которыхъ по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ отнести къ числу хозяйственныхъ крестьянъ: и дома у нихъ были весьма порядочные, и скотина водилась, наконецъ рабочій составъ семьи довольно удовлетворительный, а между тѣмъ такая семья дорогой побирается по міру. Объясняется это въ однихъ случаяхъ какими-либо непредвидѣнными обстоятельствами и нуждами, постигнувшими переселенцевъ въ пути: порой и вполнѣ „хозяйственному" крестьянину трудно сбиться на переселеніе, особливо въ такихъ областяхъ, на населеніи которыхъ накопились крупныя недоимки, или тамъ гдѣ крестьянское имущество имѣетъ весьма незначительную цѣнность; далѣе, иногда переселенецъ протягиваетъ руку за подаяніемъ изъ желанія сберечь копѣйку для первыхъ шаговъ на новомъ мѣстѣ; иные, наконецъ, только мѣстами „подходятъ подъ окна", въ прочее же время покупаютъ себѣ продовольствіе.

Если мы перейдемъ отсюда къ обзору занятій переселенцевъ на родинѣ, то мы снова встрѣтимъ подтвержденіе нашему взгляду. Въ черноземной полосѣ самое преобладающее занятіе переселенцевъ составляетъ земледѣліе. Самый распространенный видъ заработковъ, какъ мѣстныхъ такъ и отхожихъ, — земледѣльческіе, значительно преобладающіе надъ неземледѣльческими. И обратно: самый распространенный видъ какъ земледѣльческихъ, такъ и неземледѣльческихъ заработковъ составляютъ заработки мѣстные, при томъ въ ряду неземледѣльческихъ заработковъ наиболѣе распространенными оказываются зимніе. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что крупныя капиталистическія предпріятія—фабрики, заводы, шахты, торфянники и т. под. доставляли работу весьма незначительному проценту переселенцевъ. Наконецъ, среди мѣстныхъ земледѣльческихъ заработковъ на первомъ планѣ стоитъ подесятинная обработка помѣщичьихъ имѣній или надѣловъ безлошадныхъ крестьянъ („обработка душъ"); менѣе распространены поденная работа и батрачество, что вполнѣ объясняется очерченнымъ выше строемъ нашего крупнаго земледѣльческаго хозяйства. Средній типъ переселенца, на основаніи этой характеристики, рисуется намъ въ видѣ крестьянина, тѣсно связаннаго съ землей и живущаго преимущественно ея интересами: это по большей части крестьянинъ - домосѣдъ, находящій подспорье въ мѣстныхъ земледѣльческихъ заработкахъ, неземледѣльческимъ же промысламъ (если онъ ими занимается) посвящающій свободное отъ полевыхъ работъ зимнее время. Земле-

дѣльческому хозяйству такого типичнаго крестьянина не грозитъ опасности ни со стороны неземледѣльческихъ промысловъ, которые отрывали бы работника отъ пашни, ни со стороны дальнихъ и продолжительныхъ отлучекъ хозяина въ рабочую пору въ поискахъ за чужою земледѣльческою работою; онъ не броситъ своего хозяйства ради заработка на фабрикѣ и не пойдетъ въ батраки къ купцу или помѣщику. Встрѣчается не мало раззорившихся домохозяевъ и между переселенцами; но въ общей массѣ послѣднихъ такіе обездоленные, очень часто безлошадные переселенцы составляютъ меньшинство, большинство же, занятое земледѣліемъ на собственномъ надѣлѣ или арендуемыхъ участкахъ, сверхъ того обрабатывающее подесятинно имѣнія крупныхъ владѣльцевъ, не можетъ обходиться безъ рабочей лошади. Накопецъ, нельзя не упомянуть, что среди переселенцевъ встрѣчается извѣстный процентъ весьма зажиточныхъ крестьянъ, значительно возвышающихся надъ среднимъ экономическимъ уровнемъ населенія. На родинѣ всѣ рабочія силы подобныхъ семей находили приложеніе въ ихъ собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ на надѣльной или съемной землѣ. Эти домохозяйства являлись съемщиками надѣловъ безхозяйныхъ крестьянъ. Къ той же категоріи слѣдуетъ отнести переселенцевъ, владѣвшихъ значительными четвертными и подворными участками земли. Бываетъ, что участки, принадлежащіе въ собственность или арендуемые подобными избранными домохозяевами, превышаютъ рабочія силы членовъ семьи и въ помощь послѣднимъ содержится батракъ. Стоимость такихъ хозяйствъ оцѣнивается другими переселенцами въ нѣсколько сотень, порою даже тысячъ рублей. Такъ, напримѣръ, мнѣ указывали на семью, понесшую съ собою три тысячи рублей, вырученныя продажею лѣса, пашни и проч. угодій, скотины, домовъ и т. д. Приводили примѣры такихъ, которые до переселенія владѣли участками въ 60 дес., что, при настоящихъ цѣнахъ на землю въ черноземной полосѣ, составляетъ капиталъ въ нѣсколько тысячъ.

Въ сѣверной и вообще нечерноземной полосѣ средній типъ переселенца такой же, какъ въ черноземной, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, обусловливаемыми особенностями мѣстной экономической жизни. Главное, порою исключительное занятіе переселенца и здѣсь составляетъ земледѣліе, хотя земледѣльческихъ „заработковъ“ въ общепринятомъ смыслѣ слова въ этой полосѣ, какъ мы знаемъ, не существуетъ. По необходимости, въ случаѣ дефицита,

крестьяне вынуждены обращаться къ неземледѣльческимъ промысламъ, мѣстнымъ и отхожимъ. Но и здѣсь большинство выселяющихся занято земледѣліемъ и мѣстными заработками, среди которыхъ на первомъ планѣ стоятъ лѣсные промыслы. И тутъ, стало-быть, большинство—непремѣнно лошадный народъ, потому что ни земледѣліемъ, ни лѣснымъ промысломъ нельзя заниматься при отсутствіи лошади. Необходимо замѣтить, что число переселенцевъ, которые ничѣмъ инымъ не занимались кромѣ какъ земледѣліемъ, здѣсь замѣтно больше, чѣмъ въ черноземной полосѣ. Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы сказали выше о средствахъ, требуемыхъ для переселенія изъ этой области. Наконецъ, и здѣсь крупныя капиталистическія предпріятія — заводы, несмотря на ихъ близость, давали занятіе крайне ничтожному числу переселенцевъ.

Резюмируя все, что сказано о средствахъ, необходимыхъ для переселенія, и объ экономическомъ положеніи выселяющихся, нельзя не согласиться съ общимъ мнѣніемъ, высказываемымъ самими переселенцами, а именно: что *преобладающимъ элементомъ* въ современномъ переселенческомъ движеніи слѣдуетъ считать крестьянъ *средняго достатка*; бѣднѣйшіе крестьяне составляютъ среди переселенцевъ меньшинство; еще слабѣе участіе богатыхъ крестьянъ деревенскихъ, что объясняется съ одной стороны ихъ малочисленностью въ деревнѣ, а съ другой — болѣе благопріятными для нихъ условіями быта на родинѣ.

Затѣмъ всѣ переселенцы единогласно свидѣтельствуютъ, что стремленіе переселиться охватило въ настоящее время массы деревенскаго люда, но очень многіе прикованы къ мѣсту большими недоимками и отсутствіемъ необходимыхъ средствъ. Такимъ образомъ, если наше вниманіе обращаетъ среди переселенцевъ болѣе или менѣе замѣтное меньшинство маломощныхъ членовъ деревенскаго міра, то всетаки не они опредѣляютъ характеръ современнаго переселенческаго движенія. Какъ во всякомъ массовомъ общественномъ движеніи, вызванномъ критическимъ отношеніемъ къ традиціоннымъ иллюзіямъ и легендарнымъ взглядамъ на окружающее,—и въ переселеніяхъ также приняли участіе представители разнообразныхъ деревенскихъ группъ. Но среди разнообразія участвующихъ въ немъ элементовъ, въ переселенческомъ движеніи выдѣляется одно центральное теченіе, если можно такъ выразиться,—дающее тонъ всему движенію; съ дальнѣйшимъ развитіемъ

послѣдняго, по мѣрѣ того какъ отъ него отдѣлятся приставшие къ нему вначалѣ посторонніе элементы, еще яснѣе выступитъ наружу это основное теченіе, въ которомъ—тогда уже во всей чистотѣ—выразится внутренній характеръ всего современнаго переселенческаго движенія.

XIII.

Чтобы выяснить себѣ съ надлежащей точностью и полнотою условія водворенія переселенцевъ въ Сибири, необходимы были бы систематическія наблюденія на мѣстахъ, гдѣ осѣдаетъ волна крестьянской колонизаціи. За отсутствіемъ такихъ наблюденій въ настоящее время, приходится довольствоваться тѣми отрывочными свѣдѣніями, какія возможно извлечь изъ разсказовъ проѣзжихъ переселенцевъ или изъ газетныхъ извѣстій.

Шансы на удовлетворительное устройство на новомъ мѣстѣ жительства, само собою разумѣется, находятся въ прямой зависимости отъ матеріальныхъ средствъ переселенца. Хотя, какъ мы знаемъ, большинство переселенцевъ принадлежитъ къ типу среднихъ домохозяевъ, однако абсолютный экономическій уровень этого средняго типа на столько низокъ, что полная распродажа всего имущества большею частью способна доставить средства на одно только путешествіе; много-много останется лишній рубль на пропитаніе до пріисканія работы. Не мало за то и такихъ, которые продажею всего своего имущества не въ состояніи выручить даже суммы, необходимой на покрытіе путевыхъ расходовъ; это—не всегда одна безхозяйная бѣднота: въ такомъ положеніи могутъ иногда очутиться и хозяйственные крестьяне такихъ мѣстностей, на которыхъ накопились большія недоимки, а на сѣверѣ, при дешевизнѣ крестьянскихъ строеній, это можетъ случиться еще чаще. Переселенцы, обладающіе вполнѣ достаточными средствами какъ на путешествіе, такъ и на первое хозяйственное обзаведеніе на новомъ мѣстѣ жительства, составляютъ весьма незначительное меньшинство; положеніе же громаднаго большинства въ первое время по прибытіи въ Сибирь болѣе чѣмъ шатко [1]). Главный потокъ

---

[1]) Г. Григорьевъ („Переселенія крестьянъ Рязан. губ.“) исчисляетъ сумму, необходимую на первое обзаведеніе, рублей въ 150 на домохозяйство; если прибавимъ сюда столько же на путевые расходы, то окажется, что сразу станетъ

переселенческаго движенія осѣдаетъ въ настоящее время на югѣ Томской губ., преимущественно въ Алтайскомъ горномъ округѣ, на земляхъ кабинета Е. В.; въ этой обширной мѣстности особенно привлекаютъ къ себѣ переселенцевъ Бійскій (около 1/2) и Барнаульскій (болѣе 1/4) округа [1]).

Въ виду той важной роли, какую играетъ выборъ мѣста въ дѣлѣ первоначальнаго устройства переселенцевъ, крайне интересно, какими данными они руководятся, избирая цѣлью своего путешествія тотъ или иной пунктъ.

Извѣстно, что лѣтъ 30 тому назадъ были довольно значительныя переселенія изъ всѣхъ губерній Европейской Россіи, по вызову и при содѣйствіи правительства, въ Томскую и Тобольскую губерніи. Такимъ путемъ образовался обширный контингентъ выходцевъ изъ многихъ селъ и деревень нынѣшняго переселенческаго района; эти первые піонеры новѣйшей колонизаціи и положили начало сношеніямъ между крестьянскимъ населеніемъ россійскихъ и сибирскихъ губерній. Письма этихъ выходцевъ къ род-

---

хозяиномъ только-такой переселенецъ, который взялъ съ собою не менѣе 300 рублей; положеніе остальныхъ въ первое время будетъ весьма шатко. Обращаясь къ статистическимъ даннымъ, собраннымъ рязанскими изслѣдователями, замѣчаемъ, что на 100 переселенцевъ:

Считалось.		Взяли съ собою.	
Безлошадныхъ	32	не менѣе 50 р.	21
Съ 1 лошадью	38	отъ 50—150 р.	38
„ 2 „	20	„ 150—300 р.	22
„ 3 и болѣе лошад.	10	„ 300 и болѣе	19

Сопоставляя цифры обоихъ столбцовъ, мы видимъ, что даже домохозяинъ, имѣющій 2 лошадей, не всегда можетъ разсчитывать сдѣлаться сразу хозяиномъ на новомъ мѣстѣ, однолошадный же не всегда въ состояніи сбить средства, достаточныя на одно только путешествіе; о безлошадныхъ и говорить нечего. Изъ этого видно, что переселеніе представляется вполнѣ вѣрнымъ предпріятіемъ только для домохозяйствъ, владѣющихъ 3-мя или, по меньшей мѣрѣ, 2-мя лошадьми. Такихъ домохозяйствъ въ изслѣдуемомъ районѣ считается около 45% („Сборн. стат. свѣд. по Ряз. губ.“ т. II, вып. I, стр. 250, 255; вып. II, стр. 184, 189; вып. III, стр. 166, 171. — „Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ.“ т. I, отд. III, стр. 38—40; т. III, стат. табл., стр. 158, 160).

Итакъ, среднимъ числомъ менѣе половины всѣхъ наличныхъ домохозяевъ могутъ разсчитывать на вѣрное и немедленное улучшеніе своего положенія по переселеніи на новое мѣсто жительства.

[1]) Прочіе переселенцы распредѣляются по остальнымъ округамъ Томской губ., Тарскому округу Тобольской, Ачинскому и Минусинскому—Енисейской и Петропавловскому у. Акмолинской области.

нымъ и знакомымъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ единственный источникъ, изъ котораго переселенцы черпаютъ свѣдѣнія о „новыхъ земляхъ". Посредниками между Сибирью и нѣкоторыми мѣстностями Европейской Россіи служатъ еще иногда торговые или промысловые крестьяне, во время своихъ странствій съ товаромъ или поисковъ за работой проникающіе порою и въ Сибирь. Наслышавшись здѣсь разсказовъ объ обширныхъ, не тронутыхъ земледѣльческой культурой запасахъ плодородной земли, нерѣдко и лично присмотрѣвшись къ условіямъ жизни и крестьянскаго хозяйства въ Сибири, такіе крестьяне возвращаются на родину за своими семействами и, забравши ихъ, первые трогаются въ путь. Слѣдомъ за ними, очень часто и вмѣстѣ съ ними, идутъ увлеченные ихъ примѣромъ сосѣди. А то забредетъ въ деревню прохожій странникъ-богомолецъ, ходившій изъ Сибири на поклоненіе мощамъ св. угодниковъ куда нибудь въ Кіевъ или въ Верхотурье, и разсказами о сибирскомъ просторѣ и привольѣ потянетъ за собою партію-другую искателей лучшей доли. Наиболѣе осмотрительные крестьяне не довольствуются такими случайными свѣдѣніями и разузнаютъ о новыхъ земляхъ при посредствѣ «ходоковъ», снаряжаемыхъ при матеріальной помощи отъ общества, а также и отъ отдѣльныхъ односельцевъ, — въ родѣ какъ бы по добровольной подпискѣ: даютъ по состоянію, кто сколько можетъ. Иногда ходоками являются отдѣльные домохозяева по собственной иниціативѣ и на собственный счетъ. Пріискавши удобное мѣсто, они обзаводятся хозяйствомъ и водворяются тамъ на постоянное жительство, а затѣмъ уже письменно извѣщаютъ своихъ земляковъ и довѣрителей объ избранномъ пунктѣ и его преимуществахъ. Если семья у ходока осталась дома, онъ возвращается за нею на родину и заодно уже забираетъ съ собою и другихъ охотниковъ изъ своихъ односельцевъ и изъ сосѣднихъ деревень. Бываетъ и такъ, что отъ большой семьи отдѣляется часть на переселеніе; устроившись на новомъ мѣстѣ, переселившіеся члены семьи письменно вызываютъ къ себѣ остальныхъ. Но подобная осмотрительность въ настоящее время встрѣчается довольно рѣдко: огромное большинство предпринимаетъ переселеніе, можно сказать, на удачу [1]). Правда, среди прибывающихъ переселен-

[1]) Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Переселилось:	Семей.	%
По свѣдѣніямъ ходоковъ или въ ихъ сопровожденіи, а также въ качествѣ таковыхъ.	148	19

цевъ не мало такихъ, у которыхъ въ новомъ мѣстѣ жительства есть родные; очень многіе и въ путь-то пустились потому, что родные вызывали ихъ къ себѣ; такіе очень часто на первое время селятся у родственниковъ. Но подобный выходъ, само собою разумѣется, возможенъ для всѣхъ только при весьма ограниченныхъ размѣрахъ движенія; чѣмъ большую массу народа захватываетъ послѣднее, тѣмъ значительнѣе должно быть число такихъ переселенцевъ, которые не могутъ разсчитывать на родныхъ или и вовсе ихъ не имѣютъ на мѣстѣ водворенія [1]), за исключеніемъ немногихъ счастливцевъ, обладающихъ достаточными средствами для немедленнаго заведенія новаго хозяйства; у всего остальнаго большинства нѣтъ ни денегъ, ни домовъ, ни самыхъ необходимыхъ орудій труда (одушевленнаго и неодушевленнаго хозяйственнаго инвентаря). Остается только одно—идти въ люди, въ батраки. Такова на первыхъ порахъ общая участь большей части переселенцевъ. Благодаря обилію свободной, чрезвычайно плодородной земли и недостатку рукъ для ея обработки, спросъ на послѣднія далеко превышаетъ предложеніе: вслѣдствіе этого уровень вознагражденія за трудъ несравненно выше, чѣмъ въ Европейской Россіи; такъ что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, работнику остается излишекъ, употребляемый на возстановленіе ликвидированнаго на родинѣ хозяйства. Мало по малу, при помощи упорнаго труда и строгой воздержности, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переселенцу удается снова сдѣлаться вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ; — для тѣхъ, кто принесъ съ собою кое-какія деньги, срокъ этотъ сокращается до 2—3 лѣтъ; при средствахъ же, конечно, можно совершенно устроиться и въ продолженіе одного года.

По письмамъ родныхъ и сосѣдей	512	68
По разсказамъ богомольцевъ	102	13
Всѣхъ . .	762	100

[1]) Мы видѣли выше, что въ теченіе 1881—1882 гг. прибыло въ Сибирь почти столько же народу, сколько перечислено въ Тобольскую и Томскую губ. въ періодъ съ 1846—1852 гг. по 1879 г.; принимая же во вниманіе, что вся эта масса народа въ настоящее время стремится почти исключительно въ Томскую губ., которая въ прежніе годы привлекала къ себѣ менѣе половины переселенцевъ, идущихъ въ Сибирь, едва ли будетъ ошибкою сказать, что въ эти два года на каждаго изъ прежнихъ новоселовъ прибыло вновь по два переселенца. Мыслимо-ли этакой массѣ народа разсчитывать на помощь родныхъ? Мыслимо ли даже, чтобы у всѣхъ здѣсь были родные?

Нѣкоторое понятіе объ этомъ предварительномъ искусѣ, обязательномъ почти для каждаго переселенца, даетъ намъ слѣдующій разсказъ, записанный мною со словъ одного пермскаго крестьянина, поселившагося 18 лѣтъ тому назадъ въ Ачинскомъ округѣ (Енисейской губ.). Въ томъ году изъ Григорьевской вол., Оханскаго уѣзда, переселилось туда десятка два или три семействъ; съ ними тайно бѣжалъ и мой знакомый. Онъ съ женой тогда еще были люди молодые, дѣтей не было, а потому, не имѣя ни гроша за душою, они пустились въ путь пѣшкомъ. Ѣхала съ ними другая семья, но въ послѣдней на пять душъ всего капитала было шестьдесятъ копѣекъ; — такъ они вмѣстѣ и прошли весь путь Христовымъ именемъ. Пришли, наконецъ, въ Назаровскую волость, Ачинскаго округа. Выбранное ими мѣсто было совсѣмъ пустынное, поселка никакого не было, человѣческое жилье—на разстояніи двадцати верстъ. На первое время сдѣлали себѣ землянки, кто позажиточнѣе—стали строить дома.— «Что тутъ мнѣ дѣлать? вспоминалъ переселенецъ:—денегъ нѣту, въ городъ мнѣ пойдти нельзя, потому я безъ билета — поймаютъ да въ острогъ посадятъ. Хлѣба нѣту... По счастью я хорошій пильщикъ былъ. А тамъ мужикъ былъ, четвертый годъ уже жилъ, задумалъ домъ строить. Онъ меня и нанялъ пилить съ нимъ и за день далъ мнѣ пудъ ржаной муки и полпуда пшеничной. Проработалъ я у него недѣлю—у меня уже шесть пудовъ ржаной муки, три пшеничной. Такъ я всю зиму и проработалъ, хлѣба себѣ заработалъ, ячменя заработалъ, лошадь заработалъ (только на лѣто—работать на ней, стало быть, лѣто). Пришла весна, я десятину ячменя засѣялъ, шесть овиновъ снялъ, а съ овина 35 пудовъ намолотилъ. Надо мнѣ въ городъ ѣхать продавать хлѣбъ, а лошади у меня нѣтъ. Однако, досталъ лошадь за 7 р., ячмень продалъ... Потомъ мы коровку купили, домъ за 11 руб. купили, потомъ дѣти пошли, намъ Богъ хлѣба даетъ»...

Черезъ 17 лѣтъ мы у него находимъ 16 десятинъ запашки, пятистѣнный домъ, 4 рабочихъ лошадей и жеребенка, 7 коровъ, овецъ и вообще все необходимое въ порядочномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Хлѣба онъ не только не покупаетъ (какъ крестьяне Европейской Россіи), но еще на сторону продаетъ. „Теперь ужъ это давно, только что тогда было, этого во всю жизнь не забуду“! заключилъ мужикъ.

Переселенцамъ, прибывающимъ въ устроившіяся крестьянскія

поселенія, такихъ мытарствъ переносить не приходится. Хлѣбъ имъ даютъ старожилы подъ отработку, работу они тоже всегда могутъ достать и въ короткое время они становятся на ноги. Земля въ Ачинскомъ кругѣ хорошая, благодаря рѣдкости населенія (деревня отъ деревни отстоитъ на 20 верстъ); пользованіе землею неограниченно. Хозяйство, разумѣется, залежное; земля— черноземъ, объ удобреніи и понятія не имѣютъ. Единственная невыгода—тяжелые платежи и повинности: всего вмѣстѣ, съ натуральными повинностями, выходитъ по 26 р. въ годъ съ ревизской души.

Въ томъ же духѣ находимъ описанія въ оффиціальной сибирской печати. „Переселенцы, прибывшіе въ Сибирь бѣдняками, истратясь дорогой и распродавъ все, должны жить на первое время личнымъ трудомъ. Избравъ село или деревню, они выпрашиваются къ кому нибудь изъ старожиловъ за малую плату, а иногда вовсе даромъ—ради Христа, на квартиру и помѣщаются обыкновенно въ какой нибудь убогой, полуразрушившейся избушкѣ, оказавшейся у хозяина излишней, а иногда и сами плетутъ себѣ изъ хвороста лачугу, забиваютъ ее глиной и въ такихъ жилищахъ проводятъ первое лѣто. Устроивъ свое первое жилище, семья переселенца начинаетъ жить заработками, на которые здѣсь большой спросъ. Въ первое же лѣто мужчины и женщины, старый и малый, однимъ словомъ, всякій, кто только въ состояніи и силѣ, стараются заработывать и пріобрѣтать: они нанимаются у старожиловъ на полевыя работы,—или поденно отъ 40—50 коп. въ день, или снимая подрядъ, напр. выставить сотню сѣна на хозяйской травѣ или выжать нѣсколько десятинъ хлѣба, и спѣшатъ работать въ будни и праздники. Проработавъ два - три мѣсяца, семья переселенца имѣетъ возможность сбить немного денегъ, необходимыхъ для покупки къ зимѣ своей избы, а также при общей дешевизнѣ цѣнъ, одну-двѣ, а иногда и три лошади, если семья, по числу рабочихъ рукъ, находится въ хорошихъ условіяхъ. Проходитъ зима, а при худыхъ условіяхъ и слѣдующее лѣто, употребленное еще на заработки, и хозяинъ покупаетъ еще одну-двѣ лошади, корову, и съ наступленіемъ лѣта бѣднякъ-переселенецъ имѣетъ возможность начать жить самостоятельнымъ хозяйствомъ, заводитъ свою пашню, вспахиваетъ двѣ—четыре десятины, обзаводится осѣдлостью и живетъ полнымъ хозяиномъ... Пройдетъ три-четыре года, и устроившійся переселенецъ пишетъ на родину, что ему хорошо, и зоветъ

своихъ односельчанъ въ богатый землею край. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ и трудныхъ путешествій, переселенцы достигаютъ своей цѣли: они отдыхаютъ при здѣшнихъ свободныхъ условіяхъ пользованія землею; имъ живется здѣсь хорошо, они поправляются и даже богатѣютъ впослѣдствіи единственно отъ земледѣлія, продавая хлѣбъ, просо и прочіе продукты за выгодную цѣну" [1]).

Но если это и вполнѣ справедливо для настоящаго момента, то и теперь уже, однако, иногда пробиваются наружу такія явленія переселенческой практики, которыя невольно выдвигаютъ вопросъ, въ какой мѣрѣ можно считать устойчивымъ современное благополучіе алтайскаго новосела? Среди единодушнаго хора хвалебныхъ отзывовъ—нѣтъ, нѣтъ, да и раздается разочарованный голосъ какого нибудь переселенца-неудачника, не нашедшаго искомаго счастья въ этой обѣтованной землѣ и возвращающагося назадъ, на покинутое и разрушенное пепелище. Игнорировать эти скептическіе голоса нѣтъ ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что при всей ихъ исключительности, они все-таки не совсѣмъ единичны: такъ, въ 1882—1883 гг. возвратилось на родину *не менѣе* 574 душъ переселенцевъ; но едва ли мы ошибемся, принявъ дѣйствительную цифру вернувшихся вдвое превышающею этотъ минимумъ [2]): иными словами, на каждую тысячу вновь прибывшихъ переселенцевъ вернулось обратно не менѣе 15 человѣкъ. Откуда же происходитъ недовольство этихъ послѣднихъ своимъ новымъ положеніемъ?

Прежде всего, здѣсь могутъ быть причины болѣе или менѣе частнаго характера. Какъ мы уже имѣли случай указать, подобно всякому массовому общественному движенію, переселеніе втягиваетъ въ себя много самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Совершенно естественно, что въ число послѣднихъ попадаютъ и такіе, которымъ переселеніе по самому существу неспособно доставить желаемыхъ выгодъ. Мы видѣли напр., что встрѣчаются переселенцы, которые большую часть года проводили внѣ дома, на промысловыхъ заработкахъ. Если подобный образъ жизни входитъ въ привычку, продолжаясь изъ года въ годъ (а мнѣ встрѣчались пожилые переселенцы, которые смолоду постоянно уходили на заработки), то связь крестьянина съ землею неминуемо ослабѣ-

[1]) „Том. Губ. Вѣд.", 1882, № 28.

[2]) Цифра эта составилась изъ свѣдѣній, опубликованныхъ Батрацкою переселенческою конторою, съ присоединеніемъ къ нимъ собранныхъ лично мною.

ваетъ. Нерѣдко и при переселеніи имъ руководили болѣе разсчеты на выгодныя условія занятія промысломъ, чѣмъ соображенія о преимуществахъ для веденія земледѣльческаго хозяйства. По прибытіи на новое мѣсто, онъ также мало связанъ съ землею, какъ и на родинѣ. Если у такого переселенца и было тамъ свое хозяйство, то оно въ его глазахъ не играло первенствующей роли, и разрушеніе хозяйства для него не такъ чувствительно, какъ для истаго земледѣльца; поэтому онъ можетъ безбоязненно вернуться на родину, гдѣ онъ найдетъ почти все то же, что оставилъ: попрежнему онъ будетъ ходить въ Москву или въ другое мѣсто на заработки и выручитъ еще, пожалуй, гораздо больше, чѣмъ въ первое время въ Сибири. Для того же чтобы медленно, камешекъ по камешку, упорнымъ трудомъ созидать прочное крестьянское домохозяйство, у него нѣтъ необходимой энергіи. Или вотъ еще примѣръ: переселяется торгующій мясомъ мѣщанинъ г. Тетюшей (Казанской губ.) единственно на томъ основаніи, что мѣстнымъ крестьянамъ писали изъ Тарскаго округа объ изобиліи тамъ никѣмъ не занятой земли, на которой можно поставить свой поселокъ. По пріѣздѣ на мѣсто у него остается наличными деньгами менѣе 5 р. Что онъ съ ними станетъ дѣлать? Пойдетъ въ работники. Быть можетъ, впослѣдствіи ему удастся стать настоящимъ земледѣльцемъ-хозяиномъ; но сложись обстоятельства для него не совсѣмъ благопріятно, что его можетъ удержать на чужбинѣ, а, съ другой стороны, чего онъ, благодаря переселенію, лишился на родинѣ? Большаго оборотнаго капитала у него, очевидно, и тамъ не могло быть, если всего на всего онъ сколотилъ на дорогу 50 руб. Не повезетъ,—такой переселенецъ возвратится на родину и снова примется за прежнее занятіе.

Но кромѣ этихъ частныхъ причинъ, неудачный исходъ иныхъ переселеній обусловливается еще причинами болѣе общаго характера. Какъ бы выгодно ни было положеніе батрака-переселенца въ данный моментъ, существо экономическихъ отношеній отъ этого нисколько не измѣняется: все таки онъ не болѣе какъ наемный работникъ, уровень благосостоянія котораго регулируется спросомъ и предложеніемъ. Если вознагражденіе за трудъ настолько достаточно, что оставляетъ работнику возможность рано или поздно сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ, то это потому лишь, что спросъ на рабочія руки въ настоящую минуту значительно превышаетъ ихъ предложеніе. Въ этомъ общее преимущество

всѣхъ новыхъ колоній, въ которыхъ земля не монополизирована и населеніе рѣдко. Но можно ожидать, что съ дальнѣйшимъ ходомъ колонизаціи это преимущество мало по малу начнетъ исчезать и на Алтаѣ. Скопленіе бездомнаго неимущаго люда, какой представляетъ изъ себя большинство переселенцевъ, поведетъ къ усиленной конкурренціи между послѣдними и, съ тѣмъ вмѣстѣ, понизитъ общій уровень вознагражденія за трудъ, такъ что для превращенія несостоятельнаго переселенца въ настоящаго хозяина потребуется гораздо больше времени и усилій. Нагляднымъ примѣромъ могутъ служить прежнія наши зауральскія колоніи, заселеніе которыхъ совершилось при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели теперь. Вспомнимъ, что въ то время переселенія происходили при матеріальной помощи со стороны государства [1]). Являясь на мѣсто, переселенецъ сразу получалъ все необходимое для самостоятельнаго хозяйства и вполнѣ независимаго существованія. Равнымъ образомъ, ему ничего не приходилось платить за землю—онъ бралъ ее въ любомъ количествѣ и совершенно даромъ. А между тѣмъ, земельная тѣснота, возникшая съ притокомъ новыхъ переселенцевъ и естественнымъ ростомъ населенія, и здѣсь даетъ себя знать зачатками кабалы и экономической зависимости. Тѣмъ болѣе основаній опасаться того же на Алтаѣ. Съ одной стороны, самый ходъ переселеній въ настоящее время несравненно быстрѣе, чѣмъ прежде. Далѣе, нынѣшняя система колонизаціи представляетъ прямую противоположность прежней: прежнія наши колоніи заселялись экономически-независимыми земледѣльцами, нынѣшнія заселяются пролетаріями, которые приносятъ съ собою въ новую страну старыя экономическія отношенія;—мы видѣли, что для нѣкоторыхъ переселенцевъ кабала начинается еще дорогой. Экономическое неравенство лежитъ въ самомъ основаніи современной колонизаціи и имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе. Наконецъ, несмотря на неограниченное обиліе земли, переселенецъ вынужденъ фактически покупать ее за деньги. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе новаго поселка на свободной государственной или удѣльной землѣ обставлено многими фискальными ограниченіями. Притомъ для этого требуются большія сред-

[1]) Правилами 1831 г. (Уст. о благ. въ каз. селеніяхъ) опредѣлены были главнѣйшія мѣры устройства переселенцевъ по прибытіи на мѣсто; въ 1843 году правила эти были дополнены и къ нимъ присоединены новыя, заботившіяся объ обезпеченіи переселенцевъ во все время путешествія.

ства; переселенецъ обыкновенно обзаводится хозяйствомъ помаленьку, по мѣрѣ накопленія сбереженій изъ заработка, а потому необходимо избираетъ себѣ мѣсто жительства въ какомъ либо уже существующемъ крестьянскомъ поселеніи; чтобы совсѣмъ основаться на казенной землѣ, такому переселенцу пришлось бы совершить нѣчто въ родѣ вторичнаго переселенія, что опять сопряжено съ расходами. Вотъ почему только вполнѣ состоятельный переселенецъ, который можетъ сразу завести свое хозяйство, имѣетъ возможность воспользоваться даровымъ участкомъ земли, единственно изъ платежа оброка кабинету; громадное же большинство пріобрѣтаетъ земельные участки или арендой, или припискою къ мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ. Первый способъ, по своей необезпеченности, не способенъ удовлетворить переселенца и имѣетъ только переходный характеръ; за приписку же въ число своихъ полноправныхъ членовъ крестьянскія общества взимаютъ плату, которая служитъ какъ бы вознагражденіемъ за дозволеніе пользоваться общественною землею. Чѣмъ сильнѣе притокъ переселенцевъ, чѣмъ ощутительнѣе становится, благодаря этому, сокращеніе размѣровъ земельныхъ угодій, тѣмъ выше взимаемая обществами плата. На дороговизну послѣдней единогласно жалуются всѣ переселенцы: еще недавно за приписку брали по 14 р. съ ревизской души, нынѣ же требуютъ 40—50 и даже 70 руб. Такая дороговизна свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико въ настоящее время число переселенцевъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго заселенія края, плата эта будетъ возрастать все болѣе и болѣе, и тѣмъ затруднительнѣе станетъ переселенцу вступленіе въ новое общество. Наконецъ, уже и теперь, и на Алтаѣ встрѣчаются такія общества, которыя безусловно отказываются принять въ свою среду переселенцевъ за какую бы то ни было плату [1]); съ дальнѣйшимъ теченіемъ колонизаціи число такихъ обществъ будетъ все увеличиваться (это видимъ, напр., въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, гдѣ чрезвычайно трудно найти общество, которое согласилось бы принять переселенцевъ). Само собою разумѣется, что это поведетъ къ еще большему возвышенію цѣнъ на пріемные приговоры въ остальныхъ обществахъ.

Подобныя неумѣренныя требованія крестьянскихъ обществъ

---

[1]) См. объ этомъ въ запискѣ „о притѣсненіяхъ переселенцевъ сибирскими старожилами“, „Том. Губ. Вѣд.“, № 35.

всецѣло объясняются неравномѣрнымъ распредѣленіемъ переселенцевъ между селеніями: въ то время, какъ одни селенія и волости весьма слабо заселяются новыми колонистами, въ другія толпами валятъ переселенцы. Селенія, отличающіяся особеннымъ удобствомъ расположенія относительно рынковъ и путей сообщенія или славящіяся плодородіемъ почвы, обиліемъ лѣсовъ, рыбной ловли и другихъ угодій, — привлекаютъ къ себѣ множество новыхъ поселенцевъ, готовыхъ заплатить даже высшую плату за право основать здѣсь свое хозяйство. Въ этомъ случаѣ ими руководитъ простой разсчетъ: здѣсь возможность удовлетворительнаго веденія хозяйства уже засвидѣтельствована многочисленными примѣрами, почвенныя же и климатическія свойства другихъ мѣстностей еще предстоитъ испытать. Извѣстны примѣры, что переселенцы, оставившіе родину изъ-за отсутствія лѣсовъ, по прибытіи въ Сибирь съ жадностью набрасывались на самыя лѣсистыя мѣстности; но вскорѣ обнаруживалось, что незнакомому съ условіями новаго края, вооруженному ничтожными средствами переселенцу не по силамъ борьба съ могучей природой дѣвственной страны: не успѣетъ онъ расчистить небольшой участокъ подъ пашню, какъ она уже снова покрывается порослью; „тайга заѣдаетъ“ земледѣльца, а таёжный звѣрь заѣдаетъ его скотъ [1]). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подобной безуспѣшной борьбы съ щедрой но негостепріимной природой, побѣжденному человѣку не остается другого исхода, какъ вторичное выселеніе. Чтобы избѣжать подобныхъ дорого стоющихъ опытовъ и пріискать себѣ удобное мѣсто для поселенія, необходимо основательное предварительное ознакомленіе съ почвенными и климатическими условіями обширнаго края, а это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуетъ весьма значительной затраты времени и средствъ. Такимъ образомъ, большинству переселенцевъ остается открытымъ только одинъ путь для пріобрѣтенія прочной осѣдлости: приписка къ крестьянскимъ обществамъ, сопряженная съ уплатою послѣднимъ опредѣленной суммы за право пользованія мірскою землею; освободиться отъ этой уплаты возможно только при полной независимости отъ крестьянскихъ обществъ, обусловливаемой высокимъ (по крестьянскимъ понятіямъ) имущественнымъ цензомъ. Итакъ, деньги, деньги и деньги—вотъ необходимое усло-

[1]) См. объ этомъ „Вост. Обозр.“, 1883, № 27: „Движеніе переселеній въ Минусинскій округъ“, Петровича.

віе для водворенія переселенца въ новомъ краѣ; гдѣ бы и какъ бы онъ ни устроился, вездѣ ему предстоятъ расходы или на покупку пріемнаго приговора, или на прінсканіе удобнаго мѣста, гдѣ либо вдали отъ центровъ наиболѣе оживленнаго колонизаціоннаго движенія,—не говоря уже о средствахъ, потребныхъ на постепенное обзаведеніе хозяйствомъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, главныя причины, обусловливающія неудачный исходъ иныхъ переселеній и обратное возвращеніе неудачниковъ на родину. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ переселенческаго движенія можно ожидать еще болѣе усиленнаго дѣйствія этихъ причинъ. Конкурренція переселенцевъ будетъ все понижать уровень вознагражденія за трудъ и, наоборотъ, увеличивать цѣнность земли или, что то же, общественныхъ пріемныхъ приговоровъ. Съ одной стороны труднѣе станетъ дѣлать сбереженія изъ своего заработка, съ другой — потребуется больше этихъ сбереженій для пріобрѣтенія осѣдлости въ краѣ. Это неизбѣжно поведетъ къ увеличенію шансовъ неудачнаго переселенія и къ умноженію случаевъ возвращенія переселенцевъ на родину.

Изъ этого видно, что переселенія, при нынѣшней ихъ постановкѣ, не представляютъ въ будущемъ достаточныхъ гарантій для прочнаго обезпеченія быта неимущихъ переселенцевъ. Мало того, можно опасаться, что переселенія сдѣлаются орудіемъ образованія беззѳмельнаго пролетаріата какъ въ колоніяхъ, такъ и въ мѣстахъ выселенія,—беззѳмельнаго пролетаріата, отъ котораго не спасетъ насъ и общинное землевладѣніе. Послѣднее отнюдь не исключаетъ возможности образованія въ колоніяхъ крестьянской поземельной аристократіи старожиловъ-общинниковъ—рядомъ съ беззѳмельнымъ пролетаріатомъ крестьянъ-новоселовъ, живущихъ наемнымъ трудомъ. Сходный примѣръ мы видѣли уже въ экономическихъ отношеніяхъ козачества къ крестьянству средней черноземной полосы. Правда, за переселенцами остается право на владѣніе участкомъ общинной земли на родинѣ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они перечисляются въ новое общество и выходятъ изъ стараго уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ переселенія (да это, какъ показано выше, и быть не можетъ иначе). Но легко видѣть, что номинальное право на землю не избавляетъ несчастнаго переселенца отъ самой горькой нужды по возвращеніи на родину: что онъ станетъ дѣлать съ землей, когда у него и домъ и скотина и все хозяйство распроданы, а деньги истрачены на переселеніе?

Ему не остается ничего болѣе, какъ сдать навсегда свой надѣлъ въ аренду, а самому окончательно перейти въ ряды безхозяйственныхъ пролетаріевъ, живущихъ наемнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, переселеніе, въ случаѣ неудачи, становится лишнимъ орудіемъ для образованія фактически безземельныхъ пролетаріевъ и сосредоточенія надѣльной земли въ рукахъ зажиточныхъ домохозяевъ.

Если и въ настоящее время каждый случай возвращенія переселенца отбиваетъ на нѣкоторое время охоту у его односельчанъ пытать счастья въ переселеніи, то можно ожидать, что, по мѣрѣ учащенія подобныхъ случаевъ, нынѣшняя переселенческая горячка, охватившая крестьянство многихъ губерній, мало по малу начнетъ остывать. Съ другой стороны мы знаемъ, что письма переселенцевъ составляютъ покуда главный источникъ, изъ котораго крестьянство центральныхъ губерній заимствуетъ свѣдѣнія о „новыхъ земляхъ". Поэтому неизбѣжное рано или поздно разочарованіе переселенцевъ въ ихъ надеждахъ на лучшую долю въ „землѣ обѣтованной" сообщится путемъ писемъ и ихъ землякамъ, оставшимся на родинѣ. Стремленіе переселиться на Алтай ослабѣетъ тогда точно также, какъ ослабло стремленіе крестьянъ въ Уфимскую и Оренбургскую губерніи. И чѣмъ интенсивнѣе будетъ ходъ переселенческаго движенія въ ближайшіе годы, тѣмъ быстрѣе наступитъ разочарованіе массы бѣдняковъ въ спасительности этого исхода. Въ настоящее время крестьянинъ бѣжитъ въ Сибирь безъ оглядки, не задумываясь о будущемъ, безъ всякихъ средствъ, безъ опредѣленныхъ представленій о новой странѣ, съ единственною вѣрою что тамъ будетъ лучше или что хуже не будетъ. Но пусть исчезнетъ эта увѣренность,—а исчезнуть рано или поздно она должна неизбѣжно,—и наступитъ всеобщее охлажденіе къ переселеніямъ; переселяться станетъ тогда только тотъ, у кого для этого имѣются необходимыя средства, т. е. весьма незначительное меньшинство состоятельныхъ домохозяевъ. Переселенія снова утратятъ присущій имъ въ настоящій моментъ характеръ массоваго общественнаго движенія и снова войдутъ въ разрядъ обыкновенныхъ экономическихъ явленій.

XIV.

Согласно весьма распространенному мнѣнію, переселеніе одной части деревенскихъ жителей уменьшаетъ земельную тѣсноту и улучшаетъ экономическое положеніе остальныхъ. Взглядъ этотъ, однако, требуетъ строгой критической провѣрки.

Распредѣляя крестьянскія общества по степени участія ихъ въ переселенческомъ движеніи, мы замѣчаемъ, что въ однихъ обществахъ переселенія имѣютъ совершенно единичный характеръ, изъ другихъ, наоборотъ, выселяется болѣе или менѣе замѣтная часть домохозяевъ,—отъ 10% и болѣе. Чтобы прослѣдить вліяніе переселеній на общій строй деревенской жизни, необходимо обратиться къ послѣдней категоріи крестьянскихъ общинъ, — единичные случаи переселеній, очевидно, не могутъ имѣть никакого значенія. Тѣ или иныя послѣдствія переселеній для остающихся на родинѣ деревенскихъ жителей всецѣло зависятъ отъ того, въ чьи руки и на какихъ началахъ попадутъ земли переселенцевъ. Ясно, что при подворно-наслѣдственномъ способѣ землевладѣнія, выселеніе хотя бы половины всего наличнаго числа жителей ни въ чемъ не облегчитъ положенія другой половины: земля, путемъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, перейдетъ въ руки зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ имѣются средства, чтобы сразу уплатить владѣльцамъ всю договорную цѣну; разсрочка платежа по частямъ въ подобныхъ случаяхъ немыслима, такъ какъ переселенецъ ждать не можетъ, деньги ему необходимы сейчасъ. Слѣдовательно, выселенія изъ мѣстностей съ подворнымъ (или четвертнымъ) землевладѣніемъ еще усиливаютъ неизбѣжно существовавшую и ранѣе неравномѣрность въ распредѣленіи поземельной собственности: земля этимъ путемъ сосредоточивается въ рукахъ меньшаго числа болѣе состоятельныхъ владѣльцевъ. Нечего и объяснять, что происходящее въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ среднихъ размѣровъ каждаго владѣнія, усиленіе крупныхъ разрядовъ крестьянскаго землевладѣнія на счетъ мелкаго не обѣщаетъ послѣднему ничего хорошаго.

Представляетъ ли большую гарантію противъ подобнаго процесса концентраціи земельной собственности современное наше общинное землевладѣніе? Даже въ такъ называемой „народнической“ части нашей печати нерѣдко встрѣчаются мнѣнія, будто

современное общинное землевладѣніе не допускаетъ перехода крестьянской земельной собственности къ лицамъ другихъ сословій. При этомъ обыкновенно совершенно игнорируютъ смыслъ ст. 165 и 169 Полож. о выкупѣ, которыми предоставляется крестьянамъ полная возможность продавать свои надѣлы и постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу крестьянскихъ обществъ: стоитъ только крестьянину внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его надѣлъ выкупную ссуду,—и общество обязывается выдѣлить ему особый участокъ, который онъ получаетъ право переуступить третьему лицу; а такъ какъ цѣны на землю въ средней черноземной полосѣ въ настоящее время значительно превышаютъ сумму числящагося на крестьянахъ долга по выкупной ссудѣ, то, былъ бы только покупщикъ, за деньгами для взноса ея дѣло не станетъ—для этого хватитъ задатка. Ошибкою было бы думать, будто эти статьи закона, по примѣру многихъ другихъ, остаются мертвою буквою въ жизни. Наоборотъ, въ дѣйствительности мы видимъ такой фактъ, что болѣе 8% изъ числа переселенцевъ, вышедшихъ въ изслѣдуемый періодъ изъ Европейской Россіи [1]), воспользовались предоставленнымъ имъ въ законѣ правомъ и пріобрѣли себѣ средства для переселенія продажею своихъ надѣловъ (разумѣется, съ барышемъ) постороннимъ лицамъ и своимъ односельцамъ - кулакамъ. Въ одномъ случаѣ какой-то приказчикъ скупилъ такимъ образомъ надѣлы 80 сосѣднихъ домохозяевъ; нужно ли говорить, что этимъ путемъ на мѣстѣ многихъ мелкихъ крестьянскихъ владѣній создается одно крупное частное владѣніе? Мы видимъ изъ этого, что права, предоставленныя закономъ нашей поземельной общинѣ, не такъ обширны, чтобы воспрепятствовать переходу переселенческихъ надѣловъ въ собственность немногихъ частныхъ землевладѣльцевъ изъ числа зажиточныхъ крестьянъ и даже лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Ясно, что во всѣхъ случаяхъ такого перехода не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи простора для массы населенія.

Правда, подобные случаи весьма немногочисленны и составляютъ скорѣе исключеніе, чѣмъ правило. Но даже и тогда, когда надѣлы переселенцевъ номинально остаются во владѣніи общества,

---

[1]) Фактъ, приводимый въ текстѣ, имѣлъ мѣсто въ Саранскомъ у. Пенз. губ. Вычисленіе % сдѣлано по отношенію къ тѣмъ 1056 семьямъ, о которыхъ мною собраны свѣдѣнія.

выгода отъ этого распредѣляется равномѣрно между всѣми общинниками только при томъ условіи, если къ обществу переходитъ и фактическое распоряженіе переселенческими надѣлами; а это въ дѣйствительности случается довольно рѣдко. Чаще всего, собравшись на переселеніе, крестьяне сдаютъ свои надѣлы въ аренду отдѣльнымъ домохозяевамъ по частному соглашенію. Въ чьи бы руки и на какихъ бы условіяхъ ни переходила земля въ этомъ случаѣ, ясно, что пользованіе землею на надѣльно-общественномъ правѣ замѣняется пользованіемъ въ силу частныхъ сдѣлокъ, а слѣдовательно, переселенія еще увеличиваютъ существующую въ общинѣ неравномѣрность землепользованія. Правда, возникающая отсюда неравномѣрность только временная и изчезаетъ вмѣстѣ съ перечисленіемъ переселенца въ новое общество. Но мы уже знаемъ, что между переселеніемъ и перечисленіемъ проходитъ обыкновенно нѣсколько лѣтъ (рѣдко 2—3 года); съ дальнѣйшимъ же теченіемъ переселенческаго движенія срокъ этотъ, въ силу указанныхъ причинъ, будетъ постоянно удлиняться; такимъ образомъ, возникающая съ переселеніями неравномѣрность землепользованія будетъ все болѣе упрочиваться, пріобрѣтая болѣе продолжительный характеръ.

Тамъ-же гдѣ арендная стоимость надѣла не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей, разумѣется и рѣчи быть не можетъ о выгодѣ отъ увеличенія размѣровъ надѣла, такъ какъ всякая лишняя десятина приноситъ съ собою далеко не соотвѣтствующую ея доходности прибавку къ окладу податей [1]). Впрочемъ, какъ мы уже знаемъ, подобныя общества принимаютъ весьма слабое участіе въ переселенческомъ движеніи; громадное же большинство переселенческихъ надѣловъ можетъ быть съ выгодою эксплоатируемо въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а потому весьма важно выяснить послѣдствія ихъ перехода въ другія руки.

Если переселяется безлошадный и ранѣе сдававшій въ аренду свой надѣлъ, то въ этомъ случаѣ никакого измѣненія не происходитъ. Но если безлошадный переселенецъ обрабатывалъ свой надѣлъ наймомъ, то съ переселеніемъ его въ общинѣ происходятъ слѣдующія измѣненія: во первыхъ, уменьшается % безлошадныхъ, обрабатывающихъ землю наймомъ сравнительно съ числомъ совершенно безхозяйныхъ; во вторыхъ, теперь къ лошад-

[1]) См. объ этомъ: „Переселенія крестьянъ Вятской губ.“

нымъ хозяевамъ переходитъ не только обработка по найму, но и самостоятельное хозяйственное распоряженіе надѣлами переселенцевъ. Такимъ образомъ, сокращается одна изъ слабѣйшихъ промежуточныхъ группъ общиннаго населенія и на счетъ ея усиливается группа сильнѣйшихъ домохозяевъ. Впрочемъ, какъ мы уже знаемъ, переселенцы принадлежатъ преимущественно къ средней группѣ домохозяевъ. Уходя на переселеніе, они сдаютъ надѣлы большею частью своимъ зажиточнымъ односельцамъ (бѣдняку нынѣшнихъ цѣнъ на землю не одолѣть). Такимъ образомъ, самымъ общимъ послѣдствіемъ переселеній является уменьшеніе числа среднихъ домохозяевъ и сосредоточеніе ихъ земельныхъ надѣловъ въ рукахъ наиболѣе состоятельныхъ общинниковъ. За исключеніемъ земельнаго надѣла, все остальное имущество крестьянскаго двора—изба, скотина и проч. составляетъ его неограниченную частную собственность, а потому при переселеніи подвергается той-же участи, какъ и земля при подворномъ или четвертномъ владѣніи. По общимъ отзывамъ, покупка переселенческаго имущества составляетъ весьма прибыльную аферу, потому что переселенцы, нуждаясь въ деньгахъ, распродаютъ все за безцѣнокъ. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ скупка переселенческихъ домовъ на своз становится порою предметомъ весьма выгодной спекуляціи, привлекающей къ себѣ даже представителей капитала; мы знаемъ случай, что какой-то приказчикъ скупилъ такимъ образомъ въ одномъ только селеніи Саранскаго у. (Пензенской губ.) около 80 крестьянскихъ домовъ. Оставляя даже въ сторонѣ примѣры подобныхъ болѣе или менѣе крупныхъ спекуляцій, легко замѣтить, что покупка имущества у переселенцевъ, при всей его дешевизнѣ, все-таки доступна только зажиточнымъ крестьянамъ, располагающимъ свободными средствами,—остальнымъ, при общемъ недостаткѣ пастбищъ и кормовъ, въ пору только сохранить отъ продажи собственную свою скотину. Такимъ образомъ, здѣсь уже ясно выступаетъ процессъ экспропріаціи одной части деревенскаго населенія другою болѣе достаточною, изрѣдка же даже представителями денежнаго капитала.

Какъ на благопріятныя послѣдствія переселеній указываютъ еще на пониженіе арендныхъ цѣнъ на землю и возвышеніе заработной платы. Дѣйствительно, предложеніе земли увеличивается надѣлами переселенцевъ, большею частью сдаваемыми въ аренду, а спросъ на землю уменьшается вслѣдствіе выселенія части

арендаторовъ,—отсюда паденіе арендныхъ цѣнъ. Съ другой стороны, выселеніе части работниковъ, уменьшая предложеніе труда, должно возвышать вознагражденіе послѣдняго. Но удешевленіе аренды и возвышеніе заработной платы весьма различно отразится на разныхъ классахъ деревенскаго населенія. Улучшится бытъ арендаторовъ частновладѣльческой земли и крестьянскихъ надѣловъ, т. е. наилучше поставленной деревенской группы. Ухудшится за то положеніе всѣхъ тѣхъ, кто сдаетъ въ аренду свою надѣльную землю (всю или только часть ея). Правда, удешевленіе аренды сдѣлаетъ ее доступною такимъ крестьянамъ, которые раньше земли не арендовали; такимъ образомъ, одна часть крестьянъ изъ средней группы переходитъ въ высшую. Но рядомъ съ этимъ не замедлятъ обнаружиться и другіе результаты. Мы знаемъ, что выселенія происходятъ большею частью изъ такихъ мѣстностей, гдѣ арендная цѣна надѣла не ниже, но и не выше или лишь немногимъ выше платежей; при такихъ условіяхъ достаточно небольшаго паденія цѣнъ на землю, чтобы арендная стоимость надѣла во многихъ обществахъ перестала покрывать лежащіе на немъ платежи [1]). Въ настоящее время безлошадный крестьянинъ, сдавая свой надѣлъ въ аренду, вырученными деньгами уплачиваетъ подати и, взявши паспортъ, можетъ искать заработка, гдѣ ему кажется выгоднѣе; тогда — и послѣ сдачи надѣла, ему не чѣмъ будетъ заплатить подати, а безъ этого не выдаютъ паспорта, слѣдовательно, приходится брать работу у того, кто выдаетъ задатокъ тутъ же, на мѣстѣ, въ волостномъ правленіи. Такимъ образомъ, если вслѣдствіе выселенія и сокращается число продавцевъ труда, за то возрастаетъ зависимость остальныхъ отъ работодателей, такъ что шансы на возвышеніе заработной платы оказываются крайне шаткими. Но если бы и имѣло мѣсто такое возвышеніе, то оно опять-таки коснулось бы не самыхъ бѣднѣйшихъ а наоборотъ, самыхъ состоятельныхъ изъ числа продавцевъ труда. Въ самомъ дѣлѣ, выселяются вѣдь преимущественно лошадные хозяева, безлошадные переселяются въ меньшемъ числѣ;

---

[1]) Такъ напр. „въ Раненбургскомъ у. (Рязанской губ.) въ громадномъ большинствѣ арендная цѣна надѣла, при сдачѣ его цѣликомъ, равна суммѣ платежей съ нимъ связанныхъ, или превышаетъ ее на 1—3 руб.“ (Сб. ст. свѣд. по Ряз. губ., т. II, вып. I., стр. 264); довольно пониженія арендныхъ цѣнъ всего лишь на 3 руб. съ дес.—съ 17 до 14 руб. за десятину—(тамъ же, стр. 253), чтобы обнаружились указанныя мною послѣдствія.

поэтому предложеніе труда сократится гораздо болѣе въ группѣ лошадныхъ, нежели въ группѣ безлошадныхъ домохозяевъ, а стало быть, плата конному работнику возрастетъ сильнѣе, чѣмъ плата пѣшему. Это нанесетъ прямой ущербъ такимъ безлошаднымъ, которые обрабатываютъ свои надѣлы наймомъ, а сами занимаются наемными работами: увеличеніе ихъ заработка окажется недостаточнымъ для покрытія возросшихъ расходовъ по обработкѣ надѣла. Это, въ свою очередь, поведетъ къ тому, что многіе безлошадные оставятъ обработку своихъ надѣловъ наймомъ и окончательно перейдутъ въ разрядъ безхозяйныхъ, сдающихъ надѣлы въ аренду. Въ результатѣ—новое увеличеніе предложенія земли, новое паденіе арендныхъ цѣнъ со всѣми его разсмотрѣнными послѣдствіями.

И такъ, улучшится положеніе группы крестьянъ-арендаторовъ, въ которую перейдетъ часть домохозяевъ изъ ближайшихъ низшихъ группъ; быть можетъ, улучшится также положеніе лошадныхъ, берущихъ подесятинные заработки; но рядомъ съ этимъ ухудшится положеніе, во первыхъ, лошадныхъ, сдающихъ часть своего надѣла; во вторыхъ, безлошадныхъ, обрабатывающихъ надѣлъ наймомъ, — часть ихъ перейдетъ въ слѣдующую низшую группу; наконецъ, ухудшится положеніе этой послѣдней группы— безхозяйныхъ, сдающихъ свои надѣлы въ аренду. Но кромѣ того паденіе арендныхъ цѣнъ можетъ послужить новымъ препятствіемъ къ переселенію очень многихъ крестьянъ: увеличится число такихъ обществъ, гдѣ арендная цѣна надѣла—ниже лежащихъ на немъ платежей, переселенія же изъ подобныхъ обществъ, какъ извѣстно, весьма затруднительны.

Единственное облегченіе, которое приносятъ выселенія, заключается въ увеличеніи простора для скота, такъ какъ часть скотины распродается переселенцами на убой, лошадей же они большею частью берутъ съ собою [1]; но и это облегченіе не касается бѣднѣйшей части деревенскаго населенія—деревенскихъ пролетаріевъ—безхозяйныхъ. Мы прослѣдили вліяніе переселеній на оба источника существованія крестьянина: надѣльную землю и внѣнадѣльныя занятія, и въ результатѣ приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Послѣдствіемъ неблагопріятной постановки крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія явилась экспропріація бѣднѣйшей части

---

[1] „Докладъ и т. д." стр. 37.

деревенскихъ жителей въ пользу болѣе зажиточныхъ общинниковъ, къ которымъ перешло фактическое распоряженіе надѣлами первыхъ. Переселенія распространяютъ дѣйствіе этого процесса экспропріаціи и на среднія группы деревенскаго населенія: одна часть крестьянъ, входящихъ въ эти группы, выселяется; надѣлы же и имущество выселяющихся концентрируются въ рукахъ наиболѣе достаточныхъ домохозяевъ; другая часть этихъ группъ, остающаяся на родинѣ, мало-по-малу переходитъ въ обѣ крайнія группы—высшую и низшую. Постепенное исчезновеніе среднихъ группъ деревенскаго населенія, усиленіе высшихъ группъ на счетъ низшихъ, постепенное обезземеленіе послѣднихъ рядомъ съ концентраціей въ рукахъ первыхъ все большей и большей части надѣльной земли и другаго хозяйственнаго имущества, обостреніе имущественнаго неравенства въ обѣихъ крайнихъ группахъ, на которыя постепенно разчленяется деревня, — вотъ, при данныхъ условіяхъ, конечный результатъ выселеній въ широкихъ размѣрахъ.

XV.

До сихъ поръ мы строго держались одной только фактической почвы. Теперь, согласно заведенному обычаю, намъ предстоитъ совершить экскурсію изъ области дѣйствительности въ заоблачныя выси сладостныхъ грезъ. Такой ужъ порядокъ установился въ нашей печати, что за длиннымъ перечнемъ всяческихъ бѣдствій непремѣнно слѣдуетъ утѣшеніе въ видѣ прожекта самовѣрнѣйшаго облагодѣтельствованія мужика путемъ начальственныхъ мѣропріятій „безъ малѣйшей боли“, какъ выражаются мозольные операторы. Эта манера сильно напоминаетъ старинные романы, герои которыхъ, послѣ многочисленныхъ испытаній и приключеній, соединялись, наконецъ, законнымъ бракомъ для мирнаго счастья у семейнаго очага. Не будучи записнымъ литераторомъ, я, признаться, не чувствую никакого призванія „совать свой носъ“ (по выраженію сатирика) туда, гдѣ моихъ совѣтовъ не спрашиваютъ и, повидимому, не ощущаютъ въ нихъ никакой надобности. Если же я дѣлаю здѣсь уступку литературной модѣ, то лишь потому, что любители праздныхъ мечтаній могутъ возразить мнѣ: правда,

послѣдствія переселенческаго движенія при данныхъ условіяхъ указаны вѣрно, но если-бы, да кабы, то результаты получились бы совсѣмъ не тѣ и мужикъ сталъ бы „ѣсть добры щи и пиво пить". Посмотримъ, въ какой мѣрѣ осуществимы эти pia desideria.

Коренная причина переселеній крестьянъ Европейской Россіи заключается, какъ мы показали, въ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ. Въ малоземельѣ кроется причина упадка крестьянскаго хозяйства, малоземелье же вынуждаетъ крестьянина вступать въ обременительныя экономическія отношенія къ представителямъ землевладѣльческаго и денежнаго капиталовъ. Въ виду этого, для насъ пріобрѣтаетъ особенную важность вопросъ о размѣрахъ и расположеніи разныхъ видовъ землевладѣнія въ переселенческомъ районѣ: быть можетъ, найдутся здѣсь такія земли, которыя могли бы послужить для устраненія основной причины современнаго крестьянскаго кризиса? По характеру поземельныхъ отношеній, весь переселенческій районъ Европейской Россіи дѣлится на двѣ части: одну составляютъ сѣверныя и восточныя, другую—центральныя черноземныя губерніи. Весьма важная особенность первыхъ состоитъ въ томъ, что здѣсь еще очень много некультивированныхъ, совершенно свободныхъ земель, принадлежащихъ государству, а въ томъ числѣ,—за исключеніемъ степныхъ мѣстностей, много также и лѣсовъ. Обращаясь спеціально къ сѣвернымъ губерніямъ, мы замѣчаемъ, что протяженіе государственныхъ земель здѣсь значительно превышаетъ площадь крестьянскихъ надѣловъ [1]), не говоря уже о личномъ землевладѣніи, которое на сѣверѣ не играетъ почти никакой роли и, за немногими указанными выше исключеніями, совершенно не причемъ въ вопросѣ о причинахъ крестьянскихъ переселеній. При такихъ условіяхъ крестьянскій вопросъ могъ здѣсь возникнуть только искусственнымъ путемъ; и дѣйствительно, онъ явился здѣсь единственно благодаря нераціональной государственной регламентаціи. Но, хотя многолѣтнее дѣйствіе послѣдней крайне неблагопріятно отразилась на массѣ

---

1)

Въ губерніяхъ	изъ 100 дес. принадлежало: казнѣ	крестьянамъ
Вологодской	82,47	13,65
Вятской	50,99	(?)
Пермской	57,56	26,48

вн. стат. т. II, стр. 100, 148).

населенія, породивши въ деревнѣ рѣзкія имущественныя различія, тѣмъ не менѣе зло, причиненное вмѣшательствомъ государства, имъ же мало-по-малу могло бы быть исправлено. Разрѣшеніе свободно производить разчистки въ казенныхъ лѣсахъ дало бы крестьянамъ возможность вернуться къ переложному хозяйству, которое одно только, при данныхъ средствахъ крестьянскаго населенія, способно обезпечить его существованіе. Въ послѣднее время, повидимому, въ этомъ смыслѣ совершается поворотъ въ экономической политикѣ государства: если осуществится проэктъ [1]) министра государственныхъ имуществъ о предоставленіи крестьянамъ сѣверныхъ губерній брать на разработку участки казенныхъ земель, то при правильной постановкѣ этого дѣла бытъ крестьянскаго населенія значительно улучшится. Правда, благодаря долговременному дѣйствію стѣснительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ свободы передвиженія крестьянскаго населенія, мѣстами и на сѣверѣ образовались такіе густо населенные оазисы, въ которыхъ давно уже заняты крестьянами всѣ удобныя земли, а между тѣмъ послѣднихъ такъ мало, что ихъ уже не хватаетъ для всего населенія. Единственное средство облегчить положеніе подобныхъ исключительныхъ мѣстностей—выселеніе части жителей, при томъ, разумѣется, непремѣнномъ условіи, чтобы земли ушедшихъ равномѣрно распредѣлены были между оставшимися и выселилась, дѣйствительно, бѣднѣйшая часть населенія. Понятно, что такая постановка дѣла возможна только при содѣйствіи государства; такъ какъ подобныхъ исключительныхъ мѣстностей немного, при томъ же почти всегда можно найти свободныя земли, не выходя за предѣлы того же уѣзда, то и средства для содѣйствія переселенцамъ потребовались бы очень небольшія. То же самое можно сказать и относительно Уфимской губерніи. Не смотря на широкую практику расхищенія казенныхъ и башкирскихъ земель, ихъ все-таки еще такъ много осталось въ губерніи, что мѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, жителямъ на очень долгое время не предстоитъ еще никакой надобности въ переселеніи [2]). Гораздо

[1]) Писано ранѣе изданія послѣднихъ правилъ, регулирующихъ этотъ вопросъ.

[2]) Въ общей площади губерніи считается земель:

крестьянскихъ	12,14%	
казенныхъ	6,81	63,34%
башкирскихъ	56,53	

т. е. тѣхъ и другихъ слишкомъ *впятеро* больше, чѣмъ крестьянскихъ.

(Янсонъ, Сравн. Стат. т. II, стр. 101, 148, 169).

меньше свободныхъ земель въ Самарской губерніи; но и здѣсь переселенія происходятъ частью изъ такихъ мѣстностей, гдѣ расположены обширныя казенныя оброчныя статьи, занятыя крупными купеческими хозяйствами. Предоставленіе этихъ оброчныхъ статей въ арендное содержаніе сосѣднихъ крестьянскихъ обществъ устранило бы для послѣднихъ всякіе поводы къ переселенію. Вообще же переселенія изъ Самарской губерніи такъ незначительны, что даже тамъ, гдѣ по сосѣдству нѣтъ свободныхъ земель, содѣйствіе переселенцамъ не потребовало бы особенныхъ пожертвованій со стороны государства.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло въ средней черноземной полосѣ[1]). Казенныхъ земель здѣсь большею частью вовсе нѣтъ, а если и есть кое-гдѣ, то очень мало. Вся масса земель этой полосы принадлежитъ или крестьянскимъ обществамъ, или личнымъ собственникамъ. Но при этомъ въ разныхъ частяхъ разсматриваемой полосы густота крестьянскаго населенія неодинаковая. Мѣстами оно такъ скучено, что на большое разстояніе тянутся однѣ только крестьянскія земли. Понятно, что при общемъ крестьянскомъ малоземельѣ здѣсь и не можетъ быть никакого иного средства для уменьшенія тѣсноты, кромѣ выселенія части жителей; поэтому переселеніе изъ подобныхъ исключительныхъ мѣстностей въ многоземельныя губерніи представляетъ весьма раціональный способъ улучшенія быта какъ переселенцевъ, такъ и остальныхъ жителей, разумѣется, если и тѣмъ и другимъ дана будетъ возможность воспользоваться плодами переселеній. Для этого также не нужно большихъ матеріальныхъ затратъ, потому что мѣстностей съ такимъ исключительнымъ перенаселеніемъ очень немного. Въ громадной части изслѣдуемой полосы крестьянскіе надѣлы чередуются съ землями частныхъ собственниковъ. Что можно сдѣлать здѣсь для устраненія крестьянскаго малоземелья? Народная инипіатива нашла тутъ выходъ въ переселеніяхъ, — не слѣдуетъ ли государству придти имъ на помощь, такъ какъ предоставленныя самимъ себѣ, они безсильны разрѣшить выдвинутыя современною крестьянскою жизнью задачи? Подобная законодательная мѣра не

---

[1]) Я не включилъ сюда губерній промышленнаго района, такъ какъ выселенія изъ послѣдняго черезъ чуръ незначительны. Впрочемъ, въ существѣ поземельныя отношенія здѣсь совершенно тѣ-же, что и въ средней черноземной полосѣ, такъ что все послѣдующее съ одинаковымъ правомъ можетъ быть распространено и на центральный промышленный районъ.

заключала бы въ себѣ никакого новшества, а была бы только возвращеніемъ къ старымъ порядкамъ, установленнымъ для государственныхъ крестьянъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ царствованіе императора Николая, стало быть, не заключающимъ въ себѣ ничего противнаго духу русскихъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, въ принципѣ къ осуществленію подобной мѣры не можетъ быть никакихъ препятствій; но мыслима ли она въ настоящее время практически? Мы видѣли въ 1883 году, какое множество явилось охотниковъ переселиться съ правительственною помощью на Амуръ, когда рѣшено было ежегодно перевозить туда моремъ всего лишь только по 250 семей изъ Черниговской губерніи. Къ начальству стали являться уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ не только Черниговской, но также сосѣднихъ Могилевской и Полтавской губ.; изъ одного только Константиноградскаго уѣзда отправлено было на 4,000 руб. телеграммъ на Амуръ. И все это по поводу незначительнаго частнаго распоряженія! Можно себѣ представить, какая масса народа пожелала бы воспользоваться правительственнымъ содѣйствіемъ, если бы оно явилось мѣрою общегосударственною. И дѣйствительно, судя по разсказамъ переселенцевъ, желаніе переселиться сдѣлалось всеобщимъ, но множество крестьянъ остается на мѣстѣ по неимѣнію средствъ на переселеніе, все это—несомнѣнные претенденты на государственную помощь, еслибы когда либо предположено было оказывать ее переселенцамъ. И это совершенно понятно: только выселенія въ широкихъ размѣрахъ способны были бы устранить существующую тѣсноту въ землѣ. Такъ именно смотрятъ на дѣло крестьяне; выше мы уже сообщали, какія надежды возлагали крестьяне на дѣятельность свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы упомянули, носились слухи, что переселенія будутъ совершаться при помощи казны, *по жребію* — такъ велика, стало быть, по собственному сознанію крестьянъ, потребность въ переселеніи; переселенія въ ограниченныхъ размѣрахъ, очевидно, никого не удовлетворили бы и ничего не поправили бы. Судя по разсказамъ переселенцевъ, возвышеніе экономическаго уровня населенія замѣчается уже при сокращеніи послѣдняго на 20%. Но не трудно видѣть, что подобное улучшеніе не болѣе какъ паллиативъ, дѣйствіе котораго не далѣе чѣмъ въ два десятилѣтія будетъ совершенно нейтрализовано естественнымъ ростомъ народо-

населенія [1]). Такимъ образомъ, выселить въ Сибирь одну пятую часть населенія средней черноземной полосы значило бы потратить массу средствъ не для того, чтобы рѣшить вопросъ, а для того только, чтобы его отсрочить. Чтобы произвести прочное улучшеніе, хотя до нѣкоторой степени приближающееся къ тому идеалу, о которомъ мечтаетъ крестьянская масса, потребовалось бы переселеніе чуть ли не половины всѣхъ наличныхъ жителей средней черноземной полосы. Не говоря уже о средствахъ, мнѣ кажется, о подобномъ переселеніи милліоновъ народа [2]) въ короткій срокъ—и разсуждать серьезно нельзя; если же разсрочить эту операцію на много лѣтъ, тогда придется переселить въ Сибирь уже не половину, а чуть-чуть не всю Россію, ибо населеніе вѣдь постоянно увеличивается. Мы видимъ изъ этого, что переселенія, при надлежащемъ ихъ руководствѣ, наряду съ другими государственными мѣрами, дѣйствительно способны серьезно улучшить бытъ крестьянства на нашихъ обильныхъ землею окраинахъ. Но въ громадной части средней черноземной полосы переселенія, какъ мѣра для общаго поднятія экономическаго уровня всей массы на-

---

[1]) Въ промежутокъ отъ X ревизіи (1858 г.) по 1880—82 гг. населеніе слѣдующихъ уѣздовъ возрасло въ такой пропорціи:

Борисоглѣбскаго	на	44%
Моршанскаго	„	22 „
Данковскаго	„	24 „
Раненбургскаго	„	28 „
Скопинскаго	„	41 „

(Сб. ст. свѣд. по Тамб. губ. т. I и III; Сб. ст. свѣд. по Ряз. губ. т. II, вып. I—III.

[2]) Точное опредѣленіе числа крестьянъ, переселеніе которыхъ безусловно необходимо, могло бы составить предметъ особаго изслѣдованія, которое совершенно не входитъ въ задачу настоящей статьи, но для иллюстраціи моихъ положеній привожу нѣкоторыя цифровыя данныя, какія удалось мнѣ найти въ готовомъ видѣ въ нашей періодической печати. Г. Лобачевскій, разбирая вопросъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, сообщаетъ цифры, опредѣляющія нужду крестьянъ въ землѣ въ восьми губерніяхъ средней полосы Россіи: Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской, Рязанской, Пензенской, Тульской и Калужской;—за исключеніемъ послѣдней, все это губерніи съ наибольшимъ развитіемъ переселеній. Выдѣляя въ особыя группы черноземныя и нечерноземныя части этихъ губерній, онъ приходитъ къ тому заключенію, что изъ нечерноземныхъ частей переселенія во всякомъ случаѣ неизбѣжны, такъ какъ нужда въ землѣ здѣсь почти вдвое превышаетъ все наличное пространство земель, не принадлежащихъ крестьянамъ. Для черноземной же части, говоритъ онъ, „земель для продовольствія еще хватитъ: кромѣ крестьянскихъ, тамъ еще 8.661,247 дес., при-

селенія, представляются совершенно неосуществимой утопіей; такимъ образомъ для главнаго очага современнаго переселенческаго движенія выводы наши сохраняютъ полную силу. Сгруппируемъ-же въ заключеніе тѣ основныя положенія, къ которымъ насъ привело настоящее изслѣдованіе.

Неудовлетворительное экономическое положеніе крестьянскаго населенія, обусловливаемое малоземельемъ, породило цѣлое „романтическое [1])“ направленіе народной мысли, упорно державшееся въ народной средѣ въ теченіе двухъ десятилѣтій, протекшихъ со времени 19 февраля 1861 года. Но въ самые послѣдніе годы въ нѣкоторой части крестьянской массы стало пробуждаться скептическое отношеніе къ прежнимъ чаяніямъ и легендамъ. Утративши вѣру въ близкое ихъ осуществленіе, скептики пришли къ тому заключенію, что нужно самимъ изыскать пути для улучшенія своего положенія, не дожидаясь покуда такое улучшеніе придетъ извнѣ. Пробудившаяся крестьянская иниціатива нашла себѣ выходъ въ переселеніяхъ, которыя съ 1881 года становятся массовымъ народнымъ движеніемъ. Кромѣ тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ непосредственное участіе, стремленіе переселиться охватило теперь множество крестьянъ, остающихся на родинѣ. Можно сказать, что переселенческое движеніе получило въ настоящее время стихійный характеръ: люди идутъ безъ средствъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ представленій объ ожидающей ихъ жизни, почти наугадъ. Но изъ всей этой массы народа шансы добраться до мѣста и устроиться впослѣдствіи самостоятельнымъ хозяйствомъ

надлежащихъ личнымъ землевладѣльцамъ, государству, церкви и проч.“, потребность же въ землѣ опредѣляется цифрою 8,721,954 дес. Всего же, какъ въ черноземныхъ такъ и въ нечерноземныхъ частяхъ перечисленныхъ губ., крестьянамъ недостаетъ 17,124,321 дес. („По поводу вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ“, „Отеч. Зап.“ 1883 г. № 4, стр. 178). Между тѣмъ казенныхъ земель въ этихъ губерніяхъ всего 1,685,161 дес. (Янсонъ, Сравн. Стат. т. II, стр. 100—101), т. е. едва одна десятая часть того, что нужно. Если взять отношеніе всей остальной недостающей земли къ пространству крестьянскаго землевладѣнія въ этихъ губерніяхъ (тамъ же, стр. 148), то окажется, что необходимое увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія простирается до 84% наличной его площади. Чтобы достигнуть такого увеличенія путемъ переселеній, надо, стало быть, выселить въ Сибирь около 45% всего числа жителей этихъ губерній, т. е. свыше 2,600,000 душъ обоего пола! (Численность всего населенія этихъ губерній по свѣдѣніямъ г. Лобачевскаго составляетъ 5,830,408 душъ об. пола).

[1]) Заимствую выраженіе у г. Златовратскаго.

имѣютъ только домохозяева средняго достатка, изъ среды которыхъ и вербуется большинство переселенцевъ; положеніе остальнаго неимущаго меньшинства крайне шатко даже въ пути. По прибытіи на мѣсто требуется много упорнаго труда и усилій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы выбиться изъ положенія пролетарія въ настоящіе хозяева; и чѣмъ дальше, тѣмъ это будетъ становиться затруднительнѣе даже для тѣхъ крестьянъ, которые на родинѣ пользовались среднимъ достаткомъ, не говоря уже о круглыхъ бѣднякахъ. Въ виду этого можно предсказать, что по мѣрѣ того какъ переселенія перестанутъ оправдывать надежду крестьянъ на быстрое поправленіе ихъ обстоятельствъ, нынѣшняя переселенческая горячка начнетъ мало-по-малу утихать. Съ другой стороны, выселенія не только не облегчаютъ положенія остающихся на старомъ мѣстѣ, но еще обостряютъ здѣсь экономическое неравенство, такъ что, при настоящей интенсивности переселенческаго движенія, съ дальнѣйшимъ ходомъ его для очень многихъ бѣднѣйшихъ крестьянъ переселеніе сдѣлается вовсе недоступнымъ. Между тѣмъ разъ начавшаяся работа народной мысли не можетъ остановиться. Августѣйшія слова Монарха, сказанныя съ высоты престола, несомнѣнно также окажутъ вразумляющее дѣйствіе на умы народа, и трезвое отношеніе ко всякимъ вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ будетъ все болѣе разливаться въ крестьянской массѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все будетъ рости въ народѣ стремленіе къ самопомощи, вылившееся въ настоящее время въ форму переселеній. Такимъ образомъ, съ одной стороны трезвый взглядъ на вещи и потребность въ самопомощи будутъ все болѣе распространяться въ массѣ; съ другой стороны переселенія чѣмъ дальше, тѣмъ все менѣе будутъ оправдывать возлагаемыя на нихъ надежды и все недоступнѣе будутъ дѣлаться маломощнымъ крестьянамъ,— соціально-экономическое противорѣчіе, изъ котораго можно заключить, что переселенія составляютъ только преходящую форму пробуждающейся народной иниціативы. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ такого напряженнаго стремленія въ Сибирь, за это время переселится туда еще нѣсколько сотенъ тысячъ крестьянъ средняго достатка,—но это нисколько не улучшитъ положенія остальныхъ бѣдняковъ. Что сдѣлаютъ эти послѣдніе въ средней черноземной полосѣ, гдѣ главное занятіе жителей земледѣліе, гдѣ промыслы очень мало распространены среди крестьянъ, гдѣ фабрики, заводы, шахты и т. п. капиталистическія предпріятія даютъ занятіе крайне

8*

незначительному числу рабочихъ рукъ,—какой выходъ изъ своего положенія придумаетъ бѣднѣйшая часть земледѣльческаго населенія, когда она проникнется сознаніемъ, что законы существуютъ для охраненія не одной только крестьянской, но и всякой вообще собственности, и когда переселенія, по указаннымъ причинамъ, потеряютъ свое обаяніе? Вотъ вопросъ, который загадкой сфинкса стоитъ передъ нашимъ поколѣніемъ.

Приложеніе I.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.

Обзоръ литературы по переселенческому вопросу.

Познакомившись съ настоящимъ изслѣдованіемъ въ его цѣломъ, нельзя не замѣтить, что важнѣйшимъ пунктомъ—центромъ тяжести изслѣдованія представляется вопросъ: къ какой экономической группѣ принадлежатъ переселенцы? Если отвергнуть высказанный выше взглядъ на этотъ предметъ, то, естественно, сами собою отпадутъ и всѣ выводы, построенные на немъ, о значеніи переселеній для осѣдлаго населенія, о дальнѣйшей судьбѣ переселеній и проч. Поэтому мы считаемъ необходимымъ остановиться на существующихъ литературныхъ мнѣніяхъ по этому вопросу.

I.

Изслѣдователь переселеній изъ Рязанской губ. г. Григорьевъ, въ первоначальномъ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію, категорически высказалъ взглядъ, прямо противоположный нашему. По его мнѣнію, домохозяева, вышедшіе на переселеніе изъ изслѣдованнаго района Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ, поставлены были въ худшее экономическое положеніе „сравнительно съ оставшимися той же волости“, того же разряда или района (Докл. стр. 18). Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ сопоставленіемъ данныхъ объ арендѣ, рабочемъ инвентарѣ, отхожихъ заработкахъ и средствахъ, забранныхъ переселенцами. Большій % выселеній у бывшихъ государственныхъ, нежели у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, свидѣтельствуетъ, правда, въ противоположномъ смыслѣ. Но преобладаніе это, думаетъ авторъ, только численное, абсолютное, а не относительное, и вполнѣ объяснимо съ одной стороны, преобладаніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ числѣ всего населенія изслѣдованнаго района, съ другой же—присущими бывшимъ государственнымъ крестьянамъ переселенческими традиціями, облегчающими для нихъ переселенія: „у нихъ были въ разныхъ мѣстахъ родные и односельцы, дававшіе имъ извѣстія о новыхъ земляхъ, тогда какъ ничего сходнаго

съ подобными переселенческими традиціями не могло быть у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, прикрѣпленныхъ къ мѣстамъ своего жительства до 1861 года" (стр. 25). Кромѣ этой основной исторической причины оказываются, впрочемъ, и второстепенныя, въ числѣ которыхъ авторъ указываетъ между прочимъ на лучшія платежныя условія у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; роль этихъ условій выяснена нами выше, причемъ это преимущество мы приводили, какъ доводъ въ пользу воззрѣнія прямо противоположнаго.

Въ слѣдующемъ своемъ трудѣ [1]) авторъ уже высказывается гораздо менѣе рѣшительно. Прежде всего преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ среди переселенцевъ оказывается не только абсолютнымъ, но и относительнымъ, тогда какъ по первоначальнымъ изслѣдованіямъ относительное преобладаніе замѣчалось за бывшими помѣщичьими крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ массу данныхъ, свидѣтельствующихъ о лучшихъ имущественныхъ условіяхъ переселенцевъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ, напр. въ отношеніи количества рабочаго скота и т. п. Данныя эти, очевидно, должны были поколебать прежній взглядъ автора и заставили его высказаться гораздо осторожнѣе по этому вопросу. Не отрицая, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія говорятъ какъ будто въ пользу предположенія о большей имущественной обезпеченности переселенцевъ въ сравненіи съ ихъ осѣдлыми земляками, авторъ въ концѣ концовъ заключаетъ, что главной побудительной причиной переселенческаго движенія является; *„нужда во всѣхъ ея видахъ"* (стр. 51);—„причина же выселенія изъ цѣлыхъ районовъ находится въ весьма малой зависимости отъ ихъ земельныхъ условій и достатка ихъ населенія" (стр. 86).

Не останавливаясь на нѣкоторой противорѣчивости этого вывода, постараемся объяснить себѣ причину этихъ колебаній во взглядѣ автора на переселенія. Колебанія эти, по нашему мнѣнію, весьма удовлетворительно объясняются усвоенными имъ пріемами изслѣдованія, которые, по нашему мнѣнію, едва ли могутъ быть признаны правильными. Детальная статистика для практическихъ цѣлей (напр., для удовлетворительной раскладки земскихъ сборовъ) весьма существенно отличается отъ детальной статистики, какъ матеріала для научно-экономическихъ выводовъ. Статистику-практику, разумѣется, необходимо знать въ точности, сколько безлошадныхъ дворовъ въ с. Бигильдинѣ и каковы причины выселенія изъ этого именно села. Статистикѣ же, какъ наукѣ, до с. Бигильдина

[1]) „Переселенія крестьянъ Рязанской губ."

an und für sich рѣшительно никакого дѣла нѣтъ. Статистика, какъ наука, имѣетъ дѣло только съ большими числами и ея законы справедливы только какъ законы большихъ чиселъ. Детальный способъ мѣстнаго изслѣдованія важенъ для нея лишь по-стольку, по-скольку онъ гарантируетъ безусловную достовѣрность дробныхъ цифръ, изъ которыхъ слагаются большія числа. Но если мы вздумаемъ эти послѣднія дробить на мельчайшіе элементы, то самые очевидные выводы утратятъ свою ясность. Это смѣшеніе научныхъ пріемовъ съ практическими при обработкѣ детальныхъ данныхъ тѣмъ болѣе можно поставить въ упрекъ г. Григорьеву, что, какъ мы указали выше (см. предисловіе), его детальныя данныя далеко не обладаютъ полною достовѣрностію. Въ большихъ числахъ отдѣльныя уклоненія отъ истины, разумѣется, взаимно погашаются и такимъ образомъ обнаруживается дѣйствительный характеръ явленія. Но какую цѣну могутъ имѣть такіе напр. процентные выводы, хотя бы и по цѣлому уѣзду (Скопинскому), о распредѣленіи, по количеству взятыхъ съ собою средствъ, переселенцевъ изъ разряда „четвертныхъ“:

Взяли съ собою.		Число.	%.
Отъ	50—150	1	11
„	150—300	1	11
„	300—800	5	56
Свыше	800	2	22
Итого	—	9	100

(стр. 46 ср. также стр. 31—32, 57).

Намъ думается, что подобные „проценты“, выведенные изъ наблюденія всего только *девяти* случаевъ, составляютъ не болѣе, какъ ариѳметическое упражненіе. Обиліе подобныхъ упражненій было причиною неправильныхъ выводовъ автора въ первоначальномъ докладѣ и сбивчивости заключеній, къ какимъ пришелъ онъ въ своемъ большомъ трудѣ. Въ дальнѣйшемъ обзорѣ, мы будемъ пользоваться только общими итогами по всему району, прибѣгая къ поуѣзднымъ цифрамъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

II.

Сравненіе имущественнаго положенія переселенцевъ съ достатками наличнаго населенія трехъ уѣздовъ Рязанской губерніи, изслѣдованныхъ г. Григорьевымъ, подтверждаетъ сдѣланное нами наблюденіе, что переселяются не бѣднѣйшіе члены деревни. Прослѣдимъ это явленіе по отдѣльнымъ его признакамъ.

Основу всякаго крестьянскаго домохозяйства составляетъ его рабочая сила. Начинаемъ поэтому съ распредѣленія наличнаго населенія и переселенцевъ по рабочему составу:

% семей.	Наличн.			Пересел.	
Безъ взрослыхъ рабочихъ.	6		>	1,8	
Съ 1 работникомъ . . .	40	87	<	42,2	92,2
Отъ 1—2 „ . . .	32			34	
„ 2—3 „ . . .	15			16	
Сверхъ 3 „ . . .	7		>	6	
	100			100 (стр. 53).	

Легко замѣтить, что среди переселенцевъ преобладаютъ всѣ категоріи рабочаго населенія, за исключеніемъ наиболѣе обширныхъ семей, которыхъ среди переселенцевъ нѣсколько менѣе, и семей безрабочихъ или малорабочихъ, которыхъ *слишкомъ втрое* менѣе, нежели во всемъ вообще населеніи. Къ какому же выводу приводятъ эти цифры г. Григорьева? „Главная масса переселенческихъ дворовъ отправилась на новыя мѣста съ 1-мъ работникомъ;.... больше $^3/_4$ имѣли одного-двухъ рабочихъ или одного работника съ полуработниками, группы же переселенцевъ съ *болѣе выгоднымъ* составомъ включаютъ въ себѣ *немного болѣе* $^1/_5$ (22%) всѣхъ переселенцевъ" (стр. 54). Въ этомъ замѣчаніи какъ будто сквозитъ указаніе на неудовлетворительность рабочаго состава переселенче-

скихъ семей. Но если обратить вниманіе на то обстоятельство, что „группы съ болѣе выгоднымъ составомъ“ заключаютъ въ себѣ тѣ же 22% и всего вообще населенія мѣстности, то едва-ли мы вправѣ будемъ сдѣлать отсюда какой-либо иной выводъ, кромѣ того, что въ изслѣдуемой мѣстности, благодаря раздѣламъ, въ огромномъ большинствѣ преобладаютъ небольшія семьи. Что же касается до переселенцевъ, то составъ ихъ дворовъ весьма близокъ къ составу рабочей силы у наличнаго населенія (стр. 54), а если наблюдается какая-либо разница, то скорѣе въ пользу переселенцевъ; и здѣсь уже можно подмѣтить—хотя и слабо выраженное преобладаніе среднихъ группъ въ разрядѣ переселенцевъ и крайнихъ группъ среди всего вообще населенія. Гораздо опредѣленнѣе выступаетъ та-же тенденція въ распредѣленіи по отдѣльнымъ дворамъ другого важнаго хозяйственнаго фактора—живаго рабочаго инвентаря:

Домохозяевъ.	Пересел.		Налич.
Безлошадныхъ	32	<	33
Съ 1 лошадью	38	>	28
„ 2 „	20	=	20
„ 3 и болѣе	10	<	19
(Стр. 48).	100		100.

Цифры обоихъ столбцовъ довольно ясно обнаруживаютъ преобладаніе среднихъ группъ въ разрядѣ переселенцевъ и преобладаніе крайнихъ во всемъ остальномъ населеніи;—иными словами, переселяются по преимуществу крестьяне *средняго* достатка; переселенія слабѣе на крайнихъ оконечностяхъ деревенской имущественной лѣстницы.

Тоже замѣчается при сравненіи районовъ выселеній съ остальною мѣстностью.

% домохозяевъ.	Бывшіе государствен.			Бывшіе помѣщичьи.			Тѣ и другіе.		
	Въ мѣстн. выселенія.		Въ остальн. районѣ.	Въ мѣстн. выселенія.		Въ остальн. районѣ.	Въ мѣстн. выселенія.		Въ остальн. районѣ.
Безлошадн.	32	<	34	36	=	36	33	<	35
Съ 1 лошад.	28	>	25	27	>	26	28	>	26
„ 2 „	21	=	21	20	=	20	21	>	20
„ 3 и болѣе	19	<	20	17	<	18	18	<	19.

(Стр. 82, 84).

Сравнимъ еще распредѣленіе скота у переселенцевъ и въ районѣ внѣ-переселенческомъ:

% домохозяевъ.	У переселенцевъ.		Въ остальн. районѣ.
Безлошадныхъ.	32	<	35
Съ 1 лошадью.	38	>	26
„ 2 „	20	=	20
„ 3 и болѣе.	10	<	19 [1]).

Такимъ образомъ, наиболѣе дѣятельное участіе въ движеніи принимаютъ *среднія* группы съ 1 — 2 лошадьми. „*Экономическая сила средняго переселенческаго двора*, — узнаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — *почти одинакова во всѣхъ разрядахъ* и выражается 22 головами крупнаго скота на 10 дворовъ, тогда какъ достатокъ средняго наличнаго двора у разныхъ категорій крестьянъ подверженъ значительнымъ колебаніямъ“ (стр. 49). Иными словами: экономическій достатокъ средняго переселенца есть *величина постоянная*. Правда, *средняя* экономическая сила переселенческаго двора ниже *средней* наличнаго двора; но оно такъ и должно быть, если принять во вниманіе меньшее участіе въ переселеніяхъ высшаго имущественнаго слоя деревни. Само собою разумѣется также, что „чѣмъ зажиточнѣе крестьяне, тѣмъ *относительно* менѣе достаточные переселенцы выходятъ изъ среды ихъ“; т. е. изъ *бѣднѣйшихъ* разрядовъ выселяются относительно *болѣе достаточные*, изъ *сильнѣйшихъ—менѣе зажиточные*, иными словами, вообще выселяется *средняя* группа.

Ознакомившись съ живою силою крестьянскаго двора, мы необходимо задаемъ себѣ вопросъ: есть-ли поле для ея приложенія? Сравненіе размѣровъ землепользованія у переселенцевъ и наличнаго населенія приводитъ къ заключенію, что „непремѣннымъ условіемъ выхода на новыя земли является несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ“ (стр. 57). А это условіе создается отсутствіемъ коренныхъ передѣловъ (стр. 63). Но, приведя въ связь условія землепользованія съ прочими сторонами хозяйственнаго быта, не трудно ви-

---

[1]) Авторъ сообщаетъ еще, что во всѣхъ трехъ уѣздахъ „9% всѣхъ переселенцевъ вовсе не вели на родинѣ земледѣльческаго хозяйства, а сдавали свой надѣлъ сосѣдямъ, не имѣя силъ уплатить за обработку его въ свою пользу“, (стр. 51). Но принявъ во вниманіе, что указанная категорія во всемъ вообще районѣ изслѣдованія составляетъ 10% населенія, въ общинахъ не принявшихъ участія въ движеніи—11%, въ мѣстности же выселенія тѣ-же 9% (см. Сборн. Стат. Свѣд. по Ряз. губ. т. II, вып. 1—3),—нельзя не придти къ тому заключенію, что и въ этомъ отношеніи переселенцы поставлены если не въ лучшія, то по крайней мѣрѣ, въ *среднія* въ данной мѣстности условія.

дѣть, что несоотвѣтствіе надѣла съ рабочими силами не находится въ связи со степенью хозяйственнаго достатка, но обусловливается единственно неодинаковыми измѣненіями рабочаго состава въ отдѣльныхъ семьяхъ. Несоотвѣтствіе земли съ рабочими силами можетъ ощущаться и въ богатой и въ бѣдной семьѣ [1]). Оставляемъ въ сторонѣ размѣры аренды. Замѣчается, правда, нѣкоторая, весьма незначительная, разница въ размѣрахъ аренды къ невыгодѣ переселенческаго района. Но аренда, какъ мы видѣли, составляетъ въ настоящее время привилегію лишь наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ (около $^1/_4$ всѣхъ дворовъ въ изслѣдуемомъ районѣ [2]). Поэтому размѣрами аренды опредѣляется лишь число такихъ домохозяевъ какъ среди переселенцевъ, такъ и среднихъ односельцевъ: среди послѣднихъ % арендаторовъ и степень ихъ достатка оказываются выше, чѣмъ среди переселенцевъ. Это заключеніе вполнѣ согласно съ нашимъ выводомъ, что переселенцы принадлежатъ по преимуществу къ типу *среднихъ* домохозяевъ, деревенскіе же „богачи" составляютъ среди нихъ меньшинство [3]).

Взглянемъ еще на процентное распредѣленіе переселенцевъ по количеству денегъ, забранныхъ ими въ дорогу:

	Бывш. Государственные.			Бывшие помѣщичьи.
Взяли съ собою.	Душевые.	Четвертные.	И тѣ, и др.	
I. Менѣе . . . 50 руб.	22	11	18	27
II. Отъ 50—150 „	42 } 59	35	38 } 60	38 } 60
III. „ 150—300 „	17	30	22	22
IV. Свыше . . 300 „	19	24	22	13

(Стр. 45).

---

[1]) „Идетъ въ Томскую губернію крестьянинъ с. Буховаго Раненбургскаго уѣзда; *семья его изъ 10 человѣкъ, съ собою взяли 500 руб.* Про него говорятъ: *„кредитный былъ человѣкъ,* да *земли только на одну душу,* ну и пошелъ". „Изъ с. Колыбельскаго уходитъ на вольныя земли *богачъ-тысячникъ*: „ребятъ, говорятъ, на вольныя земли повелъ: *5 работникамъ на 10 десятинахъ дѣлать нечего*". „Изъ Просѣчья ушелъ крестьянинъ: *„жилъ не плохо, съ собой взялъ 400 руб., да на 1 душѣ впятеромъ житье тяжелое*". (стр. 40—41).

[2]) Стр. 61—62.

[3]) Мы не касаемся здѣсь вопроса о внѣ-надѣльныхъ занятіяхъ рабочаго населенія, въ частности объ отхожихъ промыслахъ, въ виду неустойчивости выводовъ по обозрѣваемому району. По всѣмъ тремъ уѣздамъ, вмѣстѣ взятымъ, наблюдаются слѣдующіе %% рабочихъ уходящихъ на сторону:

Въ наличномъ населеніи. 29%
Среди переселенцевъ . . . . 27% (стр. 69).

Прежде всего бросается въ глаза, что „процентныя отношенія II и III группъ въ обоихъ разрядахъ совершенно одинаковы". Обращаемъ вниманіе также на почти одинаковый % среднихъ группъ въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ (60% и 59%). Такое постоянство процентовъ по всѣмъ разрядамъ замѣчается только для комбинаціи двухъ среднихъ группъ, тогда какъ всякая другая даетъ весьма рѣзкія колебанія. Это указываетъ, въ связи съ предыдущими данными, на существованіе такого средняго типа, къ которому принадлежатъ 3/5 всѣхъ переселенцевъ; уклоненія отъ этой постоянной величины въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ, менѣе достаточныхъ, естественно направлены внизъ, въ сторону бѣднѣйшаго разряда, въ разрядѣ же бывшихъ государственныхъ—вверхъ, въ сторону наиболѣе обезпеченныхъ.

Но цифры эти, вполнѣ согласныя съ приводимымъ нами взглядомъ, испытываютъ слишкомъ рѣзкія колебанія по отдѣльнымъ уѣздамъ для того, чтобы можно было основать на нихъ тотъ или другой выводъ.

III.

Всѣ приведенныя цифры заимствованы изъ труда г. Григорьева. Какъ же примиряетъ ихъ авторъ съ высказаннымъ имъ взглядомъ на переселенія, какъ на явленіе, хотя и вызываемое „нуждою *во всѣхъ* ея видахъ“, но не обусловливаемое ни однимъ изъ видовъ ея въ особенности?

Болѣе выгодныя экономическія условія района выселеній, по сравненію съ остальною мѣстностью, авторъ объясняетъ исключительно вліяніемъ поразряднаго распредѣленія переселенцевъ и переселенческихъ общинъ: преобладаніе въ переселенческомъ движеніи общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, болѣе достаточныхъ, сообщаетъ свою окраску всему движенію. Внутри же отдѣльныхъ разрядовъ, существенной разницы въ экономическихъ условіяхъ между районами выселеній и мѣстностями внѣ-переселенческими не замѣчается.

Выше мы видѣли, что оба района слѣдуютъ тому же закону распредѣленія экономическихъ группъ внутри отдѣльныхъ разрядовъ, какъ и во всѣхъ изслѣдованныхъ уѣздахъ безъ различія разрядовъ. Но допустимъ даже, что статистическія данныя подтверждали бы выводъ автора: чѣмъ же объяснить тогда преобладаніе въ движеніи бывшихъ государственныхъ крестьянъ, если не лучшими экономическими условіями? Историческимъ ходомъ переселенческаго движенія, отвѣчаетъ авторъ: до 1861 года въ переселенческомъ движеніи, при существованіи крѣпостнаго права, могли участвовать одни только государственные крестьяне, у которыхъ, благодаря этому, сложились извѣстныя переселенческія традиціи и связи съ мѣстами колонизаціи, отсутствующія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Оттого-то, думаетъ авторъ, меньшій процентъ общинъ послѣдняго разряда принялъ участіе въ движеніи, чѣмъ обусловливается и меньшій % выселеній въ этомъ разрядѣ (стр. 78). Между тѣмъ по-общинный % выселеній въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ даже выше, нежели среди бывшихъ государственныхъ (стр. 31).

Но соображеніе это на слѣдующей же страницѣ ограничивается самимъ авторомъ: „въ 28 общинахъ въ теченіи послѣдняго шестилѣтія выселе-

лось болѣе $^1/_5$ ихъ населенія; 8 изъ нихъ выдѣлило болѣе чѣмъ по 30 % душъ обоего пола; если же добавить, что одна изъ восьми отдала движенію слишкомъ половину своего населенія (53 %), да еще одна вышла въ полномъ составѣ, то можетъ явиться представленіе о какомъ-то массовомъ движеніи изъ нѣкоторыхъ частей разсматриваемаго района. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: *всѣ упомянутыя 9 общинъ крайне мелки* и довольно было напр. одной изъ нихъ выдѣлить на вольныя мѣста лишь 1 семью въ 8 душъ обоего пола, чтобы % выселеній изъ нея сталъ равнымъ 53% (стр. 32).

Изъ приводимой таблицы [1]) читатель увидитъ, что средняя переселенческая община во всѣхъ уѣздахъ и во всѣхъ разрядахъ населеннѣе средней по уѣзду и разряду; иными словами, выселенія происходятъ изъ самыхъ населенныхъ общинъ (что вполнѣ естественно); очевидно, поэтому, что выводы, основанные на данныхъ о самыхъ мелкихъ общинахъ, далеко не характеристичны для изучаемаго явленія.

Сверхъ того изъ той же таблицы выясняется существенное отличіе способа разселенія крестьянъ обоихъ разрядовъ: бывшіе государственные крестьяне разселены въ незначительномъ числѣ большихъ общинъ, тогда какъ бывшіе помѣщичьи распредѣлены между большимъ числомъ маленькихъ общинъ. Естественно поэтому, что % выселеній кажется большимъ въ меньшихъ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и, наоборотъ, % общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, оказывается выше въ разрядѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, хотя на самомъ дѣлѣ явленіе имѣетъ обратный видъ: *число* общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вовлеченныхъ въ движеніе во всѣхъ уѣздахъ, значительно превышаетъ число переселенческихъ общинъ изъ разряда бывшихъ государственныхъ, а напротивъ того % выселеній изъ послѣдняго разряда

---

1)

	Во всемъ районѣ.		Въ мѣстности выселеній.		Въ среднемъ на 1 общину.	
	Общинъ.	Душъ.	Общинъ.	Душъ.	Во всемъ районѣ.	Въ мѣстн. выселен.
Раненбургскій уѣздъ:						
Бывшіе государственные. .	52	53,485	37	49,476	1,028	1,337
„ помѣщичьи. . . .	288	80,614	88	34,495	279	392
Данковскій уѣздъ:						
Бывшіе государственные. .	39	34,737	26	24,645	890	948
„ помѣщичьи. . . .	274	63,487	58	18,607	231	321
Скопинскій уѣздъ:						
Бывшіе государственные. .	87	103,257	37	66,942	1,187	1,809
„ помѣщичьи. . . .	207	39,867	15	3,267	192	218

(стр. 24, 29, 30).

повсюду значительно выше [1]). На этой-то предполагаемой „связи между размѣрами движенія и пространствомъ имъ охваченнымъ“, построено историческое объясненіе преобладанія бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ переселенческомъ движеніи.

Читатель видитъ, что эта попытка едва ли можетъ быть признана удачной: тоже явленіе столь же удовлетворительно объясняется географическимъ распредѣленіемъ населенія въ изслѣдованной мѣстности.

Чтобы окончательно устранить вліяніе историческихъ особенностей, сравнимъ % % выселеній въ разныхъ группахъ внутри разряда бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ крестьяне временно-обязанные (до 1882 г.) составляютъ болѣе зажиточную группу, нежели такъ называемые собственники, вышедшіе на выкупъ ранѣе послѣдняго указа; и % выселеній у первыхъ оказывается выше, чѣмъ у вторыхъ. Среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ числится:

	На 100 жителей.	На 100 переселенцевъ.	% выселеній.
Временно-обязанныхъ . . .	20	25	4
Собственниковъ на выкупъ.	78	72	3

---

[1]) Разряды:

	Переселенческія общины: Число.	%.	% выселеній.
Раненбургскій уѣздъ:			
Бывшіе государственные. . . .	37	71	9
„ помѣщичьи.	88	30	4
Всего по уѣзду. .	125	37	6
Данковскій уѣздъ:			
Бывшіе государственные. . . .	26	67	6
„ помѣщичьи.	58	21	2
Всего по уѣзду. .	84	23	4
Скопинскій уѣздъ:			
Бывшіе государственные. . . .	37	43	1
„ помѣщичьи.	15	7	0,6
Всего по уѣзду. .	52	18	0,6

Наконецъ, и самыя цифры въ группировкѣ автора не вполнѣ оправдываютъ заключенія его о „прямой связи размѣровъ движенія съ пространствомъ имъ охваченнымъ“ (стр. 30); расположивъ цифры въ той же таблицѣ по убывающему % выселеній, замѣчаемъ, что „измѣненія цифръ обоихъ рядовъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу“:

Уѣзды:	Разряды.	% Переселенч. общинъ.	% выселеній.
Раненбургскій	бывшіе помѣщичьи	30	4
Скопинскій	„ государственные. .	43	1
Данковскій	„ помѣщичьи	21	2

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что попытка историческаго объясненія переселенческаго движенія по меньшей мѣрѣ недостаточно обоснована. Изслѣдованія г. Григорьева подтверждаютъ то заключеніе, что переселяются по преимуществу не бѣднѣйшіе, а средніе члены деревенскаго міра. Правда, данныя по Рязанской губерніи недостаточно рельефно оттѣняютъ этотъ фактъ, выступающій гораздо рѣзче при изученіи переселеній въ Сибирь: изъ Рязанской губерніи выселяется значительный процентъ менѣе обезпеченныхъ крестьянъ, которые „не осиливая пути въ Сибирь, осѣдаютъ по дорогѣ въ болѣе близкомъ Оренбургскомъ краѣ“ (стр. 38). Но въ послѣднее шестилѣтіе (1877—1882 гг.) движеніе направляется почти исключительно въ Сибирь, переселенія же въ остальныя мѣста изъ Рязанской губерніи почти прекратились. Такимъ образомъ для послѣдняго времени явленія, характеризующія движеніе въ Сибирь, слѣдуетъ считать наиболѣе типичными.

IV.

Покончивъ съ отрицательною частью нашей работы, сгруппируемъ въ заключеніе тѣ положительныя указанія, какія имѣются въ богатомъ трудѣ г. Григорьева.

„Если нужда является сильнымъ стимуломъ къ переселеніямъ, то она же нерѣдко и задерживаетъ движеніе. Часто намъ приходилось встрѣчать довольно сильное стремленіе на вольныя земли и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма незначительное число ушедшихъ туда; причиной этому во многихъ случаяхъ являлась нужда, невозможность сбить необходимую сумму на дорогу и на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Это особенно часто встрѣчалось среди болѣе бѣдныхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ". „Пряды бы въ Томскую губернію, да не съ чѣмъ взяться"; „средствъ не хватаетъ"; „если и все продадимъ, то не уплатить долговъ съ податями: до Самары ли тутъ!" Эти и подобныя объясненія отсутствія переселеній или малаго числа ихъ очень часто приходилось слышать отъ крестьянъ... Крайне тяжелыя экономическія условія Карповской волости усиленно гнали крестьянъ на Самару, но многіе не могли найти покупателей на свое скромное имущество, а иные, распродавъ его, не въ силахъ были раздѣлаться съ долгами и уплатить недоимку [1]).

Въ самой бѣдной волости Раненбургскаго уѣзда (Карповской) въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 41 руб. 60 коп. недоимки; въ одной изъ общинъ этой волости (Б. Карповка) средній размѣръ недоимки на домохозяина—67 р. 90 к. У отдѣльныхъ крестьянъ размѣръ недоимки иногда доходитъ до 100 руб. и болѣе. Понятно, что такіе дворы, общины, волости почти лишены возможности идти на вольныя земли: общество безъ уплаты недоимки не отпуститъ, а уплатить ее, распродавъ имущество,— ничего не останется на дорогу. Дѣйствительно, трудность уплаты недоимки являлась въ нѣкоторыхъ общинахъ сильнымъ тормазомъ, переселенческаго движенія [2])".

---

[1]) Тамъ же, стр. 52.

[2]) Ib., стр. 70.

„Большая легкость выселеній изъ разрядовъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ зависитъ не только отъ большаго ихъ достатка сравнительно съ бывшими помѣщичьими, но и отъ меньшей обремененности платежами ихъ надѣльной земли, что даетъ имъ возможность безъ всякаго затрудненія передать свой надѣлъ обществу или отдѣльному домохозяину и даже получить за него нѣкоторую сумму денегъ на дорогу [1])“....

„*Разобранныя цифровыя данныя свидѣтельствуютъ о сравнительно большемъ достаткѣ именно тѣхъ разрядовъ крестьянъ, откуда вышелъ и большій процентъ переселенцевъ*.... Разнообразіе условій, влекущихъ въ переселенческое движеніе, дѣлаетъ участниками въ немъ не однихъ бѣдняковъ, но и домохозяевъ средняго достатка и даже вполнѣ зажиточныхъ; была даже намѣчена нормальная сила средняго переселенческаго двора, выражающаяся 2,2 головами крупнаго скота и мало измѣняющаяся у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Эта норма, вѣроятно, зависитъ отъ стремленія переселенца брать съ собой извѣстную сумму денегъ; не собравъ ея, крестьянинъ избѣгаетъ уходить въ далекую сторону. Правда, мы видѣли, что уходятъ въ Томскую губернію и менѣе чѣмъ съ 50 руб., и даже Христовымъ именемъ, но за то идутъ и „тысячники“, унося съ собою до 5000 руб.; *средняя же группа переселенцевъ.... составляетъ главное зерно движенія*, вмѣщая въ себѣ 60% всѣхъ выходцевъ. Мы видѣли также, что нужда, вызывая движеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ и задерживаетъ его.... Припомнивъ все это, станетъ ясно, что *болѣе достаточный разрядъ крестьянъ можетъ выдѣлить на переселеніе и большій % семей* [2])“.

---

[1]) Ib., стр. 76—77.
[2]) Ib., стр. 76.

V.

И такъ, справедливость нашего взгляда на личный составъ переселенческаго движенія находитъ себѣ подтвержденіе для одной изъ черноземныхъ губерній въ точныхъ данныхъ, собранныхъ земскими статистиками. Приведемъ еще нѣсколько краткихъ выдержекъ по тому-же вопросу изъ изслѣдованія о томъ-же предметѣ бывшаго вятскаго земскаго статистика г. Романова.

Крестьянское населеніе Вятской губерніи состоитъ почти исключительно изъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, — бывшіе помѣщичьи составляютъ здѣсь весьма ничтожный %; какъ и во всей Европейской Россіи, бывшіе государственные крестьяне поставлены здѣсь въ лучшія надѣльно-платежныя условія, нежели бывшіе удѣльные. Какъ и слѣдовало ожидать, оказывается, „что у удѣльныхъ крестьянъ выселенія въ послѣднія 20 лѣтъ были не такъ значительны, какъ у крестьянъ государственныхъ“ [1]).

Обращаясь къ вопросу о степени состоятельности крестьянскаго населенія губерніи къ платежу податей, мы узнаемъ, что „теперь въ Вятской губерніи, по нѣкоторымъ уѣздамъ имѣются цѣлыя группы волостей, гдѣ большинство крестьянъ находится въ постоянныхъ недоимкахъ и, какъ показываютъ статистическія данныя, изъ этихъ волостей выселенія или очень слабы, или вовсе не замѣтны (стр. 313)“. Крестьянскіе платежи въ этихъ мѣстностяхъ должны-бы составлять одну изъ важнѣйшихъ причинъ переселеній; но такъ какъ крестьяне уже втянулись въ неоплатныя недоимки, то теперь уже и не могутъ переселяться. Тѣ изъ нихъ, которые получаютъ позволеніе на переселеніе, составляютъ незначительное меньшинство, еще имѣющее средства платить подати (224). Тамъ-же, гдѣ происходятъ болѣе частыя выселенія, крестьяне отъ недоимокъ совершенно свободны, а если иногда и впадаютъ въ недоимки, то лишь вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ затрудненій [2]).

---

[1]) Переселенія и т. д., стр. 109.

[2]) Переселенія и т. д., стр. 219—227.

Перейдемъ теперь къ внѣ-надѣльнымъ занятіямъ переселенцевъ. Въ сѣверной полосѣ, какъ мы уже видѣли, кромѣ земледѣлія на собственномъ надѣлѣ, существуютъ только разные виды мѣстныхъ и отхожихъ неземледѣльческихъ заработковъ. Изъ числа первыхъ мы остановимся на кустарныхъ промыслахъ. Волости, окружающія г. Вятку извѣстны, какъ районъ наибольшаго въ губерніи распространенія кустарной промышленности. Населеніе здѣсь густое, надѣлы малы, почва неплодородная, лѣсныхъ пространствъ немного. Благодаря соединенію всѣхъ этихъ условій, земледѣльческое хозяйство въ означенныхъ волостяхъ не имѣетъ первостепеннаго значенія. И что-же? Размѣръ крестьянскихъ выселеній послѣ X ревизіи (1858 г.) въ этихъ волостяхъ почти вдвое ниже средняго въ Вятскомъ уѣздѣ [1]). Но гораздо болѣе, чѣмъ домашняя крестьянская промышленность, развиты въ Вятской губерніи отхожіе промыслы, которымъ здѣсь принадлежитъ весьма видное мѣсто въ занятіяхъ населенія; тѣмъ интереснѣе прослѣдить на такой губерніи зависимость между переселеніями и отхожими промыслами. Оказывается, что во всей Вятской губерніи, за немногими исключеніями, переселеній больше тамъ, гдѣ отхожіе промыслы менѣе распространены; если-же гдѣ и находимъ значительныя переселенія на ряду съ развитыми отхожими промыслами, то первыя совершаются не въ тѣ мѣстности, въ которыя крестьяне уходятъ на заработки. Это можно, впрочемъ, распространить, какъ общее правило, на всю губернію: вездѣ переселенія отличаются своимъ направленіемъ отъ отхожихъ промысловъ [2]). Очевидно изъ этого, что переселенческое и отхожее промысловое движенія представляютъ отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга общественныя движенія, производимыя различными классами крестьянскаго населенія Если иногда и совпадаютъ районы наибольшихъ выселеній и наибольшаго развитія отхожихъ промысловъ, то это можетъ служить указаніемъ лишь на общія неблагопріятныя условія, которыя гонятъ однихъ на переселеніе, а другихъ на заработки. „Крестьяне, постоянно и большую часть года занимающіеся отхожимъ промысломъ, переселяются относительно въ небольшомъ числѣ. Повидимому, они такъ свыкаются съ своею полуосѣдлою жизнью или такъ закабалены въ эту жизнь (послѣднее, по моему мнѣнію, вѣрнѣе), что не ищутъ или (скорѣе) не находятъ изъ нея выхода, не смотря на то, что домашнее хозяйство ихъ въ разстройствѣ и семья едва пропитывается“ (197).

---

[1]) Ib, стр 39—40.
[2]) Ib, 190—197.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекаетъ такое заключеніе: „въ настоящее время переселенія, можно сказать, наиболѣе доступны тѣмъ крестьянамъ, которые наименѣе въ нихъ нуждаются! Разумѣется, безъ особенной нужды крестьяне не переселяются и статистическія данныя показываютъ, что выселенія крестьянъ совершаются изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ уже имѣются для этого болѣе или менѣе уважительныя причины. Но тѣ-же статистическія данныя иногда обнаруживаютъ и такой фактъ, что выселеній совершается сравнительно мало въ мѣстностяхъ съ худшими для крестьянъ экономическими условіями и, наоборотъ,— сравнительно много выселяется крестьянъ изъ такихъ мѣстъ, условія которыхъ еще довольно удовлетворительны. Само собою разумѣется, что и въ каждой отдѣльно взятой мѣстности больше переселенцевъ бываетъ изъ среды состоятельныхъ крестьянъ и меньше изъ среды бѣдныхъ" (стр. 308). И такъ, бѣдность, которая должна бы служить самой настоятельной причиной, заставляющей крестьянъ переселяться, повсемѣстно на самомъ дѣлѣ оказывается однимъ изъ главныхъ препятствій для переселенія. Этотъ выводъ, подтверждаемый данными, собранными при помощи трехъ совершенно различныхъ пріемовъ и относящимися къ самымъ различнымъ областямъ Европейской Россіи, очевидно имѣетъ всеобщее значеніе и долженъ быть признанъ какъ установленный фактъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе II.

ОПЫТЪ ПРОГРАММЫ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ВЪ СИБИРЬ.

ОПЫТЪ ПРОГРАММЫ

для изслѣдованія крестьянскихъ переселеній въ Сибирь.

I. Бытъ переселенцевъ до выселенія.

1. Происхожденіе каждой семьи: губернія, уѣздъ, волость, село или деревня, общество.

2. Къ какому разряду принадлежитъ каждая семья: бывшихъ государственныхъ или бывшихъ помѣщичьихъ (собственниковъ на выкупѣ, полныхъ собственниковъ и проч.).

Въ этомъ отношеніи желательны наивозможная точность и подробность. Слѣдуетъ обратить вниманіе на число отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, которые, повидимому, представляютъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ переселенческаго движенія. Интересно выяснить причины такого явленія: съ одной стороны, солдаты поставлены въ болѣе выгодное положеніе по платежу налоговъ (свобода отъ подушной подати), а потому также имѣютъ возможность болѣе свободнаго передвиженія внутри государства по сравненію съ прочими крестьянами. Съ другой стороны, солдаты нерѣдко жалуются на стѣсненія со стороны міра въ пользованіи землею. Наконецъ, солдатъ-одиночка, не принадлежащій къ большой союзной семьѣ, вернувшись со службы, представляетъ обыкновенно круглаго пролетарія. Черты эти необходимо прослѣдить по всѣмъ главнѣйшимъ пунктамъ программы.

3. Численный, возрастный и рабочій составъ каждой семьи (сколько наличныхъ душъ обоего пола и т. д.?).

Обратить вниманіе на количество стариковъ и маленькихъ дѣтей, а также на возрастъ переселенцевъ-хозяевъ; послѣднее важно для выясненія вопроса, къ какому поколѣнію принадлежитъ масса нынѣшнихъ переселенцевъ.

4. Число ревизскихъ или мірскихъ окладныхъ душъ (раскладочныхъ единицъ) въ каждой семьѣ.

Отвѣты, данные на оба вопроса, могутъ опредѣлять принадлежность каждой семьи къ типу союзныхъ или раздѣлившихся.

5. Численность населенія той деревни или того села, откуда вышла каждая семья (сколько дворовъ и „душъ“, ревизская или мірская).

Вопросъ этотъ имѣетъ большую важность, такъ какъ даетъ возможность судить объ интенсивности переселенческаго движенія; съ другой стороны, результаты переселеній для остающагося населенія въ значительной степени зависятъ отъ процента населеній.

6. Способъ владѣнія землею и распредѣленія по угодіямъ.

Такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ, даже при господствѣ общиннаго землевладѣнія, владѣніе усадебными участками—подворно-наслѣдственное.

7. Частость передѣловъ. Когда былъ послѣдній общій передѣлъ?

8. Не собираются-ли или вновь не собирались-ли дѣлить землю? Если передѣлъ не состоялся, то по какимъ причинамъ?

9. Отношеніе каждой переселенческой семьи къ совершившемуся, ожидаемому или несостоявшемуся передѣлу.

Въ ряду мотивовъ къ выселенію борьба изъ-за распредѣленія земли внутри общины, безъ сомнѣнія, играетъ немаловажную роль. Иногда выселяются недовольные общественнымъ рѣшеніемъ. То вы услышите такой отзывъ: „и безъ того земли мало, а какъ передѣлятъ (или передѣлили) землю, еще тѣснѣе станетъ (или: стало)“. Другіе, наоборотъ, жалуются, что „передѣла не было отъ самой ревизіи“, такъ что „теперь на селѣ немало такихъ, которые уже женились и въ службу ушли, а земли на нихъ все нѣту“. Ясно, что первые принадлежатъ къ числу привиллегированныхъ, „многодушныхъ“ общниковъ, послѣдніе—къ числу обдѣленнаго „малодушнаго“. Группировка отвѣтовъ, данныхъ

переселенцами, въ связи съ другими свѣдѣніями, прольетъ свѣтъ на вопросъ о томъ, къ какой группѣ деревенскаго населенія принадлежатъ переселенцы.

10. Другая форма общиннаго распредѣленія земли; частныя переверстки. Происходятъ ли послѣднія только по добровольному взаимному соглашенію или по обязательному мірскому постановленію?

11. Пространство душеваго надѣла съ распредѣленіемъ его по угодьямъ: сколько десятинъ пахотной земли, луговой, лѣсу, выгона, усадебной и неудобной?

Не на всѣ изъ этихъ вопросовъ можно ожидать точнаго отвѣта. Такъ, напримѣръ, пространство луговой земли почти всегда опредѣляется количествомъ укоса съ нея—копнами или возами. На сѣверѣ, во многихъ мѣстахъ надѣлы еще не отграничены отъ казенныхъ земель, хотя свободное пользованіе послѣдними, все таки, не дозволяется; мѣстами же уже предъявлены владѣнныя записи. На это необходимо обратить вниманіе.

Для однородности данныхъ, необходимо еще имѣть въ виду различіе принятыхъ въ каждой мѣстности мѣръ площадей: есть десятины *казенная* или *тридцатая* (30×80 квадр. саж.), *сороковая* (40×80 квадр. саж.), *пятидесятая* (50×50 квадр. саж.,—въ Камышловскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ, Пермской губерніи); *девяностая* (30×90 квадр. саж.,—въ томъ же Шадринскомъ уѣздѣ), *сотенная* (40×100 квадр. саж., — въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи); въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, мѣрою пространства служитъ „*переѣздъ*"= 40×40 квадр. саж. Для измѣренія дробей десятины употребляются „*осьминники*" ($^1/_4$ дес.); „*загоны*" ($^1/_{10}$ часть „пятидесятой" десятины), „*шесты*" (полоса въ 2×100 квадр. саж.,—такъ измѣряются усадебные участки въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Фатежскаго уѣзда Курской губерніи) и т. д.

12. Пространство душеваго надѣла передъ послѣднимъ передѣломъ (если таковой совершился недавно) или послѣ ожидаемаго передѣла земли.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ вполнѣ точный, а во второмъ приблизительный коэфиціентъ приращенія населенія деревни.

13. Качество почвы крестьянскихъ надѣловъ.

14. Система полеводства.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ поможетъ разъясненію того, почему въ иныхъ мѣстностяхъ, по словамъ крестьянъ, въ надѣлахъ оказывается огромное количество неудобныхъ земель: иногда эти земли, неудобныя только для культуры по общепринятому способу, а не вообще для хлѣбопашества. Жалоба на обиліе неудобныхъ земель указываетъ въ этомъ случаѣ на близость перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, напримѣръ, отъ залежной къ трехпольной. Обратить вниманіе на причины перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ культуры: не вызванъ ли онъ искусственнымъ сокращеніемъ крестьянскаго надѣла посредствомъ введенія владѣнныхъ записей или отмежеванія крестьянскихъ земель отъ государственныхъ?

15. Унаваживаютъ ли землю всѣ вообще крестьяне въ данной мѣстности и спрашиваемая семья въ частности?

Въ средней черноземной полосѣ нерѣдко случается, что болѣе зажиточные хозяева унаваживаютъ свои надѣлы, а бѣднѣйшіе „по 10 лѣтъ ни одного воза не вывозятъ на свои полосы“ по недостатку удобренія, которое безъ остатка уходитъ на топливо (см. ниже).

16. Урожаи хлѣбовъ на крестьянской землѣ.

17. На долго ли хватаетъ каждой семьѣ собственнаго хлѣба на продовольствіе?

18. Количество разныхъ породъ скота у каждой семьи.

19. Достаетъ ли корма скотинѣ и въ чёмъ онъ заключается?

20. Чѣмъ отопляется изба и хватаетъ ли топлива въ собственномъ хозяйствѣ каждой семьи?

21. Количество платежей, причитающихся на каждую семью.

При помощи предыдущихъ данныхъ отсюда легко вычислить сумму платежей, взимаемыхъ съ ревизской или окладной души или съ десятины надѣла; свѣдѣнія, полученныя обратнымъ путемъ, очень часто бываютъ неточны.

22. Изъ какихъ источниковъ каждая семья уплачиваетъ подати?

23. Много ли въ данномъ обществѣ недоимщиковъ?

24. Какъ поступаетъ общество съ неисправными плательщиками?

25. Сколько недоимокъ числилось за каждой семьей до выселенія?

26. Продаетъ ли каждая семья произведенія своего земледѣльческаго хозяйства, какія и когда именно?

Родъ произведеній, поступающихъ въ продажу, имѣетъ весьма важное значеніе для сужденія о положеніи и общемъ строѣ крестьянскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, мѣстами мы находимъ у крестьянъ большіе посѣвы конопли или льна спеціально для продажи. Въ другихъ мѣстахъ продаютъ навозъ сосѣднимъ помѣщикамъ; очевидно, здѣсь имѣетъ мѣсто усиленіе крупнаго земледѣльческаго производства на счетъ истощенія производительныхъ силъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Время продажи опредѣляетъ положеніе крестьянина на рынкѣ: если, напримѣръ, продажа происходитъ въ періодъ уплаты податей, то, само собою разумѣется, цѣны на продаваемыя произведенія сильно падаютъ.

27. Какимъ способомъ каждая семья пополняетъ недостатокъ продовольствія, корма и топлива?

По всѣмъ предыдущимъ вопросамъ съ 17—27 (включительно) вполнѣ точные отвѣты могутъ быть получены только относительно спрашиваемыхъ семей, но приблизительныя и довольно достовѣрныя свѣдѣнія можно собрать и относительно ихъ односельцевъ; это весьма важно для сравненія переселенцевъ съ остальными ихъ односельцами. Неточности и ошибки легко могутъ быть открыты путемъ сравненія разновременно собранныхъ показаній различныхъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, сравненіе тѣхъ же показаній при надлежащей критикѣ доставитъ много несомнѣнно цѣнныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ.

28. Сколько десятинъ какихъ угодій арендуетъ каждая семья?

29. Арендуетъ ли данная семья надѣлы своихъ односельцевъ и сколько именно?

30. Каково экономическое положеніе сдающихъ?

На этотъ вопросъ желательно получить отвѣты по всѣмъ пунктамъ программы, какъ перечисленнымъ, такъ и слѣдующимъ ниже. Каждому съемщику болѣе или менѣе извѣстны обстоятельства его сосѣда, у котораго онъ снимаетъ надѣлъ; поэтому отвѣтъ здѣсь можетъ быть полученъ весьма достовѣрный. Во избѣжаніе повтореній и двойнаго счета,

сдающій долженъ быть поименованъ. Сверхъ того, этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ переселенцамъ въ общей формѣ, относительно всей вообще деревни.

31. Сколько десятинъ своего надѣла сдаетъ въ аренду спрашиваемая семья?

32. Каково экономическое положеніе съемщика?

Два послѣдніе вопроса составляютъ перифразъ двухъ предыдущихъ, примѣнительно къ тѣмъ изъ числа переселенцевъ, которые не только земли не арендовали, но, наоборотъ, сдавали еще собственную землю. Но вопросъ 32 имѣетъ еще, сверхъ того, самостоятельное значеніе; дѣло въ томъ, что съемщиками крестьянскихъ надѣловъ являются иногда лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, напримѣръ, купцы; весьма интересно выяснить, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ земля утилизируется съемщикомъ.

33. Условія аренды надѣльной земли.

Сравненіе арендныхъ цѣнъ съ платежами поможетъ опредѣленію отношенія послѣднихъ къ доходности надѣла.

34. Чьи земли расположены по сосѣдству съ данной общиной?

35. Взысканія за потравы.

Обратить вниманіе на частость взысканія за потравы крестьянами сосѣднихъ обществъ другъ съ друга съ одной стороны, и частными землевладѣльцами съ крестьянъ—съ другой. Оба послѣдніе вопроса тѣсно связаны между собою, такъ какъ въ расположеніи земель надо искать объясненія частости потравъ.

36. У кого крестьяне снимаютъ внѣ-надѣльную землю?

Нерѣдко земля, прежде чѣмъ достаться крестьянину, переходитъ черезъ руки нѣсколькихъ посредниковъ.

37. Условія аренды внѣ-надѣльной земли вообще и для каждой семьи въ частности.

Обратить вниманіе на сроки взноса арендной платы и размѣры задатковъ, если аренда денежная. Гдѣ возможно—отмѣтить также происшедшія съ теченіемъ времени измѣненія въ условіяхъ аренды.

38. Условія аренды угодій для скота.

39. Виды общинной аренды, размѣры и условія ея.

40. Заработки мѣстнаго населенія.

Указать совершившіяся въ послѣднее время измѣненія въ условіяхъ крестьянскихъ заработковъ (упадокъ однихъ заработковъ, развитіе другихъ и т. д.). Отвѣты на этотъ вопросъ будутъ содержать въ себѣ также указанія на формы частнаго хозяйства въ данной мѣстности.

41. Имѣетъ ли данная семья мѣстные земледѣльческіе заработки, какіе именно, у кого и на какихъ условіяхъ?

Отмѣтить особо подесятинные заработки работника съ лошадью, поденщину конную и пѣшую и срочное батрачество (указать срокъ).

42. Сколько изъ каждой семьи уходитъ взрослыхъ мужчинъ на лѣтнія земледѣльческія работы? куда? размѣры вознагражденія за трудъ.

43. Мѣстные неземледѣльческіе заработки каждой семьи, зимніе и лѣтніе.

44. Сколько взрослыхъ рабочихъ въ каждой семьѣ занимается зимними и лѣтними отхожими неземледѣльческими промыслами, какими, гдѣ именно и на какихъ условіяхъ?

45. Какъ поступали съ своими земельными надѣлами тѣ изъ переселенцевъ, которые уходили на сторонніе заработки?

46. — а равнымъ образомъ и тѣ, которые не имѣли собственнаго живаго рабочаго инвентаря?

II. Выходъ на переселеніе.

47. Психологическіе мотивы переселеній.

48. Выключилась ли изъ общества данная семья или поѣхала по паспорту?

49. Къ кому, на какіе сроки и на какихъ условіяхъ перешли земельные надѣлы каждой семьи?

Обратить вниманіе на случаи долгосрочной аренды надѣловъ и *продажи* части или всего надѣла.

50. Экономическое положеніе снявшихъ или пріобрѣтшихъ (поименовать фамиліи) надѣлы каждой переселенческой семьи (см. вопросы 30 и 32).

51. Кому и за какую цѣну продано имущество каждой переселенческой семьи?

Чѣмъ подробнѣе свѣдѣнія, тѣмъ лучше, такъ какъ это дастъ вѣрное понятіе о цѣнахъ, за какія переселенцы сбываютъ свое имущество.

52. Экономическое положеніе покупателя или покупателей (имя рекъ). См. вопросъ 50.

53. Мнѣнія переселенцевъ о послѣдствіяхъ выселеній для остающихся жителей деревни.

54. Перечень предварительныхъ расходовъ, сдѣланныхъ каждой семьей передъ выселеніемъ (уплата недоимокъ, долговъ, пріобрѣтеніе приговоровъ и т. п.).

55. Оказало ли общество матеріальную помощь переселенцамъ, въ какомъ размѣрѣ и на какихъ условіяхъ?

56. Средства каждой семьи въ моментъ выхода на переселеніе

Такъ какъ переселенцы въ ариѳметикѣ не сильны, то послѣдній вопросъ можетъ служить средствомъ для повѣрки предыдущихъ данныхъ (вопросы 49, 51 и 54), и обратно.

III. Путешествіе.

57. Гдѣ образовалась переселенческая партія: на родинѣ или въ пути?

Численность партіи при посемейной переписи получится простымъ сложеніемъ.

58. Время выхода каждой семьи на переселеніе (годъ, мѣсяцъ и число) или продолжительность путешествія. ✓

Выяснить, почему именно переселеніе предпринято въ то, а не въ другое время года, напримѣръ, отчего вышли среди лѣта, осенью, зимою, а не весною? Въ переписи изслѣдователи отмѣчаютъ мѣсяцъ и день встрѣчи съ каждой переселенческой партіей; этимъ путемъ выводится продолжительность путешествія, когда извѣстно время выхода на переселеніе, или наоборотъ.

59. Маршрутъ путешествія каждой семьи.

По мѣрѣ возможности, выяснить соображенія, которыми руководились переселенцы, избирая тотъ или иной путь. Извѣстно, что одна часть переселенцевъ по прибытіи въ Тюмень запасается кибитками и лошадьми, на которыхъ и продолжаетъ путь по тракту, тогда какъ изъ Тюмени ходятъ пароходы, на которыхъ большая часть переселенцевъ слѣдуетъ до самаго мѣста или только до Томска. Рѣзкой разницы въ стоимости проѣзда по сушѣ и по водѣ для *средней* семьи не замѣчается; не поможетъ ли здѣсь уясненію дѣла численный и возрастный составъ не средней, а каждой отдѣльной семьи? Наконецъ, нѣтъ ли какихъ либо другихъ причинъ, которыми обусловливается выборъ того или инаго способа путешествія отъ Тюмени? Равнымъ образомъ, одна часть переселенцевъ, идущихъ черезъ Оренбургъ изъ Верхнеуральска, направляется по главному тракту на Троицкъ, Петропавловскъ, Омскъ и т. д., слѣдуя печатному маршруту, выдаваемому въ Батракахъ; другая—по проселкамъ на Челябинскъ, Курганъ, Ишимъ и т. д. Точно также численный составъ индивидуальной (а не средней) семьи, быть можетъ, объяснитъ, почему одна часть переселенцевъ беретъ билеты желѣзной дороги до Оренбурга, другая путешествуетъ вдоль линіи на лошадяхъ.

60. Продолжительность и причины большихъ остановокъ, если таковыя были.

61. Гдѣ останавливаются переселенцы на ночлеги въ ведро и ненастье, лѣтомъ и зимою?

62. Число принадлежащихъ каждой семьѣ лошадей и повозокъ; качество послѣднихъ.

Дорожная обстановка переселенца служитъ однимъ изъ признаковъ степени его достатка.

63. Путевые расходы каждой семьи.

Желательно по этому вопросу имѣть по возможности обстоятельныя свѣдѣнія. Необходимо также обратить вниманіе на стоимость харчей и прокорма лошадей,—безъ этого сравненіе дорожныхъ расходовъ по разнымъ путямъ движенія переселенцевъ не дастъ никакихъ результатовъ.

64. Не проситъ ли милостыни дорогой данная семья? щедро ли населеніе на подаянія переселенцамъ?

65. Взаимопомощь и артельность между членами переселенческой партіи.

Указать конкретныя проявленія товарищеской солидарности, не довольствуясь общими и неопредѣленными заявленіями переселенцевъ.

66. Взаимный кредитъ и условія его среди членовъ переселенческой партіи.

Нерѣдко и среди переселенцевъ случается находить тѣ же формы кредита, какія опредѣляютъ отношеніе кулаковъ къ ихъ должникамъ въ мѣстахъ выселенія: займы подъ отработку и кабальный трудъ. Эта черта экономическихъ отношеній между переселенцами еще очень мало выяснена изслѣдованіями.

67. Численныя измѣненія въ составѣ переселенческихъ партій: не отсталъ ли кто въ пути и по какимъ причинамъ?

Объ отставшихъ семьяхъ слѣдуетъ разспросить, по программѣ, остальныхъ спутниковъ.

68. Болѣзни и смертность въ пути.

Опрашивая каждую семью, можно получить чрезвычайно точныя цифровыя данныя.

IV. Положенiе переселенцевъ въ мѣстахъ водворенiя.

69. Мѣсто осѣдлости переселенцевъ или цѣль путешествiя: губернiя, уѣздъ или округъ, волость, село.

70. На основанiи какихъ свѣдѣнiй каждою семьею предпринято переселенiе и избрано мѣсто?

71. Были ли предварительно снаряжаемы ходоки и на какiя средства?

72. Виды каждой семьи на будущее по прибытiи на мѣсто.

Вопросъ этотъ имѣетъ весьма важное значенiе для выясненiя душевнаго настроенiя, сопутствующаго современнымъ переселенiямъ.

73. Какъ давно поселилась каждая семья на новомъ мѣстѣ жительства?

Легко видѣть, что нѣкоторые пункты программы одинаково относятся ко всѣмъ безъ различiя переселенцамъ, другiе же—или только къ тѣмъ изъ нихъ, которые еще находятся въ пути слѣдованiя, или къ тѣмъ, которые уже находятся на мѣстѣ.

74. Гдѣ и какъ долго проживала каждая семья ранѣе окончательнаго водворенiя въ послѣднемъ мѣстѣ жительства?

75. По какой причинѣ данная семья мѣняла или собирается перемѣнить свое мѣстожительство?

Въ поясненiе послѣднихъ трехъ вопросовъ надо замѣтить, что очень часто переселенцы долгое время бродятъ съ мѣста на мѣсто, прежде чѣмъ окончательно осн уются въ какомъ либо обществѣ. Въ основѣ такихъ скитанiй нерѣдко лежитъ скороспѣлый выборъ мѣстности и неумѣнье или невозможность приспособиться къ новымъ и незнакомымъ условiямъ хозяйства въ дѣвственной странѣ. На исторiю этихъ скитанiй должно быть обращено особенное вниманiе при изслѣдованiи.

76. Средства каждой семьи въ моментъ прибытія на мѣсто. ✓

77. По какой причинѣ данная семья еще остается въ составѣ прежняго общества?

78. — или же: какъ давно перечислилась спрашиваемая семья въ новое общество?

79. Во сколько обошелся пріемный приговоръ?

80. Что побудило данную семью поселиться въ чертѣ земель, принадлежащихъ обществу крестьянъ-старожиловъ? отчего не основалась она на впустѣ лежащихъ земляхъ?

81. Общинные порядки въ мѣстѣ водворенія переселенцевъ (см. выше вопросы 6, 12, 21 и др.).

82. Сельское хозяйство въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ (см. вопросы 13—16 и др.).

83. Размѣры скотоводства, необходимые по мѣстнымъ условіямъ для занятія хлѣбопашествомъ.

84. Экономическое положеніе каждой переселенческой семьи на новомъ мѣстѣ въ началѣ и теперь (размѣры надѣла, скотоводства, заработка и т. д., согласно предыдущимъ вопросамъ программы).

Желательно имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ мало-по-малу слагалось хозяйство семьи на новомъ мѣстѣ. Если и не удастся это относительно всѣхъ семействъ, то въ колоніяхъ всегда есть возможность составить себѣ объ этомъ понятіе, сопоставляя въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ (см. вопросъ 73) разновременно прибывшія семьи. Сравненіе обстановки вновь прибывшихъ переселенцевъ въ общинахъ съ густымъ и рѣдкимъ населеніемъ дастъ понятіе о ходѣ развитія экономическихъ отношеній въ колоніяхъ; сопоставляя эти свѣдѣнія съ разсказами ранѣе прибывшихъ переселенцевъ, можно начертать вѣрную картину прошлаго и будущаго состоянія нашихъ сибирскихъ колоній.

85. Размѣры запашки, производимой каждой семьею.

Вопросъ этотъ необходимъ въ виду того, что въ многоземельныхъ селеніяхъ Сибири площадь запашки всецѣло зависитъ отъ степени достатка каждаго домохозяина и далеко не совпадаетъ съ пространствомъ удобныхъ для хлѣбопашества земель надѣла, какъ въ Европейской Россіи, гдѣ распахивается каждый клочекъ.

86. Стоимость и время пріобрѣтенія крупныхъ статей хозяйственнаго имущества каждой семьи (избы, скота и т. п.).

87. Держитъ ли данная семья наемныхъ работниковъ, сколько именно и на какихъ условіяхъ?

88. Существуетъ ли рынокъ для сбыта произведеній крестьянскаго хозяйства?

89. Причины, побудившія данную семью вернуться на родину.

Всегда разорительное возвращеніе иныхъ переселенцевъ на родину указываетъ на существованіе въ нашемъ переселенческомъ дѣлѣ такихъ условій, которыя, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, не даютъ крестьянину подняться на новомъ мѣстѣ. Опросъ каждой возвращающейся семьи по всѣмъ предыдущимъ пунктамъ программы дастъ довольно полное представленіе о бытѣ переселенца какъ до выселенія, такъ и въ новомъ мѣстѣ жительства, а равно и по возвращеніи на родину. Само собою разумѣется, что нѣкоторые вопросы (напримѣръ, относительно выхода на переселеніе) должны быть предложены такимъ переселенцамъ дважды: разъ, когда рѣчь идетъ о выселеніи въ Сибирь, другой—по поводу обратнаго переселенія на родину.

Въ числѣ причинъ своего недовольства новыми условіями жизни переселенцы иногда выставляютъ мотивы національнаго и религіознаго характера. Такъ, напримѣръ, мнѣ однажды указывали, что «тамъ (т. е. въ Ануйской волости, на Алтаѣ) все киргизы.... извѣстно, киргизы—развѣ съ ними можно жить!» Тутъ на первый взглядъ слышится какъ бы пренебреженіе къ инородцу. Но на самомъ дѣлѣ, по аналогіи съ другими данными, надо полагать, что здѣсь причина лежитъ гораздо глубже, въ столкновеніяхъ двухъ культуръ: земледѣльческой и кочевой. На это уже указывалось въ сибирской печати, но желательно бы разработать этотъ вопросъ подробнѣе.

Точно также нерѣдко переселенцы жалуются на то, что мѣстное населеніе состоитъ изъ «чашниковъ» и «кержаковъ», которые въ церковь не ходятъ и равнодушны къ обрядамъ православной вѣры. Не облекаются ли здѣсь, какъ это нерѣдко бывало въ исторіи, въ религіозную форму—столкновенія между переселенцами и старожилами на почвѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній? ибо трудно допустить, чтобы русскій человѣкъ, отличающійся своимъ терпимымъ отношеніемъ къ иновѣрцамъ, сталъ раззоряться изъ-за того, что его сосѣдъ не ходитъ въ церковь. Чрезвычайно интересно выяснить внутренній, сокровенный смыслъ подобныхъ жалобъ.

90. Какъ объяснить, что другіе переселенцы рисуютъ жизнь на новомъ мѣстѣ въ заманчивомъ видѣ и не обнаруживаютъ намѣренія вернуться на родину.

Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ и имѣетъ цѣлью рельефнѣе оттѣнить причины, побудившія данную семью вернуться на старое мѣсто.

91. Виды вернувшейся семьи на будущее въ родной сторонѣ.

V. Старыя колоніи.

Экономическое положеніе старыхъ колоній можетъ быть опредѣлено при помощи предыдущихъ пунктовъ программы (I, IV), дополненныхъ нижеслѣдующими вопросами:

92. Время основанія изслѣдуемаго поселенія.

93. Исторія его основанія и дальнѣйшаго развитія.

Сюда слѣдуетъ включить разсказы о томъ, какимъ образомъ совершилось выселеніе изъ прежняго мѣста жительства, какъ мало-по-малу устроились переселенцы на новомъ мѣстѣ и какъ развивались экономическія отношенія жителей новаго поселенія другъ къ другу и къ государству (см. предыдущіе вопросы программы).

94. Не происходило ли въ недавнее время новыхъ переселеній въ ту же или въ сосѣднюю мѣстность.

Наплывъ новыхъ переселенцевъ, само собою разумѣется, стѣсняетъ земельный просторъ для прежняго населенія. Такъ напримѣръ, въ одну изъ волостей Шадринскаго уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ причислено было 400 душъ переселенцевъ, которымъ отведенъ былъ надѣлъ въ 8-десятинной пропорціи изъ казенной оброчной статьи; сосѣдніе крестьяне, пользующіеся 12-десятиннымъ надѣломъ, почувствовали стѣсненіе въ землѣ, ибо, хотя отведенный имъ надѣлъ остался тотъ же, но ранѣе они пользовались за опредѣленную плату и тою оброчною статьею, которая потомъ отведена была переселенцамъ.

95. Число выселеній изъ изслѣдуемыхъ села или деревни.

96. Экономическое положеніе каждой переселившейся семьи.

97. Мотивы переселенія каждой семьи.

Прочіе вопросы тѣ же, что и выше, относительно всякой вообще переселенческой семьи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Стран.	Строка. Сверху	Снизу	Напечатано:	Должно быть:
V.	13	—	$^1/_3$	$^2/_3$
VIII.	—	2	подозрѣваемъ	подозрѣвали
1	5	—	выработка	выработки
3	17	—	остановку	остановки
28	—	1	работали	работаютъ
30	12	—	и свѣдѣній, о которыхъ у насъ	свѣдѣній, о которыхъ у насъ и
31	11	—	окрестныхъ,	окрестныхъ деревень,
32	15—16	—	*какъ на сѣверѣ стали приносить человѣка въ жертву деревьямъ*	какъ на сѣверѣ стали приносить человѣка въ жертву деревьямъ
—	18	—	*несплошь покрытой*	не сплошь покрытой
34	—	15	судоходныхъ компаній	пароходныхъ компаній
38	—	15	*себя возвышеніемъ цѣнъ на продаваемый ими хлѣбъ и трудъ*	себя возвышеніемъ цѣнъ на продаваемый ими хлѣбъ и трудъ
—	—	9—10	*досталась исключительно на долю хлѣбнаго скупщика*	досталась исключительно на долю хлѣбнаго скупщика
39	7	—	*онъ самъ вступилъ въ ряды покупателей*	онъ самъ вступилъ въ ряды покупателей
42	4	—	*разжившіеся крестьяне — кулаки*	разжившіеся крестьяне — кулаки
—	—	9—11	*постараюсь поэтому нарисовать на основаніи ихъ разсказовъ картину исвыхъ порядковъ, заведенныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ купцами и кулаками*	постараюсь поэтому нарисовать на основаніи ихъ разсказовъ картину новыхъ порядковъ, заведенныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ купцами и кулаками
45	2 и 8	—	магазинами	машинами
46	16	—	непосредственно	непосредственное
—	–	11	ими	имъ
51	3	—	людьски	людьми
53	—	7	привлекла	привлекала
55	18	—	мѣстность	мѣстности
58	15	—	типъ —	типъ
64	—	1—2	*слѣдуютъ земледѣльческіе отхожіе и неземледѣльческіе промыслы*	слѣдуютъ земледѣльческіе отхожіе и неземледѣльческіе промыслы
76	—	18	деревенскихъ, что	что
78	—	20	не менѣе	менѣе
92	—	8	безлошадный	безлошадный,

